БРАЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ

и

ИХЪ ЗНАЧЕНІЕ.

ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Дмитрія Азаревича.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Въ типографіи Г. Фалькъ.
1879.

БРАЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ

И

ИХЪ ЗНАЧЕНІЕ.

ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Дмитрія Азаревича.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Въ типографіи Г. Фалькъ.
1879.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
30 Мая 1878 г. Директоръ М. Капустинъ.

ПОСВЯЩАЮ МОЕЙ ЖЕНѢ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе . . . . . . до стр. 4.

Глава I Господство физическаго элемента въ древнемъ римскомъ бракѣ . . . . 4—25.

Глава II Элементъ соглашенія волей, какъ основаніе позднѣйшаго римскаго брака . . 25—32.

Глава III Главнѣйшее послѣдствіе брака, основнаго лишь на простомъ согласіи сторонъ,—свобода разводовъ . . . . . . 32—44

Глава IV Имущественныя отошенія между супругами въ позднѣйшемъ римскомъ правѣ, на сколько форма ихъ не въ состояніи была парализировать значенія господствовавшаго элемента соглашенія въ римскомъ бракѣ . . . . . . 44—45

Глава V Жизненныя явленія позднѣйшаго римскаго брака (склонности, занятія, образъ жизни римской женщины, безбрачіе) . . . . . 54—62

Глава VI. Этическій элементъ брака по ученію древнѣйшихъ христіанскихъ писателей . . 62—74

Глава VII. Слѣды этическихъ началъ въ языческомъ римскомъ бракѣ и послѣдующее вліяніе на него христіанскаго ученія . . . . 74—94

Глава VIII. Германскій бракъ до Тридентскаго Собора . . . . 94—132.

Брачные элементы и ихъ значенiе [1]).

Nuptias... affectus alternus facit.
(Nov. 22, 3).

По словамъ Платона въ хорошо устроенномъ государствѣ первыми законами должны быть тѣ, которые регулируютъ бракъ. Дѣйствительно, среди всѣхъ правовыхъ институтовъ первое мѣсто принадлежитъ брачному союзу уже потому, что на немъ зиждется семья,—эта основа, какъ въ древнiя, такъ и въ новѣйшiя времена, всякаго гражданскаго общества. Устойчивостью этого союза обусловливается не только крѣпость, но и самое существованiе семьи. Между тѣмъ въ различныя историческiя эпохи отдѣльныхъ народовъ проявляются признаки крайняго ослабленiя брачной связи со всѣми тяжелыми его общими послѣдствiями. Нерѣдко сознанiе такихъ явленiй проявляется въ громкихъ жалобахъ моралистовъ и даже законодательныхъ мѣрахъ противъ нихъ. Понятно, поэтому, насколько интересно распознать условiя существованiя и устойчивости брачнаго союза; а распознать эти условiя мы можемъ только тогда, когда разложимъ бракъ на его отдѣльные элементы и затѣмъ опредѣлимъ зна-

---

[1]) Выдержки изъ даннаго изслѣдованiя были прочтены авторомъ въ торжественномъ собранiи Демидовскаго Юридическаго Лицея 30 августа 1878 года.

ченіе ихъ по жизненнымъ явленіямъ въ тѣ историческіе періоды, въ которые явственно выступало послѣдовательное господство или только преобладаніе каждаго изъ этихъ элементовъ.

Для выполненія нашей задачи мы прежде всего остановимся на бракѣ римскаго народа, такъ какъ ни одинъ другой народъ не представляетъ такого стройнаго продолжительнаго историческаго развитія правовыхъ институтовъ; затѣмъ противоположимъ добытымъ результатамъ ученіе о бракѣ въ первоначальной христіанской церкви, а, наконецъ, еще разъ провѣримъ наши заключенія на исторіи германскаго брака до періода реформаціи.

ГЛАВА I.

Въ каждомъ бракѣ мы можемъ различать въ настоящее время слѣдующіе три элемента: элементъ реальный или физическій, элементъ соглашенія волей и элементъ этическій. Реальный элементъ брака заключается въ осуществленіи путемъ его того естественнаго закона, который основывается на различіи половъ. Бракъ по этому элементу составляетъ такое установленіе, путемъ котораго поддерживается распложеніе человѣчества. Второй элементъ брачнаго сожитія состоитъ въ томъ, что соединеніе лицъ разныхъ половъ въ бракѣ основывается не иначе, какъ на соглашеніи волей сторонъ, основывается на свободномъ опредѣленіи этихъ волей. Наконецъ, бракъ есть тотъ союзъ любви, полнаго духовнаго общенія, которое изъемлетъ его отъ какихъ-бы то ни было опредѣленій внѣшними положеніями. Это есть третій элементъ брака—элементъ этическій, нравственный.

По современному воззрѣнію въ каждомъ бракѣ нормально требуются въ наличности всѣ три элемента, но нельзя тогоже сказать о бракѣ древнѣйшихъ народовъ. Такъ въ исторіи римскаго брака мы замѣтимъ преобладаніе то одного, то двухъ первыхъ элементовъ, почти вовсе устраняющихъ послѣдній—элементъ этическій; пока христіанство не выставило на первое мѣсто идею любви, полнаго внутренняго общенія, вполнѣ устранившаго у нѣкоторыхъ крайнихъ послѣдователей этого ученія реальный элементъ брака.

Отношеніе римлянъ къ браку опредѣлялось политическимъ значеніемъ рода, а затѣмъ семьи въ римскомъ государствѣ. Римское древнѣйшее государство, какъ извѣстно, основывалось

на семейной организаціи. Въ общемъ тутъ не было отличій отъ всякаго другаго государственнаго быта, только въ Римѣ эта основа выступала особенно ясно и сильно. Родъ, семья были тѣми единицами, изъ которыхъ непосредственно состояло государство; государство было союзомъ родовъ. Поэтому, семья римская предназначалась служить цѣлямъ государства; въ этомъ Римляне видѣли всё ея значеніе. Понятно, что при такомъ значеніи семья римская могла быть организована въ виду только политическаго интереса; понятно, что основой ея могли быть не естественныя склонности, обусловленныя кровною связью, а такое начало, какъ власть семейнаго главы. Въ этой основѣ семейныхъ отношеній центральнымъ ихъ понятіемъ воплощалось внутреннее единство семьи и внѣшнее ея обособленіе. Еще по позднѣйшему опредѣленію семьи подъ нею разумѣлась та совокупность предметовъ, которая подлежала власти домовладыки. Подъ фамиліей (familia) разумѣлся не только личный составъ семьи, но и все имущество домовластителя—его рабы, дворъ.

Основная форма семейной власти, послужившая образцомъ для всѣхъ другихъ ея выраженій, а именно власть отца надъ нисходящими вытекала изъ самого факта происхожденія, какъ распространенія своего личнаго бытія въ существахъ потомства, которое поэтому и заправлялось абсолютно волею своего творца. Такимъ образомъ семья римская съ личной стороны была ничѣмъ инымъ, какъ совокупностью тѣхъ лицъ, которые производятъ свое бытіе отъ одного и того-же лица и поэтому заправляются волею даннаго лица. При только-что указанномъ значеніи родовыхъ, семейныхъ единицъ Римляне должны были самою подчиненностію волѣ домовластителя опредѣлять и принадлежность къ семьѣ, такъ-что членами римской семьи могли состоять не только лица кровнаго происхожденія, но и лица, совершенно чуждыя ей, только пріобщенныя подъ власть домовладыки. Къ числу послѣднихъ принадлежала и жена, подчинявшаяся мужу наравнѣ съ прочими членами семьи.

Дѣйствительно, Римляне при различныхъ формахъ бракосочетанія различали не столько способы самого вступленія въ

бракъ, сколько способы установленія мужней власти надъ женой, извѣстной спеціально подъ именемъ руки (manus).

Въ древнемъ Римѣ всякій бракъ сопровождался поступленіемъ жены подъ мужнію руку. Власть эта первоначально по объему ничѣмъ не отличалась отъ абсолютной отцовской власти (patria potestas) надъ дѣтьми. Въ этомъ отношеніи жена была только пріемною дочерью своего мужа, сестрою своихъ дѣтей. Выходя изъ своей власти, мужъ былъ судьею своей жены, замѣнялъ для нея, по выраженію Катона, цензора. Онъ имѣлъ право жизни и смерти надъ женою, право продать ее и т. п. Правда, въ болѣе важныхъ поступкахъ мужъ отправлялъ свою власть судьи совмѣстно съ своими и ближайшими жениными родственниками. Съ другой стороны, до смертной казни право мужняго суда, думаютъ, доходило въ двухъ только случаяхъ: пьянства и невѣрности. Дѣйствительно, источники положительно констатируютъ для этихъ случаевъ право мужа на жизнь и смерть своей жены Такъ, Валерій Максимъ упоминаетъ о нѣкоемъ Эгнаціи Метеллѣ, казнившемъ свою жену за пьянство, при чемъ прибавляетъ, что всѣ отнеслись къ этому какъ къ благому примѣру. Это же право казнить женъ въ случаяхъ явной ихъ невѣрности упомянуто въ рѣчи Катона Старшаго.

Предъ мужней властью жена была безправна не только лично, но и по имуществу: она не могла имѣть и пріобрѣтать что-либо въ особое владѣніе. Все, чѣмъ она владѣла въ день брака, или пріобрѣла позднѣе, переходило къ мужу, который могъ распоряжаться этимъ добромъ наравнѣ съ своимъ собственнымъ имуществомъ, даже по завѣщанію. Мало того, и по самой смерти мужа имущество это шло не кровнымъ дѣтямъ жены, какъ таковымъ, а ближайшимъ изъ числа подчиненныхъ, хотя-бы путемъ усыновленія, родственникамъ покойнаго домовластителя. Въ случаѣ-же, если жена умираетъ ранѣе, то мужъ по прежнему разсматривался собственникомъ всего имущества и не обязывался кому-либо возвратить часть, полученную по поводу брака. Такимъ образомъ въ домѣ былъ одинъ только собственникъ, неограниченный распорядитель всего имущества—мужъ.

Подчиняясь мужу, жена по смыслу исключительной семейной власти, покидала свою прежнюю семью, разрывала съ нею всякую связь, терпѣла такъ называемое умаленіе правоспособности (capitis diminutio). Пріобщаясь къ сакрамъ мужней семьи, жена подчинялась власти другаго господина и тѣмъ переставала подлежать власти своего отца. Поэтому, позднѣе, когда бракосочетаніе не сопровождалось формальностями установленія мужней власти, а поэтому жена часто могла и не принадлежать вполнѣ мужу наравнѣ со всѣмъ его имуществомъ, то она разсматривалась совершенно чуждымъ ему индивидомъ. Она сохраняла своихъ боговъ, оставалась въ своей прежней семьѣ и поэтому, напримѣръ, не участвовала въ наслѣдованіи послѣ мужа. Раждая ему дѣтей, она принадлежала иной, чѣмъ эти послѣднія, семьѣ. Дѣти ея считались болѣе близкими самому отдаленному родственнику отца, чѣмъ своей матери.

Таковы въ краткихъ словахъ послѣдствія семейной организаціи Римлянъ, наводящія насъ и на то значеніе, которое они придавали браку вообще. Помимо естественнаго стремленія каждаго человѣка сохранить свое бытіе въ потомствѣ, государственною обязанностію римскаго гражданина, какъ таковаго, было сохраненіе цѣлости и распространеніе тѣхъ союзовъ, изъ которыхъ состояло государство, иначе—давать этому послѣднему гражданъ.

Слѣдовательно, общее назначеніе брака состояло въ распложеніи семьи мужа. Признакомъ настоящаго супружескаго соединенія было не общее сожитіе мужа съ женой, но распложеніе семьи путемъ даннаго сожитія. Назначеніе брака состояло не во взаимныхъ личныхъ отношеніяхъ супруговъ. Мужья брали женъ съ одною цѣлію—имѣть отъ нихъ дѣтей. При самомъ вступленіи въ бракъ супруги торжественно заявляли цѣль этой связи въ рожденіи дѣтей (liberorum procreandorum causa). Бракъ былъ только средствомъ продолжить, распространить свое бытіе въ потомствѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ выполнить свою обязанность предъ государствомъ. Еще въ концѣ республики эта гражданская обязанность явно выражена въ нѣкоторыхъ бракахъ. Такъ, Катонъ Утическій женится съ пря-

мымъ намѣреніемъ дать Риму новыхъ гражданъ. Наконецъ, по самому опредѣленію римскихъ юристовъ (Гай), бракъ былъ только способомъ пріобрѣтенія отцовской власти; а въ самомъ соединеніи лицъ различнаго пола путемъ брака они видѣли (Ульпіанъ) только одно изъ приложеній законовъ физической природы общей людямъ со всѣми остальными животными. Однимъ словомъ на бракъ римляне смотрѣли какъ на жизненный принципъ общества, государства, которое по ихъ понятію состояло изъ одного только личнаго элемента, изъ гражданъ, и путемъ брака должно было поддерживаться и развиваться. Въ древнѣйшихъ празднованіяхъ каждаго исполнившагося вѣка приносились публичныя молитвы между прочимъ за плодородіе полей и женщинъ. Поэтому же и самый брачный институтъ римскій носилъ характеръ скорѣе государственнаго, чѣмъ частно-гражданскаго института.

Соотвѣтственно такому значенію брака безбрачіе не только налагало на римлянина позоръ, но разсматривалось еще и какъ невыполненіе долга предъ государствомъ. Діонисій Галикарнаскій упоминаетъ древній законъ, по которому всѣ граждане обязывались вступать при опредѣленномъ возрастѣ въ бракъ и воспитывать всѣхъ дѣтей отъ брака. Былъ даже особенный видъ денежной пени, которой подлежали холостяки (uxorium). Къ этой пени присудили всѣхъ старыхъ холостяковъ цензоры Камиллъ и Постумій. Далѣе, Плутархъ разсказываетъ, что Камиллъ послѣ одной войны, въ которой пало много гражданъ, принудилъ холостяковъ жениться на вдовахъ. Наконецъ, вообще одною изъ обязанностей цензоровъ было побуждать гражданъ ко вступленію въ бракъ. Еще въ концѣ республиканскихъ временъ Цицеронъ, въ своемъ трактатѣ о законахъ, ставя должностнымъ лицамъ въ прямую обязанность брачную жизнь, говорилъ: «цензоры не должны допускать, чтобы между ними были холостяки».

Того же политическаго значенія брака, какъ средства давать государству гражданъ, нельзя еще не замѣтить и изъ содержанія законовъ Августа противъ холостыхъ (coelibes). Часто полагаютъ, что законы эти направлены были непосредственно противъ господствовавшей безнравственности,

что ими Августъ имѣлъ въ виду только возстановить общественную нравственность. Но мнѣніе это едва-ли вполнѣ справедливо. Какіе-бы мотивы ни были выставлены въ изданіи этихъ законовъ, какой-бы внѣшній видъ они не имѣли, вѣрно только то, что путемъ возстановленія прежней чистоты нравовъ имѣлось въ виду исключительно поддержать бракъ какъ средство размноженія гражданъ. Я вполнѣ согласенъ съ тѣми учеными, которые думаютъ, что мѣра Августа противъ холостыхъ была вызвана ничѣмъ инымъ, какъ уменьшеніемъ римскаго населенія послѣ междуусобныхъ войнъ; путемъ своихъ узаконеній Августъ думалъ восполнить убыль. Дѣйствительно, за такое пониманіе законовъ Августа говорятъ прежде всего прямыя свидѣтельства источниковъ, называющія ихъ законами рожденія дѣтей (legem... sobolis procreandae causa latam). Затѣмъ мы знаемъ, что позднѣе императоромъ Траяномъ открыты были дѣтскіе пріюты, чтобы, обезпечивая содержаніе дѣтей, поощрять ко вступленію въ бракъ. Побудила Траяна къ учрежденію этихъ пріютовъ возраставшая убыль населенія римскаго, и Плиній прямо выражается объ этихъ постановленіяхъ, какъ дополненіяхъ къ законамъ Августа о бракѣ. Наконецъ, настоящій смыслъ послѣднихъ законовъ выступаетъ и изъ самаго ихъ содержанія. Такъ холостой мужчина, по одному изъ этихъ законовъ, могъ избѣжать назначенныхъ убыточныхъ послѣдствій своей неженидьбы, беря себѣ наложницу (concubina) съ ясно выраженнымъ намѣреніемъ имѣть отъ нея дѣтей. Далѣе, какой былъ бы смыслъ въ другомъ законѣ Августа, а именно противъ состоящихъ въ бракѣ, но бездѣтныхъ (orbi), еслибъ онъ имѣлъ въ виду поддержать только брачную форму сожитія? Такъ, по этому закону, каждый индивидъ отъ 25 до 60 лѣтъ, не имѣвшій своихъ дѣтей или усыновленныхъ, могъ по отказу посторонняго лица получить не болѣе половины, остальная часть шла въ пользу другихъ, назначенныхъ въ завѣщаніи лицъ, имѣвшихъ дѣтей. Рожденіе ребенка возстановляло права отца. Соотвѣтственно съ указаннымъ стремленіемъ Августа ограничить безбрачіе, какъ состояніе невыполненнаго предъ государствомъ долга, были предписаны вторичные браки. Такъ однимъ изъ законовъ, тотъ же императоръ предоставлялъ вдовѣ отдыхъ (tribuit vacationem) срокомъ на три года со смерти

мужа, а въ случаѣ развода только на 6 мѣсяцевъ. Не вступившая въ продолженіи этихъ сроковъ во вторичный бракъ подвергалась опредѣленнымъ имущественнымъ невыгодамъ.

Согласно такому смыслу законовъ Августа, мы имѣемъ много доказательствъ прямого поощренія дѣторожденія. Такъ, напримѣръ, изъ нѣсколькихъ кандидатовъ на вакантную должность предпочитался тотъ, у кого было болѣе дѣтей; изъ выбранныхъ консуловъ первымъ бралъ fasces, избиралъ провинціи тотъ, у кого было болѣе дѣтей. Далѣе, въ Римѣ по общему началу до опредѣленнаго возраста нельзя было получать должностей,—и вотъ каждый родившійся ребенокъ укорачивалъ срокъ на одинъ годъ. Мало того, предоставленіе извѣстныхъ привилегій и преимуществъ соединялось съ рожденіемъ только опредѣленнаго числа дѣтей. Такъ, въ особенности часто упоминается о привиллегіяхъ по поводу трехъ дѣтей (jus trium liberorum), освобождавшихъ родителей отъ нѣкоторыхъ личныхъ обязанностей, напримѣръ, принимать опеку. Матери многочисленнаго потомства имѣли право на особую почетную одежду. И т. д.

Съ другой стороны, такое назначеніе брака давать здоровыхъ гражданъ государству выразилось и въ томъ обстоятельствѣ, что на браки лицъ пожилыхъ Римляне смотрѣли неодобрительно, а императоръ Августъ въ одномъ изъ законовъ, подтвержденномъ при Тиверіи, положительно запретилъ вступать въ бракъ мужчинамъ старше шестидесяти лѣтъ, женщинамъ старше пятидесяти и вообще всѣмъ больнымъ безсиліемъ (spadones). Равнымъ образомъ римское право всегда считало ничтожными браки скопцовъ (castrati). Отъ всѣхъ этихъ лицъ нельзя было ожидать потомства, а въ иномъ чемъ, кромѣ выполненія реальнаго элемента, Римляне не видѣли назначенія брака. По тому же безплодіе жены и безсиліе мужа считались всегда уважительными причинами къ разводу.

Все до сихъ поръ сказанное, думаемъ, несомнѣнно подтверждаетъ нашъ взглядъ, что римлянинъ, вступая въ бракъ, руководился исключительно естественнымъ стремленіемъ про-

должить въ потомствѣ свою индивидуальность, имя и родъ, а со всѣмъ тѣмъ и выполнить свою обязанность предъ государствомъ. Бракъ же, вытекавшій только изъ чувства долга предъ государствомъ и родомъ, долженъ былъ исключать, или, по крайней мѣрѣ, сильно ограничивать два остальныхъ элемента брачнаго сожитія—соглашенія волей и элементъ этическій. Дѣйствительно, древнѣйшая обстановка вступленія въ бракъ и брачной жизни Римлянъ какъ нельзя болѣе подтверждаютъ этотъ выводъ.

Правда, формальная сторона бракосочетанія, по свидѣтельству весьма поздняго писателя (Боэція), даетъ право предполагать, что отъ невѣсты требовалось согласіе на сожитіе (Visne mihi materfamilias esse?—Volo!), но прежде всего примѣнимость этихъ вопросовъ о согласіи между невѣстой и женихомъ для древнихъ временъ въ наукѣ считается весьма сомнительною, а съ другой стороны, если-бы оно было и такъ, то вообще можно ли было это согласіе считать свободнымъ опредѣленіемъ воли? Ужь потому нѣтъ, что въ брачномъ сговорѣ обыкновенно невѣста не участвовала. Обыкновенно бракъ устраивался одною волею семейнаго владыки. Къ нему обращался женихъ съ торжественнымъ вопросомъ: обѣщаешь ли ты (spondesne?) предоставить мнѣ въ жены твою дочь? Утвердительнымъ отвѣтомъ (spondeo) заканчивался сговоръ. Далѣе, часто обручали еще дѣтьми и все время до брака, хотя-бы то были цѣлые года, по свидѣтельству Сенеки, будущіе супруги обыкновенно даже не видѣлись. Личныя отношенія между ними наступали только съ отводомъ жены въ домъ мужа. Ужь это одно исключало супружескую любовь; гдѣ не было радости жениха и невѣсты, тамъ не могло быть любви. Вся описанная обстановка вступленія въ бракъ не отводила въ немъ никакого мѣста этическому элементу. Прежде всего основныя формы вступленія въ бракъ, какъ увидимъ ниже, носили на себѣ признакъ простой гражданской сдѣлки, которою только пріобрѣтались (куплею или давностью) извѣстныя права надъ женою; они не допускали предположенія о томъ полномъ внутреннемъ общеніи, которое должно, по нашимъ понятіямъ, устанавливаться между супругами. Бракъ оставался для римлянина простой дѣловой сдѣл-

кой, въ которой онъ не искалъ удовлетворенія своего чувства, а только выполненіе долга. Супружескія отношенія какъ нельзя болѣе подтверждаютъ это.

Во взаимныхъ отношеніяхъ между супругами мы не замѣчаемъ того полнаго душевнаго общенія, которое свидѣтельствуетъ о глубокой любви. Лучшая сторона этихъ отношеній выражается во внѣшнихъ знакахъ уваженія. Такъ, по единогласному свидѣтельству римскихъ писателей, мужъ окружалъ жену, мать своихъ дѣтей, всевозможнымъ почетомъ. Она, какъ госпожа (domina) въ домѣ, повелѣвала рабами, принимала поклоненіе кліентовъ, распоряжалась воспитаніемъ дочерей, а часто и сыновей (вспомнимъ Витурію, мать Коріолана, Корнелію, мать Гракховъ, и др.). Никогда мужъ не понуждалъ ее исправлять черныя работы; занятія ея были всѣми почитаемыя: пряжа и тканье. Она носила званіе матери семейства (materfamilias), какъ мужъ ея—отца семейства (paterfamilias). И т. д. Но все это лишь внѣшніе признаки ея обстановки въ мужнемъ домѣ, изъ которыхъ было-бы крайне рисковано заключать объ этическомъ характерѣ римскаго брака въ древнѣйшія времена. Эти знаки почтенія укладываются съ полнымъ безправіемъ жены предъ мужемъ, но при послѣднемъ исключаютъ любовь [1]). Наше заключеніе мы можемъ подтвердить и положительными доказательствами. Насколько

---

[1]) Въ новѣйшей литерарурѣ начинаютъ все чаще высказываться (напр. Буасье Римская религія стр. 485 и др.; у насъ г. Красинъ. Положеніе женщины въ древнѣйшемъ Римѣ, (въ «Правосл. Собесѣдникѣ» 1877 г. 3 стр. 389—428) за ту мысль, что положеніе обыденное римской женщины никогда не соотвѣтствовало юридической его регламентаціи, что будто правовое ея безличіе предъ «рукою» мужа, пожизненная опека и т. п. были только юридическими формулами, несоотвѣтствовавшими тому высокому положенію, тому вліянію въ публичной и частной жизни, которыми въ дѣйствительности всегда пользовалась римская женщина. Объясняю я себѣ этотъ взглядъ тѣмъ, что не всегда въ источникахъ отличаютъ историческій прогрессъ римскихъ институтовъ; иначе нельзя было бы не замѣтить, что съ дѣйствительнымъ проявленіемъ въ жизни болѣе или менѣе самостоятельнаго положенія жен-

въ супружескихъ отношеніяхъ Римлянъ отсутствовалъ нравственный элементъ, можетъ дать намъ понятіе основное начало о супружеской вѣрности: отъ мужа не требовалось вѣрности женѣ, напротивъ преступную жену предоставлялось закономъ въ иныхъ случаяхъ даже убить безъ суда. Такъ до насъ дошло слѣдующее выраженіе Катона: «Если ты застанешь жену на мѣстѣ прелюбодѣянія (adulterium), то ты въ правѣ убить ее безъ суда; если же она случайно застала тебя въ одинаковомъ положеніи, то законъ запрещаетъ ей коснуться тебя даже пальцемъ». Это положеніе подтверждается позднѣе закономъ Августа о супружеской невѣрности, которымъ право обвинять въ этомъ преступленіи предоставляется только одному мужу. Понятны послѣ этого слова святаго Іеронима, что язычество дозволяло всякую распущенность мужчинамъ и наказывало ее у женщинъ. Различіе это основывалось на томъ же политическомъ значеніи семьи, скрѣпленію которой способствовала и сама религія римская. Въ основу семейнаго единства ложилась религія очага, культъ предковъ. Семейные сакры переходили вмѣстѣ съ имуществомъ отъ отца на дѣтей. Преемственность эта въ семьѣ была регулирована на столько строго, что всякое позднѣйшее уклоненіе отъ нея въ завѣщаніяхъ могло происходить только съ разрѣшенія государства и подъ руководствомъ жреческой коллегіи. Понятно, что при такомъ значеніи семьи невѣрность жены должна была казаться однимъ изъ самыхъ страшныхъ проступковъ, такъ какъ имъ вносилась въ семью чуждая ей кровь. Что же касается невѣрности мужа, то съ указанной точки зрѣнія она не могла разсматриваться проступкомъ про-

---

щины, выходили изъ жизни и тѣ юридическія нормы, которыя болѣе уже не соотвѣтствовали этому положенію; причемъ онѣ иногда просто отмѣнялись, иногда же обходились, оставаясь памятникомъ измѣнившихся условій. Наконецъ, не должно упускать изъ виду, что эти юридическія нормы, якобы несоотвѣтствовавшія жизненнымъ явленіямъ, были обычнымъ правомъ Рима, слѣдовательно во всякомъ случаѣ когда-нибудь служили выраженіемъ именно обыденныхъ отношеній. На частныхъ доказательствахъ этого оспариваемаго мною воззрѣнія я не останавливаюсь.

тивъ семьи, но спрашивается: считалась ли она безнравственною по отношенію къ женѣ? Такъ обыкновенно смотрятъ на нее въ наукѣ, при чемъ безнаказанность объясняютъ тѣмъ положеніемъ мужа въ семьѣ, которое дѣлало его неотвѣтственнымъ вообще предъ кѣмъ-либо изъ членовъ ея. Я же полагаю, что жена лишена была права жаловаться на мужа за его невѣрность въ основѣ не потому, что всякая такая жалоба нарушала свободу дѣйствій семейнаго главы (имѣла же она право во времена Катона жаловаться на мужа, если онъ содержалъ при себѣ наложницу), а потому, что нравственно мужъ ничѣмъ не обязывался предъ женою, а единственный или, по крайней мѣрѣ, преобладающій элементъ брака римскаго въ проступкѣ мужа не нарушался. Различіе это между мужемъ и женою шло еще дальше: жена во имя своего служебнаго отношенія къ мужу обязывалась чтить память его, оставаясь ему вѣрной и по смерти. Общественное мнѣніе отличало особымъ почетомъ женщинъ, бывшихъ только разъ замужемъ (univirae); только такія имѣли доступъ къ алтарю богини стыдливости (pudicitia), имѣли право приносить вѣнки въ храмъ женской фортуны (fortuna muliebris) или древней богинѣ Великой Матери (Mater mutata). Наоборотъ вдова, вступавшая въ новый бракъ, должна была праздновать его въ праздничные дни, чтобы, по объясненію Плутарха, большое стеченіе народа причиняла ей побольше стыда. Правда, какъ мы видѣли, государственный интересъ бралъ верхъ надъ этимъ логическимъ развитіемъ служебнаго отношенія жены къ мужу, но тѣмъ не менѣе послѣднее было положительнымъ требованіемъ отъ вдовы, тогда какъ наоборотъ вдовый мужъ никогда не обязывался ни къ чему подобному по отношенію къ женѣ.

Такому отношенію Римлянъ къ брачному сожитію какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ взглядъ ихъ вообще на существо женщинъ. Весь политическій строй Рима опирался на однихъ мужчинахъ; только мужчины, какъ семейные главы, являлись первоначальными представителями государства и активными факторами въ немъ. Женщинѣ же не были доступны ни «власть, ни публичныя достоинства и почести», какъ выразилась нѣкая Гортензія въ концѣ республиканскихъ временъ.

Еще въ Юстиніановомъ правѣ находимъ общее положеніе объ устраненіи женщинъ отъ общественныхъ дѣлъ. Женщина предназначалась только рожать гражданъ. Поэтому нѣтъ ничего страннаго во взглядѣ Римлянъ на женщинъ, какъ на существъ по природѣ низшихъ сравнительно съ мужчинами. Въ Римскихъ законахъ весьма часто противополагается женская слабость и легкомысліе (imbecillitas mulierum, levitas animi) мужской солидности (majestas virorum),—и этою душевною незрѣлостію женщинъ еще въ классическія времена опредѣляла римская юриспруденція множество особыхъ для нея постановленій, а въ древнѣйшія времена оправдывалось подчиненное ихъ положеніе. «Наши предки, говоритъ Титъ Ливій, запретили женщинамъ заниматься даже какимъ-нибудь частнымъ дѣломъ безъ посторонней помощи; они желали, чтобъ она всегда была въ зависимости отъ отца, отъ братьевъ или отъ мужа.» Почти въ такихъ же словахъ выражается и Цицеронъ: «предки наши хотѣли, чтобы всѣ женщины по причинѣ слабости разума находились во власти мужчинъ». Отсюда—учрежденіе пожизненной опеки надъ женщиной. Само собою разумѣется, что всѣ знаки публичнаго почтенія, какими обставлена была женщина внѣ мужняго дома, всѣ прославленія «святости имени матроны» и т. п. не могутъ считаться логическими противорѣчіями съ основнымъ взглядомъ на женскую природу,

Вся совокупность отношеній къ женщинѣ вообще и женѣ въ особенности отражалась на образѣ жизни и характерѣ ея. Женщина римская предназначалась сидѣть дома, мало показываться въ публичныхъ мѣстахъ и заниматься домашнимъ хозяйствомъ. Веретено было символомъ матери семейства. Танаквилу Римляне изображаютъ съ веретеномъ и прялкой. Въ свадебной процессіи къ дому жениха передъ невѣстой несли прялку и веретено. Извѣстно, что еще Августъ, игравшій въ старые чистые нравы, заставлялъ прясть свою дочь и внучку. Затѣмъ, женѣ же, при вступленіи въ мужній домъ, передавался ключъ; съ разводомъ она его возвращала. Въ твореніяхъ поэтовъ и древнихъ надписяхъ женщинамъ ставится въ честь «если онѣ сидѣли дома за пряжей шерсти». Лучшія качества женщины опредѣлялись

названіемъ пряхи (lanifica), экономки (frugi), домосѣдки (domiseda). Правда, мы не замѣчаемъ, чтобы римская дама когда-либо запиралась въ домѣ, подобно тому, какъ запирались гречанки въ своемъ гинекеѣ. Напротивъ, мы можемъ навѣрное думать, что римлянка пользовалась всегда свободой въ сношеніяхъ съ родными и знакомыми. По свидѣтельству Корнелія Непота женѣ никогда не запрещалось «видѣть людей и посѣщать общество». Обыкновенное ея мѣстонахожденіе былъ атріумъ, гдѣ стоялъ очагъ и брачная постель,—мѣсто самаго живаго оборота въ домѣ. По взгляду римскаго общества вся ея добродѣтель заключалась въ качествахъ домохозяйки, въ ея дѣятельности внутри дома.

Что касается характера лучшихъ римскихъ женщинъ, то преобладающими сторонами его мы замѣчаемъ энергію, мужество, чувство строгаго долга. Въ надгробныхъ надписяхъ обыкновенно перечисляются только такія качества, какъ скромность, непорочность, послушаніе, вѣрность, искусство ткать и т. п. «Кротость же, грацію, нѣжность еще Плавтъ предоставляетъ только куртизанкамъ. Свободно-рожденныя молодыя дѣвушки и женщины, выведенныя имъ на сцену, незнакомы съ увлеченіями и порывами страстей; мы никогда не видимъ ихъ робкими и задумчивыми; у нихъ рѣшительный видъ, говорятъ онѣ твердымъ и мужественнымъ тономъ». Позднѣе, когда вкусы римлянъ подъ вліяніемъ греческихъ нравовъ измѣнились, нерѣдко слышатся жалобы на это отсутствіе женственности въ характерѣ римскихъ женщинъ и на холодную суровость (austeritas) ихъ, такъ-что еще Плутархъ убѣждаетъ ихъ преподносить терпкость въ прекрасномъ винѣ, а не горькое лекарство.

Подобныя нравственныя качества женщины только и могли соотвѣтствовать описанному характеру римскаго брака, въ которомъ чувство супружеской любви не играло никакой роли. Поэтому же и пластическая красота женщинъ въ древнемъ Римѣ далеко не имѣла такого значенія какъ въ Греціи. Съ физической стороны отъ нея требовалось только отсутствіе недостатковъ органическихъ и главное—материнское

плодородіе. Послѣднее качество, какъ понятно изъ сказаннаго, ставилось въ особую заслугу женщинѣ и еще въ императорскія времена служило для римской матроны предметомъ высшей гордости. Такъ, напримѣръ, Агриппина, жена Германика, особенно гордилась тѣмъ, что принесла мужу много дѣтей. Съ духовной стороны отъ женъ требовалось во имя ихъ служебнаго назначенія въ семьѣ, опредѣляемаго смысломъ римскаго брака, на первомъ мѣстѣ глубокое сознаніе супружескаго долга. На развитіе только этого чувства было направлено все воспитаніе древней римской женщины. Сознаніе супружескаго долга въ римскомъ смыслѣ мыслимо лишь при высокомъ цѣломудріи. Послѣднее-то чувство и составляло главную честь и доблесть римской матроны. Стыдливости (патрицiйской и плебейской) ставились въ Римѣ алтари и культъ этотъ былъ исключительно женскимъ. Въ самомъ воспитаніи и семейной обстановкѣ римляне тщательно избѣгали всего способнаго оскорбить чувство цѣломудрія, доходя иногда до крайней щепетильности. Такъ однажды былъ исключенъ изъ сената нѣкто Манилій за то, что поцѣловалъ свою жену въ присутствіи дочери. Потому же первоначально и знакомство съ искусствами не считалось необходимымъ условіемъ душевнаго совершенства женщины, а нѣкоторыя изъ нихъ (напр. танцы) такъ прямо считались предосудительными, какъ нарушавшія степенность и скромность манеръ. Все обученіе дѣвушекъ оканчивалось на курсѣ начальныхъ школъ. Потому же во внѣшней обстановкѣ отъ женщинъ требовалась простота, отсутствіе роскоши, т. е. того, что могло остановить на ней взоры толпы. Уже въ періодъ второй пунической войны нѣкая Квинта Клавдія навлекла на себя подозрѣніе въ дурномъ поведеніи только тѣмъ, что любила наряды «и показывалась въ публикѣ съ волосами, слишкомъ искусно убранными». Еще про Августа, игравшаго въ древніе нравы, источники разсказываютъ такой анекдотъ. Однажды дочь его Юлія показалась ему въ роскошномъ одѣяніи. Августъ, поддерживавшій въ своемъ домѣ простоту, которая напоминала бы республиканскіе нравы, нахмурилъ брови и строго выговорилъ дочери за такую неприличную роскошь. На другой день Юлія одѣлась въ простой костюмъ степенной матроны и Августъ не могъ нахвалиться ею. На похвалы эти умная

Юлія отвѣчала: вчера я нарядилась, чтобы нравиться мужу, сегодня же я хочу нравиться отцу.

Мы видимъ, какъ назначеніе римскаго брака обусловливало всё, касающееся римской женщины и какъ наоборотъ ея соціальное положеніе, занятія, характеръ, обстановка и т. д. соотвѣтствовали чисто реальному характеру брачнаго союза.

После всего сказаннаго мы имѣемъ право еще разъ повторить, что почти исключительною основою древнѣйшаго римскаго брака былъ элементъ реальный. Назначеніе жены, весь смыслъ брака состоялъ только въ рожденіи дѣтей, будущихъ гражданъ. Спрашиваемъ теперь: чѣмъ обусловливалась необыкновенная прочность, удивительная устойчивость, которыми несомнѣнно пользовалась римская семья въ продолженіи среднихъ вѣковъ? По нашимъ теперешнимъ понятіямъ, если брачное сожитіе не основывается на свободномъ соглашеніи и на этической связи любви, душевнаго общенія, то скрѣпить его могутъ только развѣ внѣшнія условія. Въ Римѣ древнѣйшихъ такихъ условій было два: мужняя власть надъ женой и контроль надъ этой властію со стороны государства, насколько она могла вести къ распаденію семьи.

Изъ вышеупомянутаго краткаго перечня правъ надъ лицомъ и имуществомъ жены, во имя власти надъ нею, мужъ подавлялъ, обезличивалъ ее своимъ авторитетомъ и удерживалъ такимъ образомъ въ семьѣ наравнѣ со всѣми прочими членами ея, дѣтьми, рабами. Но съ другой стороны, во имя этой же власти мужъ могъ отвергнуть свою жену (repudiatio, repudium) тѣмъ болѣе, что подобное отверженіе, какъ форма развода, не противорѣчило идеѣ римскаго брака, лишеннаго высшаго нравственнаго характера. Дѣйствительно, по общему началу римскаго права все связанное могло быть разрѣшено. Что же, спрашивается, удерживало Римлянина въ древнѣйшія времена отвергать, мѣнять своихъ женъ по произволу? Прежде всего общую причину этого слѣдуетъ искать во всемъ строѣ патріархальнаго быта, въ первоначальной простотѣ древнихъ нравовъ, не допускавшихъ никакихъ фор

мальныхъ выводовъ въ оправданіе явной неправды. Явленіе формально обосновать неправду принадлежитъ уже болѣе развитымъ вѣкамъ. Первоначальные обычаи, нравы, заправляющіе обществомъ, понимаются имъ въ томъ смыслѣ, какъ они выработались жизнію; они не служатъ только формальнымъ основаніемъ жизненныхъ отношеній, какъ часто бываютъ имъ писанныя узаконенія, но, свободно выработываясь изъ жизненныхъ условій, должны вполнѣ и вкладываться въ нихъ, не расходиться съ ними. Кромѣ того выше мы указали на государственное значеніе семьи въ древнее время, въ силу каковаго значенія государство должно было въ своемъ собственномъ интересѣ заботиться о сохраненіи семейныхъ союзовъ, устраненіи причинъ, ихъ ослабляющихъ и разлагающихъ. Съ этой стороны право мужа на отверженіе жены было обставлено значительнымъ контролемъ. Такъ, прежде всего отверженіе могло произойти только по винѣ жены и притомъ винѣ, доказанной судомъ мужа въ присутствіи и при активномъ, даже можетъ быть преобладающемъ, вліяніи совѣта родичей (concilium propinquorum); приговоръ этого суда носилъ названіе постановленія ближнихъ. Уже эта одна обстановка значительно ограничивала право мужей отвергать своихъ женъ; по крайней мѣрѣ исключала произволъ со стороны ихъ въ подобномъ расторженіи брака. Возможное позднѣе съ ослабленіемъ родоваго быта несоблюденіе этихъ условій правильнаго отверженія женъ сдѣлало необходимымъ непосредственный надзоръ за этими актами со стороны государства. Органомъ подобнаго надзора были цензоры. Такъ, Валерій Максимъ разсказываетъ, что въ 306-мъ году до Р. Хр. цензоры изгнали изъ сената нѣкоего Луція Антонія за то, что онъ отвергъ свою жену, не посовѣтовавшись съ родственниками. Кромѣ такой заботы объ устойчивости семейныхъ союзовъ государство, какъ мы сказали, было заинтересовано въ устраненіи и всякихъ другихъ причинъ, грозившихъ разложить эти союзы. Такъ, уже въ республиканскія времена проявляются особые суды нравственности (judicium de moribus), которымъ подвѣдомственны были дѣла, касавшіяся чистоты семейныхъ отношеній. Мало того, каждому магистрату предоставлялось привлекать виновную въ супружеской невѣрности или просто въ безнравственной жизни,

въ послѣднемъ случаѣ и незамужнюю, къ суду народныхъ собраній.

Такимъ образомъ мы видимъ, что древнѣйшій бракъ римскій, основанный исключительно на элементѣ реальномъ, не требовавшій соглашенія волей, не предполагавшій любви, а потому и не имѣвшій внутреннихъ задатковъ устойчивости и нравственной чистоты,—сохранялъ и ту, и другую, благодаря только обширной власти мужа надъ женой и нравственному складу первобытнаго родоваго быта, дававшему право нравственнаго надзора за всѣми членами рода совѣту родичей, а позднѣе, въ интересѣ государственномъ незначительной еще общины, отдѣльному органу, цензору, и другимъ правительственнымъ учрежденіямъ. Поэтому само собой разумѣется, что съ постепеннымъ распаденіемъ родоваго быта въ главномъ обусловленномъ превращеніемъ незначительной общины въ обширное государство, терявшее все болѣе непосредственный интересъ въ прежнемъ твердомъ сохраненіи семейной организаціи, какъ своей основы, ослабѣвали и прежнія узы,—мужняя власть и контроль государственный,—сдерживавшіе брачный союзъ отъ распаденія; послѣдствіемъ чего получилась страшная деморализація въ концѣ республики и во времена имперіи.

Посмотримъ, какимъ путемъ шло это разложеніе и укажемъ частныя послѣдствія, въ которыхъ оно обозначилось.

Формы заключенія римскаго брака были или чисто религіознаго характера, или частно гражданскаго. Послѣднія выражались то въ формѣ купли власти надъ женою у отца ея (coemtio), то въ формѣ давностнаго владѣнія (usus). Послѣдній случай былъ тотъ, когда при вступленіи въ бракъ не соблюдены были формальности пріобрѣтенія мужней власти, которая позднѣе устанавливалась путемъ давности, т. е. дѣйствовало правило, что если жена пробудетъ опредѣленное время (годъ) всѣ ночи дома, то мужъ пріобрѣталъ надъ нею власть руки (manus). Что же касается религіозной формы вступленія въ бракъ (т. наз. sacrae nuptiae) чрезъ раздѣленіе хлѣба (confarreatio), то, по моему воззрѣнію, выска-

занному въ другомъ специальномъ трудѣ, мужняя власть надъ женою обусловливалась въ данныхъ случаяхъ дополнительными формальностями купли этой власти у отца (coëmtio), сама-же религіозная церемонія—раздѣленіе хлѣба — имѣла назначеніе только пріобщить невѣсту къ родовому культу жениха. Такимъ образомъ власть надъ женой пріобрѣталась подобно всякому другому предмету гражданскаго оборота или куплей, или давностнымъ владѣніемъ.

Я не намѣренъ здѣсь останавливаться долго на ученыхъ предположеніяхъ о послѣдовательности и причинахъ появленія этихъ трехъ формъ вступленія въ бракъ, но скажу только, что, согласно общему въ наукѣ воззрѣнію, формы — сакральная и гражданская простой купли считаются самыми древними, основными формами вступленія въ римскій бракъ. Воззрѣніе это какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ родовому быту, освященному сакральнымъ характеромъ и скрѣпленному семейною властію. По моему мнѣнію, если взять во вниманіе общее начало подчиненія женщины пожизненной власти, то слѣдуетъ признать, что въ древности бракъ устанавливался нормальною продажею этой власти мужу, а затѣмъ уже шло пріобщеніе ея къ сакрамъ мужней семьи. При строгой родовой обособленности послѣдній актъ былъ немыслимъ безъ перваго, подчиненія путемъ купли семейной власти новой главы. Такимъ образомъ, по моему воззрѣнію, мы можемъ предполагать, что въ древнѣйшій періодъ Рима жена всегда пріобрѣталась куплей власти надъ ней у прежняго владыки, т. е. бракъ всегда сопровождался поступленіемъ жены подъ руку новаго властителя. Когда же обособленность родоваго быта съ развитіемъ и укрѣпленіемъ государственности стала ослабѣвать и родовая связь пришла въ упадокъ, то возможнымъ явленіемъ стало соединеніе женщины, не подлежавшей ничьей власти, или если и подчиненной, то уже не прежней власти семейнаго главы, а потерявшей значительно, какъ увидимъ ниже, свое прежнее значеніе опекунской власти. Такое ослабленіе родовыхъ отношеній сдѣлало возможными браки безъ поступленія жены во власть мужа,—браки, выражавшіеся въ простомъ соединеніи сторонъ въ сожитіи. Но въ началѣ понятія прежняго родоваго быта оказывались еще на-

столько крѣпкими, что мужъ путемъ этого сожитія, какъ-бы по давности владѣнія вещами, пріобрѣталъ власть надъ женой. Отъ жены зависѣло прерывать эту давность владѣнія. Такимъ образомъ въ этой формѣ вступленія въ бракъ представлялось возможнымъ такое супружеское сожитіе, въ которомъ жена избѣгала вовсе мужней власти, а именно: если она, ночуя въ годъ три ночи внѣ дома, прерывала давность мужняго владѣнія надъ собою (usurpatio trinoctii), то не подчинялась его власти, продолжая оставаться его женою, а это вело за собою не только личную свободу, но и право владѣть обособленнымъ имуществомъ. Такимъ образомъ появился бракъ, не подчинявшій жену ни лично, ни имущественно мужу. Разъ же въ жизни выработалась подобная форма брачнаго сожитія, то ничто уже не препятствовало и отцамъ предоставлять къ подобному сожитію дочерей, подчиненныхъ ихъ отцовской власти. Постепенное распространеніе подобныхъ браковъ выводитъ изъ обыкновенія пріобрѣтеніе мужней власти надъ женою путемъ давности (usus) и дѣлаетъ неприменимымъ бракъ по куплѣ. Осталось нѣкоторое время какъ воспоминаніе прежняго сакральнаго освященія браковъ по куплѣ, бракъ чрезъ раздѣленіе хлѣба (confarreatio), но и то только для соединенія нѣкоторыхъ высшихъ жрецовъ, да кромѣ того уже за долго съ нимъ не соединялись болѣе формальности купли. Такъ объясняемъ мы себѣ то обстоятельство, что у классическихъ юристовъ эта форма вступленія въ бракъ считается за третью самостоятельную форму, на ряду съ куплей и давностію.

ГЛАВА II.

Выше мы объяснили появленіе въ римской жизни новой формы брачнаго сожитія. Начиная съ конца республики она становится господствующею въ римскомъ обществѣ. Характеристичный признакъ этого свободнаго брака (matrimonium liberum) было взаимное согласіе сторонъ, неизвѣстное прежнимъ формамъ вступленія въ бракъ. Съ этого времени простое соглашеніе (merus consensus) вступить въ брачное сожитіе съ намѣреніемъ получить отъ этого сожитія дѣтей возвышало предъ закономъ половую связь до значенія брака. Всѣ-же обрядности, которыя слѣдовали за этимъ соглашеніемъ (торжественный отводъ невѣсты въ домъ жениха и т. п.), могли служить только доказательствомъ, а не условіями самой дѣйствительности бракосочетанія: для него достаточно было одного соглашенія.

Развивая это начало далѣе, Римляне признали общимъ правиломъ, что не сожитіе (concubitus), а согласіе основываетъ бракъ. Согласіе волей провозглашено необходимымъ элементомъ брака. Форма этого согласія была безразлична. По общему воззрѣнію, въ чемъ бы ни выражалось намѣреніе имѣть данную женщину женой (affectio maritalis), оно рождало бракъ. Обыкновенно внѣшнимъ признакомъ такого намѣренія служилъ уговоръ о приданомъ и въ наукѣ долго проводили различіе римскаго брака отъ простого наложничества на этомъ признакѣ. Приданое дѣйствительно служило вѣскимъ доказательствомъ брачнаго сожитія, которое однако устанавливалось не назначеніемъ приданаго за невѣстой, а намѣреніемъ жениха взять себѣ жену, такъ-что любой признакъ этого намѣренія служилъ доказательствомъ заключен

наго брака. По общему воззрѣнію въ чемъ бы ни выражалось намѣреніе имѣть данную женщину женой (affectio maritalis), оно рождало бракъ. Въ кодексѣ Юстиніановомъ мы находимъ двѣ императорскія конституціи, въ которыхъ говорится, что для дѣйствительности брака не требуется непремѣнно формальныхъ доказательствъ, въ родѣ, напр., брачнаго документа, опредѣленія приданаго, брачнаго торжества, а достаточно всякаго другаго признака, даже напр. если только сосѣдямъ извѣстно, что такое-то лицо держитъ у себя въ домѣ женщину съ намѣреніемъ имѣть отъ нея дѣтей. Изъ этого слѣдуетъ, что для установленія брака достаточно было одного сговора. Вотъ почему въ Римскомъ правѣ расторженіе сговора подлежало общимъ правиламъ расторженія брака. Формула его была такая: я не воспользуюся твоимъ положеніемъ (conditione tua non utar).

Такимъ образомъ, рядомъ съ реальнымъ элементомъ въ римскомъ бракѣ признанъ былъ новый элементъ—элементъ соглашенія волей. Ограничиваясь этими двумя элементами, брачный союзъ въ своей новой формѣ, за исключеніемъ самаго названія и соединенныхъ съ нимъ по прежнему нѣкоторыхъ правовыхъ послѣдствій, въ сущности ничѣмъ не отличался отъ простаго наложничества (concubinatus), которому императоръ Августъ и придалъ характеръ правомѣрнаго отношенія. Дѣйствительно, чѣмъ вы отличите конкубинатъ по формальнымъ признакамъ отъ брака по простому соглашенію сторонъ? И тотъ, и другой были сожительствомъ съ одной женщиной, однимъ мужчиной по взаимному согласію сторонъ. Все различіе между ними заключалось лишь въ намѣреніи мужчины имѣть данную женщину женою (uxor) и тѣмъ вызвать для нея и дѣтей ея извѣстныя правовыя послѣдствія, или имѣть ее въ качествѣ только постоянной сожительницы, конкубины. Этимъ только отличался конкубинатъ отъ брака по законамъ Августа, который, не желая допустить примѣненія юридическихъ положеній римскаго брака къ сожительству съ извѣстнымъ классомъ лицъ, а въ тоже время, не отрицая законности за всякой постоянной связью по соглашенію,—лишилъ одинъ видъ ея правовыхъ послѣдствій римскаго брака и такимъ образомъ создалъ конкуби-

натъ, сожительство, извѣстное за долго до того, по мыслимое при изложенныхъ формахъ основнаго римскаго брака только какъ незаконная связь съ незамужнею женщиной. Было-бы большой ошибкой предполагать, что конкубинатъ со времень Августа былъ позорнымъ сожительствомъ. Различіе между бракомъ и конкубинатомъ было только по достоинству и послѣдствіямъ, а никакъ не по нравственной оцѣнкѣ. Съ римской точки зрѣнія на супружеское сожительство думать иначе было бы окончательно невѣрнымъ. Поэтому мы видимъ, что не только мужчины и женщины высшихъ сословій не избѣгаютъ такого сожительства, но въ той же связи живутъ и нѣкоторые лучшіе императоры, какъ напр. Веспасіанъ, Антонинъ Пій и Маркъ Аврелій.

Итакъ, древняя форма брачнаго сожитія, связаннаго съ строгою семейною властію главы — мужа и отца — разрѣшилась въ форму сожительства, основаннаго на простомъ взаимномъ соглашеніи сторонъ. Эта основа позднѣйшаго брачнаго союза, вытекающая изъ нормальнаго въ позднѣйшія времена брака лицъ, не подлежавшихъ отцовской власти, не возвысила, какъ можно было-бы ожидать, этическую сторону брака, такъ какъ въ основу соглашенія должна была-бы лечь взаимная склонность супруговъ. Насколько послѣдняя вообще игнорировалась въ позднѣйшей свободной формѣ брака свидѣтельствуютъ браки дѣтей подъ отцовскою властію. Хотя общимъ правиломъ теперь уже требовалось согласіе самихъ вступающихъ въ бракъ, но въ то же время бракъ поставлялся въ зависимость и отъ согласія семейнаго главы, такъ что въ сущности все опредѣлялось лишь волею домовластителей. Браки, заключенные помимо согласія домовладыки, не оказывали никакихъ правовыхъ послѣдствій; дѣти, рожденные въ такомъ бракѣ, считались незаконными. При этомъ брались во вниманіе не моральные моменты, не расположеніе родителей, которое направляло бы волю молодыхъ неопытныхъ людей, а исключительно брались подъ защиту гражданскіе функціи отцовской власти. Поэтому не требовалось для брака согласіе матери, не требовалось и согласіе кровнаго отца, если дитя было усыновлено другимъ лицомъ, или освобождено отъ отцовской власти. Изъ всего этого слѣдуетъ,

что по прежнему этическій элементъ не выступалъ въ римскомъ бракѣ, такъ-какъ по прежнему вполнѣ опредѣлять его могла посторонняя воля. Въ концѣ языческой имперіи извѣстный писатель Лактанцій упоминаетъ даже такое распоряженіе императора Максимина, по которому всѣ браки были поставлены въ зависимость отъ его воли.

Здѣсь слѣдуетъ намъ остановиться въ нѣсколькихъ словахъ на томъ признакѣ римскаго брака, который служилъ многимъ писателямъ главнѣйшимъ доказательствомъ его всегдашняго высокаго этическаго характера. А именно: всѣмъ извѣстно, что по общему древнему началу римляне допускали лишь моногамію, что давало поводъ думать о высокомъ нравственномъ значеніи, придаваемомъ римлянами брачному союзу. По насколько послѣднее заключеніе правильно, можетъ свидѣтельствовать уже то, что когда формальная обстановка бракосочетанія со всѣми ея послѣдствіями пала, когда ослабла сила половой опеки, когда однимъ словомъ наступилъ періодъ свободнаго брака по простому соглашенію, тогда полное отсутствіе въ общественномъ сознаніи этическаго элемента брака стало явно проявляться въ явленіяхъ чистой бигаміи. По крайней мѣрѣ, по свидѣтельству нѣкоторыхъ драматическихъ писателей (напр. Теренція) можно заключить, что бигамія стала явленіемъ весьма возможнымъ въ концѣ республиканскаго періода; а съ другой стороны намъ извѣстно, что римляне долгое время не знали закона, наказующаго двуженство [1]), пока, очевидно, положительныя жизненныя явленія не вызвали необходимости въ этихъ законахъ. Впервые Августъ опредѣлилъ наказаніе за бигамію, причемъ подвелъ этотъ родъ преступленія подъ нарушеніе супружеской вѣрности (для жены) или развратъ (stuprum для мужа). Законъ этотъ и частыя его повторенія позднѣйшими императорами свидѣтельствуютъ о наклонности къ этого рода сожитію.

---

[1]) Правда, въ преторскомъ эдиктѣ одною изъ причинъ гражданскаго безчестія приведена бигамія, но съ другой стороны еще въ т. наз. Tabula Heracleensis 705 a. u. c. въ перечисленіи тѣхъ-же причинъ о ней еще не упоминается.

Такимъ образомъ позднѣйшая форма вступленія въ бракъ, выставлявшая на первое мѣсто простое соглашеніе и не предполагавшая еще этическаго значенія за этимъ союзомъ, сдѣлала возможнымъ явленіе бигаміи, которую пришлось останавливать внѣшними мѣрами, но и то лишь во имя традиціонныхъ взглядовъ на бракъ, какъ на союзъ одного мужчины съ одной женщиной.

Выяснивъ проявленіе въ жизни новаго брачнаго элемента, каковымъ было соглашеніе волей, мы должны теперь обратиться къ вопросу: какое вліяніе на отношенія между супругами могла оказать замѣна древней формы брачнаго сожитія, связаннаго строгой семейной властью домовладыки, формой сожительства, основаннаго на простомъ взаимномъ согласіи сторонъ?

Замѣна эта, какъ указано выше, была необходимымъ послѣдствіемъ развившагося государственнаго начала на счетъ прежняго родоваго, семейнаго. По мѣрѣ того какъ государство начинало терять непосредственную связь съ родовой, семейной организаціей, оно теряло и непосредственный интересъ въ устойчивости тѣхъ союзовъ, изъ которыхъ только и составлялось прежде. Вмѣстѣ съ тѣмъ должно было ослабѣвать и то начало, которое прежде скрѣпляло родъ, семью, давая ему единство и внѣшнее обособленіе, а именно семейная власть. Тутъ-то и появились такіе браки, когда ни жена по отношенію къ мужу, ни мужъ по отношенію къ женѣ формально ничѣмъ не были связаны. Жена въ свободныхъ бракахъ получала вполнѣ самостоятельное положеніе къ мужу.

Скажемъ сначала о личныхъ отношеніяхъ между супругами.

Жена въ свободномъ бракѣ, оставаясь въ прежней семьѣ, могла быть подчиненной прежней отцовской власти. Мужъ ни въ какомъ случаѣ не получалъ надъ нею никакихъ личныхъ правъ, которыя характеризовали мужнюю «руку». Въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ императорскихъ конституціяхъ (Ѳеодосія и Валентиніана, и Юстиніана) опредѣлялись мужу до-

вольно тяжелыя взысканія въ случаѣ нанесенія женѣ простыхъ побой. Даже въ тѣхъ проступкахъ жены, которые при прежнемъ порядкѣ разсматривались, какъ самыя тяжкія посягательства на цѣлость и чистоту семейнаго союза, а именно невѣрность, мужъ не имѣлъ уже прежняго суда и расправы. Онъ лишенъ былъ закономъ Августа права убивать жену, если заставалъ ее съ чужимъ мужчиной, а могъ только обратиться въ особый судъ нравственности (judicium de moribus), гдѣ судья по назначенію претора разсматривалъ поведеніе жены и присуждалъ ее къ потерѣ части или даже всего ея приданаго. Если же вопреки этому закону мужъ убивалъ невѣрную жену, то это теперь уже считалось простымъ убійствомъ, подлежащимъ наказанію по закону Корнелія объ убійцахъ (Lex Cornelia de sicariis).

Между прочимъ въ приведенномъ законѣ Августа, во второй его главѣ, выразился вообще упадокъ семейнаго строя въ глазахъ самого государства, а именно тутъ запрещалось мужу судить за невѣрность жену не только въ свободныхъ, но и формальныхъ бракахъ. Право суда и наказанія смертью предоставлено было въ послѣднемъ случаѣ отцу ея.

Наконецъ, мы имѣемъ несомнѣнныя данныя утверждать, что въ формальныхъ бракахъ отношеніе «руки» въ половинѣ перваго вѣка христіанской эры вообще значительно ослабло, такъ-что вскорѣ могло и вовсе выйдти изъ практики. На ряду со всеобще распространенной формой свободныхъ браковъ, такая судьба «руки» мужней понятна сама собою.

Правда, все только-что сказанное составляетъ юридическіе признаки распавшейся домашней дисциплины; на самомъ же дѣлѣ нельзя было ожидать, чтобы съ появленіемъ свободнаго брака жены и мужья немедленно отрѣшились отъ вѣковыхъ привычекъ домашней дисциплины. Мужній авторитетъ долженъ былъ въ глазахъ римлянъ считаться настолько необходимымъ признакомъ всякаго супружескаго сожитія, что въ какой-бы формѣ не заключался бракъ, онъ велъ за собой обычное подчиненіе жены мужу. У такихъ бытовыхъ писателей, какъ Плавтъ, отецъ часто наставляетъ дочь оказывать

повиновеніе мужу и смотрѣть на все его глазами. Съ другой стороны примѣры мужняго суда упоминаются еще при Неронѣ. Такъ Тацитъ разсказываетъ, что побѣдитель Британіи, Плавтъ, оправдалъ въ семейномъ совѣтѣ свою жену Помпонію Грецину во взводимомъ на нее обвиненіи въ принадлежности къ іудейской (христіанской?) религіи.

Но логическіе выводы изъ новыхъ порядковъ должны были рано или поздно сказаться въ жизни. Уже въ республиканскія времена появляются особые алтари богинѣ-примирительницѣ (conciliatrix) супруговъ, богинѣ возвращающей мужьямъ должное отъ женъ почитаніе (viriplaca),—что уже одно свидѣтельствуетъ объ ослабленіи мужняго авторитета [1]). Во второмъ же вѣкѣ по Р. Хр. Плиній прямо говоритъ о женахъ, повинующихся мужьямъ, какъ о явленіяхъ рѣдкихъ.

Важнѣйшее послѣдствіе такихъ измѣнившихся отношеній должно было сказаться въ вопросѣ о расторженіи брака путемъ развода. При послѣдней формѣ свободнаго брака, основаннаго лишь на соглашеніи сторонъ, консеквентно должно было признать право для каждаго изъ супруговъ разрывать это соглашеніе по произволу, т. е. разводиться. При отсутствіи всякаго этическаго характера въ брачномъ союзѣ право это могло быть парализировано только внѣшнимъ образомъ и прежде всего домашней дисциплиной. Съ паденіемъ ея должны

---

[1]) Выше я уже замѣтилъ, что въ литературѣ часто игнорируется историческій прогрессъ идей и потому нерѣдко сводятся свидѣтельства отъ различныхъ эпохъ къ догматическому рѣшенію вопроса. Такъ и въ данномъ случаѣ на ряду съ несомнѣнными функціями мужней власти, обнимавшей личность жены до почти полнаго ея безправія, замѣтили свидѣтельство Валерія Максима о богинѣ супружескаго мира и порѣшили, что юридическія функціи не соотвѣтствовали жизненнымъ явленіямъ, ставившимъ жену почти въ равноправное съ мужемъ положеніе (см. у насъ напр. г. Гогоцкаго. Объ историческомъ развитіи воспитанія. Кіевъ, 1853, стр. 86, 87), тогда какъ учрежденіе подобныхъ алтарей мыслимо только во времена свободныхъ браковъ (Pauly. Realencyclop. d. Alterth. 6, p. 2671).

были размножиться разводы и тѣмъ свести бракъ къ простому временному сожитію.

Остановимся сначала на вопросѣ о разводѣ и главнѣйшихъ бытовыхъ явленіяхъ этой стороны римскаго брака въ позднѣйшія времена, а затѣмъ пробѣжимъ исторію имущественныхъ отношеній супруговъ, насколько они въ позднѣйшей своей формулировкѣ способны были хотя отчасти сдерживать бракъ отъ окончательнаго разложенія.

ГЛАВА III.

Разводъ въ римскомъ правѣ выражался въ двоякой формѣ: по обоюдному согласію супруговъ (communi consensu, такой разводъ технически назывался divortium) и въ формѣ одностороннняго отверженія одного супруга со стороны другаго (repudium, repudiatio).

При бракахъ, влекшихъ за собой поступленіе жены подъ мужнюю руку, т. е. заключаемыхъ путемъ религіозныхъ обрядностей, или только гражданской купли, не мыслимо было примѣненіе первой формы развода, по обоюдному согласію супруговъ. Вышеустановленное понятіе мужней «руки» исключало возможность подобнаго соглашенія мужа съ женой. Нерасторжимость древнѣйшаго римскаго брака подтверждена прямыми свидѣтельствами источниковъ (Діонисій Галикарнасскій). Впервые императоръ Домиціанъ разрѣшилъ высшимъ жрецамъ, поддерживавшимъ въ его время основную религіозноторжественную форму римскаго брака, разводиться со своими женами. Правда, уже древнѣйшій Римъ зналъ религіозныя церемоніи (diffareatio), разрѣшавшія соотвѣтствующія церемоніи вступленія въ бракъ (confarreatio). Но мы выше видѣли, что первоначально расторженіе брака было слѣдствіемъ только мужняго приговора въ семейномъ совѣтѣ надъ виновной женой, а въ другомъ трудѣ [1]) старались доказать, что исполненію надъ женой этого приговора, всегда, по Діонисію Галикарнасскому, смертнаго, предшествовали религіозныя церемоніи diffareationis. Такимъ образомъ съ одной стороны

---

[1]) Мои «Патриціи и Плебеи въ Римѣ», II, стр. 125, 126.

послѣднее не нарушало общей основной нерасторжимости религіознаго брака, а съ другой стороны до Домиціана исключало обоюдное соглашеніе супруговъ.

Что же касается одностороннято отверженія одного супруга другимъ, то ни коимъ образомъ право на такое расторженіе брака не мыслимо было для жены. Нельзя допустить, чтобы жена, находившаяся подъ мужней рукою, могла отвергать своего мужа. И дѣйствительно, запрещеніе женамъ отвергать своихъ мужей римляне считали на столько основнымъ, что относили его уже къ числу узаконеній самого Ромула.

Итакъ жена подъ властью мужа не могла ни участвовать своею волею въ расторженіи брака по обоюдному согласію, ни отвергать своего мужа. Подобные браки могли расторгаться только путемъ отверженія мужемъ жены.

Спрашивается теперь, въ какомъ размѣрѣ принадлежало мужу это право отверженій? Изъ вышеизложенной обстановки подобныхъ отверженій слѣдуетъ, что мужъ долженъ былъ представить семейному совѣту уважительную къ тому причину, состоящую въ какой-либо крупной винѣ жены. Быть можетъ виновность жены, дававшая поводъ къ суду родичей, ограничивалась тѣми случаями, которыхъ перечисленіе источники приписываютъ уже Ромулу; а именно, когда она оказывалась невѣрною мужу, приготовляла ядъ, поддѣлывала ключи, подмѣнивала дѣтей, предавалась пьянству. По тому же свидѣтельству отверженіе мужемъ жены по какой-либо иной причинѣ вело за собою для мужа потерю всего его состоянія, на половину въ пользу жены, а остальное посвящалось богинѣ Церерѣ.

Итакъ въ бракѣ, влекущемъ подчиненіе жены мужней власти,—а таково было послѣдствіе всѣхъ основныхъ формъ римскаго брака,—жена вовсе не могла расторгать брака, а мужъ, хотя и могъ отвергнуть жену, но не по произволу, а только уличивъ ее предъ семейнымъ совѣтомъ въ тяжеломъ проступкѣ, приговоръ по которому

влекъ, и то только въ религіозномъ бракѣ, расторженіе религіознаго общенія, установленнаго имъ между супругами.

Мы видимъ, что устойчивость древняго брака опирается на внѣшнія связи. Бракъ, лишенный этическаго элемента, сохраняетъ крѣпость въ силу мужней власти надъ женой и подчиненія семейныхъ главъ общинному контролю. Разъ должны были ослабнуть эти связи, то отсутствіе этическаго элемента въ бракѣ римскомъ должно было сказаться въ распаденіи брачнаго союза.

Позднѣйшій римскій бракъ, основанный лишь на согласіи сторонъ, общимъ началомъ долженъ былъ допустить право на расторженіе не только по обоюдному согласію супруговъ, но и по одностороннему нежеланію состоять долѣе въ бракѣ. Однимъ словомъ, всякая обратная воля (dissensus), нарушающая прежнее согласіе состоять въ бракѣ, расторгала этотъ послѣдній. Для расторженія брака требовалось только твердое намѣреніе (а не временное раздраженіе) расторгнуть его навсегда.

Принципъ полной свободы разводовъ сохранялся вплоть до христіанскихъ императоровъ. Мало того, по позднѣйшимъ понятіямъ римлянъ, расторжимость была на столько существеннымъ признакомъ брачнаго союза, что не допускалось ограниченіе воли, установлявшей этотъ союзъ, обязательствомъ не расторгать его. Всякое подобное условіе (pactum, ne liceret divertere) объявлялось не дѣйствительнымъ.

Далѣе, для самого выраженія этой обратной воли, не требовалось никакой спеціальной формы, такъ какъ расторгаемый ею союзъ устанавливался такимъ же не формальнымъ соглашеніемъ. Правда, мы имѣемъ основаніе предполагать, что первоначально жены, привыкшія къ домашней дисциплинѣ, не пользовались по произволу свободой разводовъ, а съ другой стороны общественное мнѣніе по прежнему требовало, для отверженій мужьями, виновности женъ и суда родичей. Этимъ можно объяснить негодованіе, возбужденное въ началѣ 6-го вѣка нѣкіимъ Карвиліемъ Ругомъ, когда онъ

отвергъ жену свою только по причинѣ ея безплодности. Но рано или поздно формальная обстановка свободнаго брака при отсутствіи другихъ условій его крѣпости должна была выразиться въ жизни въ полныхъ своихъ послѣдствіяхъ. Такъ уже у Цицерона разсказанъ случай, по поводу котораго поднятъ былъ вопросъ: не будетъ ли вторая женидьба (или замужество) при живомъ супругѣ служить доказательствомъ желанія расторгнуть прежній бракъ. Сомнѣніе понятное: бракъ заключенъ по простому соглашенію безъ всякой опредѣленной формы, поэтому могъ быть расторгнутъ всякимъ актомъ, исключающимъ соглашеніе на дальнѣйшее брачное сожительство. Отсюда же слѣдуетъ, что всякое сожительство, напримѣръ замужней женщины съ постороннимъ мужчиной, могло быть оправдано тѣмъ, что прежній бракъ фактомъ подобной связи уже разорванъ. Въ виду подобныхъ выводовъ, императоръ Августъ предписалъ для данныхъ случаевъ опредѣленныя формальности, соблюденіе которыхъ свидѣтельствовало бы о дѣйствительномъ расторженія брака. Законъ Августа о супружеской невѣрности требовалъ, чтобы воля расторгнуть бракъ была выражена ясно, а не молчаливо, и прежде всего письменно; если отвергаемый супругъ въ отсутствіи, чтобы выраженная воля была засвидѣтельствована семью совершеннолѣтними римскими гражданами, и, наконецъ, объявлена отвергаемому чрезъ особаго посла, чаще всего чрезъ вольноотпущеннаго, который передавалъ волю пославшаго врученіемъ бракоразводнаго письма, или и словесно.

Какъ мы видимъ, ограниченія свободы разводовъ, хотя бы даже для извѣстныхъ случаевъ, въ законѣ Августа не заключается.

Такая свобода разводовъ, при полномъ преобладаніи реальнаго элемента во взглядахъ римлянъ на бракъ, выразилась уже въ концѣ республики въ такихъ признакахъ, которые грозили полному распаденію этого союза.

Дѣйствительно, принципіальная свобода расторгнуть бракъ могла основываться на любомъ предлогѣ или даже не искать его вовсе. Валерій Максимъ приводитъ самые разнообразные

предлоги мужей для отверженія женъ своихъ, какъ наприм. за то, что жена появлялась въ народѣ съ открытой головой, или разговаривала на улицѣ съ вольноотпущенной, за которой была худая слава, или за то, что она ходила въ театръ безъ его вѣдома или вопреки его запрещенію и т. п. Другіе мужья, какъ сказано, не находили даже нужнымъ объяснять причину этого отверженія. Такъ, когда извѣстнаго Павла Эмилія спрашивали о причинѣ его развода съ умной и красивой Папиріей, онъ отвѣчалъ: «башмаки мои новы, хорошо сдѣланы, но тѣмъ не менѣе я долженъ ихъ перемѣнить. Никто не знаетъ, гдѣ они мнѣ жмутъ». Въ одной сатирѣ Ювенала вольноотпущенный, объявляя женѣ волю мужа о расторженіи брака съ нею, произноситъ такія слова: «Собирайте, сударыня, пожитки и убирайтесь: вы для насъ стали невыносимы и сморкаетесь слишкомъ часто; уходите же скорѣй, прійдетъ сейчасъ другая съ носикомъ почище вашего».

Послѣ всего этого нѣтъ ничего удивительнаго въ тѣхъ примѣрахъ, когда отверженіе жены совершалось въ виду достиженія или опредѣленной цѣли, или просто удовлетворенія чувственности женитьбой на другой женщинѣ. Въ примѣръ перваго рода можно упомянуть разсказъ о Катонѣ Утическомъ, который уступилъ свою жену Марцію другу Гортензію, вступившему съ нею въ законный бракъ съ цѣлью имѣть отъ нея дѣтей. Географъ Страбонъ, разсказывая этотъ фактъ, прибавляетъ, что Катонъ въ данномъ случаѣ руководился только древнимъ обычаемъ. Юлій же Цезарь въ своей книгѣ противъ Катона разсказываетъ эту исторію нѣсколько иначе. А именно, онъ обвиняетъ Катона въ томъ, что онъ просто продалъ свою жену, т. е. уступилъ ее въ надеждѣ получить такимъ путемъ состояніе Гортензія. Дѣйствительно, Гортензій, умирая, оставляетъ все состояніе Марціи, на которой Катонъ и женится снова. Подобную же исторію разсказываютъ и про Цицерона, отвергшаго свою жену Теренцію, чтобы новой женитьбой получить средства расплатиться съ долгами. Другіе, какъ я сказалъ, мѣняли женъ просто изъ чувственной прихоти. Изъ числа этихъ послѣднихъ прославился другъ Августа, Меценатъ, своими тысячными браками и ежеднев-

ными разводами. Лучшіе императоры, какъ напр. Титъ, не считали предосудительнымъ отвергать женъ для новой страсти. Другихъ примѣровъ я не привожу. Достаточно сказать, что мѣна женъ была явленіемъ на столько обыкновеннымъ, что отъ первыхъ временъ имперіи начинаютъ воздаватъ похвалу такимъ мужьямъ, которые, подобно Германику, прожили жизнь въ одномъ бракѣ.

Съ другой стороны, когда брачное сожитіе стало основываться исключительно на взаимномъ соглашеніи волей, тогда нельзя было отказать и женѣ въ правѣ отвергать мужа. Дѣйствительно, что могло препятствовать женѣ, не подчиненной мужней власти, по произволу разрывать союзъ, основанный лишь на ея согласіи? Достаточно было простаго ея несогласія продолжать брачное сожительство, чтобы бракъ былъ расторгнутъ. Тамъ, гдѣ за брачнымъ союзомъ не признанъ этическій характеръ, тамъ нельзя было ожидать, чтобы и жены, особенно видя примѣръ мужей, не воспользовались этимъ правомъ. И на самомъ дѣлѣ уже въ шестомъ вѣкѣ, какъ свидѣтельствуетъ Плавтъ, жены покидаютъ массами своихъ мужей. Разводились по всевозможнымъ причинамъ. У Марціала одна жена оставляетъ мужа въ Январѣ мѣсяцѣ, въ которомъ онъ вступилъ въ преторскую должность, на томъ основаніи, что должность эта раззорительна. По словамъ Сенеки, жены разводились для того только, чтобы опять выйдти замужъ, а выходили замужъ для того, чтобы развестись. По его же словамъ, знатныя римскія дамы считали лѣта не по числу консуловъ, но по числу мужей. Что слова эти во многихъ случаяхъ не были преувеличеніемъ, показываютъ дошедшіе до насъ примѣры женъ, мѣнявшихъ своихъ мужей до семи разъ, а св. Іеронимъ разсказываетъ о личномъ его присутствіи въ Римѣ на похоронахъ одной женщины, которая имѣла 22 мужа. Но всего характеристичнѣе то, что за это время выработывается особая похвала замужнимъ въ словѣ одномужница (uni nupta, univira). Одномужницы сдѣлались настолько рѣдкимъ явленіемъ, что въ надгробныхъ надписяхъ начинаютъ выставлять въ особую заслугу умершей состояніе за однимъ только мужемъ.

Подъ вліяніемъ взгляда на брачное сожитіе, какъ основаннаго на свободномъ согласіи волей, должны были смягчиться и послѣдствія возможной еще формы брака, влекущаго подчиненіе жены мужней власти. Въ этотъ періодъ свободнаго, полнаго права расторгать брачные союзы, заключаемые теперь всего чаще въ формѣ простаго соглашенія и значительнаго уравненія въ остальныхъ правахъ женщинъ съ мужчинами, было бы странно не предоставить и женѣ подъ властію мужней права на отверженіе мужей. И дѣйствительно, у юриста Гая находимъ одно мѣсто, изъ котораго слѣдуетъ, что жена и подчиненная мужней власти могла, при нежеланіи оставаться въ сожитіи съ мужемъ, принудить его путемъ продажи (remancipatio) освободить ее изъ подъ своей власти, «такъ какъ-бы она никогда не была за нимъ за мужемъ». Для временъ Гая въ этомъ положеніи не могло быть ничего страннаго, такъ-какъ уже задолго до классическихъ юристовъ извѣстны были фиктивные браки, сопровождавшіеся формальностями подчиненія жены подъ руку мужа (coëmptiones fiduciariae), но при каковыхъ случаяхъ женщина имѣла право принудить временнаго своего мужа (coëmptionator) къ своему освобожденію изъ подъ его власти.

Такимъ образомъ въ императорскія времена всѣ браки могли быть расторгнуты путемъ развода по обоюдному согласію супруговъ или одностороннему отверженію однимъ супругомъ другаго по свободному желанію. Въ отдѣльныхъ примѣрахъ мы видѣли, на сколько пользовались этимъ правомъ въ Римѣ. Тертулліанъ же, обобщая эти явленія супружеской жизни въ современномъ ему обществѣ, говоритъ, что разводъ сталъ разсматриваться, какъ плодъ всякаго брака и выполненіе обѣта, даннаго при вступленіи въ него; а по словамъ Сенеки разводъ былъ какъ-бы естественнымъ послѣдствіемъ брака. Быть можетъ послѣднее нѣсколько и преувеличено, но что въ свидѣтельствахъ этихъ выражалось обыкновенное явленіе,—подтверждается и другими данными. Такъ, у драматическихъ писателей встрѣчаются пассажи, гдѣ дѣйствующія лица, при самомъ вступленіи въ бракъ, уже предвидятъ въ близкомъ будущемъ разводъ, или гдѣ разсказывается объ от-

верженіи жены съ цѣлію жениться на другой, какъ о самомъ обыкновенномъ дѣлѣ. Съ другой стороны, въ памятникахъ нерѣдко попадаются такія свидѣтельства, въ которыхъ продолжительные браки представлены явленіями вообще рѣдкими. Такъ, въ панегирикѣ К. Лукреція Веспилло, консула въ 19 году до Р. Хр., своей умершей женѣ Туріи говорится: «рѣдки такія продолжительныя брачныя сожитія, которыя прерываются смертію, а не разводомъ» и т. д.

Подобная свобода разводовъ, не сдерживаемая никакимъ нравственнымъ началомъ, рушитъ границы между брачнымъ сожитіемъ и всякимъ инымъ сношеніемъ половъ, иначе,— узаконяетъ развратъ. Супруги, вступающіе въ бракъ изъ расчета или временной прихоти съ тѣмъ, чтобы при первомъ случаѣ перемѣнить сожителя, должны относиться къ браку только съ формальной его стороны. А такое отношеніе къ браку должно было рано или поздно разложить его нравственно и тѣмъ опрокинуть главнѣйшую опору общественной нравственности.

Тутъ мы будемъ говорить только о женщинахъ, такъ какъ невѣрность, или вообще развратъ мужей въ Римѣ не считались предосудительными. Что же касается женъ, то множество писателей свидѣтельствуютъ въ общихъ чертахъ страшную распущенность ихъ въ императорскія времена. По свидѣтельству Тацита немного браковъ оставалось въ эти времена чистыми. Супружеская вѣрность стала теперь лишь доказательствомъ того, что женщина была нехороша собою, говоритъ другой писатель (Сенека), а мужъ, сердящійся на свою невѣрную жену, прибавляетъ Овидій, былъ явленіемъ смѣшнымъ и чуждымъ римскому обществу. По словамъ Горація безстыдство женъ доходило до того, что онѣ обзаводились любовниками даже за столомъ своего мужа и на его глазахъ. Мало того, по свидѣтельству Эпиктета, римскія дамы его времени находили даже возможнымъ оправдывать свою распутную жизнь ученіемъ Платона объ уничтоженіи брака и общности женъ. Наконецъ, по словамъ сатирика Ювенала, нѣтъ ничего такого, чего не позволяла бы себѣ женщина, что она могла бы считать по-

зорнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, я не въ состояніи былъ бы передать того цинизма, до котораго доходилъ развратъ римскихъ дамъ, напримѣръ Юліи, дочери Августа, жены Агриппы.

Все это быть можетъ только всегдашняя общая жалоба моралистовъ и отдѣльные примѣры, не дающіе яснаго и полнаго понятія объ общественной нравственности въ Римѣ. Но вотъ другія данныя, смыслъ которыхъ не можетъ быть оспариваемъ. При императорѣ Августѣ въ 4-мъ году по Р. Хр. не оказалось среди дѣвицъ свободно-рожденныхъ, желающихъ занять мѣста, прежде столь искомыя, весталокъ, такъ-что въ концѣ принуждены были замѣстить ихъ вольноотпущенницами; нѣсколько позднѣе—увеличить ихъ содержаніе и почести, какъ наприм., въ театрѣ императрица должна была занять мѣсто среди ихъ. Но наконецъ развратъ проникъ и въ этотъ классъ, посвящавшій себя цѣломудрію, такъ-что не могли его остановить и самыя наказанія, наложенныя Домиціаномъ. Другое свидѣтельство говоритъ еще сильнѣе о современной безнравственности женщинъ. По римскому положительному праву еще въ императорскія времена остались слѣды прежняго государственнаго надзора за общественною нравственностью. Такъ всѣ женщины раздѣлялись на двѣ категоріи: тѣ, которыхъ развратъ былъ терпимъ; сюда принадлежали женщины презираемыхъ профессій и публичныя проститутки, т. е. объявившіяся у эдилловъ; всѣ остальныя принадлежали ко второй категоріи (matronae honestae) и подлежали наказанію за развратъ (stuprum), если даже онѣ и не были за мужемъ. Чтобъ обойдти этотъ законъ, женщины изъ самыхъ знатныхъ семей (наприм. Виселія изъ преторской семьи) стремились записаться въ число публичныхъ проститутокъ (meretrices), чтобъ освободить себя отъ преслѣдованій за развратъ. Однимъ сенатскимъ постановленіемъ при Тиверіи подобная записка была запрещена подъ страхомъ изгнанія, но и то только для дамъ всадническаго сословія, «у которыхъ дѣдъ, отецъ или мужъ былъ римскимъ гражданиномъ». Наконецъ, скажу, что по поводу законовъ Августа противъ безбрачія самъ сенатъ констатировалъ въ 18-мъ году до Р. Хр. распущенность римскихъ женщинъ.

На перечисленіи другихъ подобныхъ признаковъ я пока не останавливаюсь, такъ-какъ уже сказанное, надѣюсь, достаточно указываетъ на выяснившіеся признаки разложенія брачнаго союза и необходимаго послѣдствія такого разложенія — общественной безнравственности. Примѣры замѣчательныхъ женъ и матерей отъ этого времени и другія возможныя данныя противъ повсемѣстнаго и всеобщаго разложенія семейной нравственности нисколько не обезсиливаютъ приведенныхъ свидѣтельствъ. Прежде всего самый фактъ постояннаго возвращенія римскихъ писателей къ доблестнымъ матронамъ прошедшаго, а еще болѣе восхваленіе отдѣльныхъ современныхъ имъ женщинъ, можетъ служить только подтвержденіемъ того, насколько счастливые браки были рѣдки. Тацитъ, разсказывая объ одномъ такомъ бракѣ, именно Агриколы, оканчиваетъ разсужденіемъ, смыслъ котораго сводится къ тому, что хорошія супруги настолько же достойны похвалы, насколько онѣ рѣдки. Не можемъ мы придать иного смысла и тѣмъ грезамъ, которыми переполнены творенія римскихъ поэтовъ о супружескомъ счастіи въ полной взаимности, отсутствіи распрей, несокрушимой вѣрности, въ нераздѣльной жизни до гроба и т. п.

Въ нашихъ глазахъ приведенныя выше свидѣтельства моралистовъ и другихъ источниковъ о полномъ разложеніи брачнаго союза имѣютъ настолько значенія, насколько ими подтверждаются тѣ выводы, которые должны были проявиться въ римскомъ обществѣ при той или иной сложившейся въ немъ формѣ брачныхъ отношеній. Намъ важны лишь признаки крайнихъ послѣдствій такихъ отношеній и надѣемся, что привели ихъ достаточное число, подтверждающее широкое распространеніе новыхъ, сравнительно съ прежними временами явленій брачной жизни. Насколько рядомъ съ этими явленіями сживалась семейная доблесть на традиціонныхъ принципахъ римскаго брачнаго права или новыхъ, проникнувшихъ въ римскую жизнь, системъ нравственности, — это не обезсиливаетъ нисколько нашихъ заключеній [1]). Для насъ

[1]) Считаемъ нужнымъ сдѣлать эту оговорку, такъ какъ въ новѣйшей литературѣ начинаютъ раздаваться голоса противъ обычныхъ

важно слѣдующее. Римское общество выразило въ извѣстныхъ правовыхъ положеніяхъ свой взглядъ на основу брачнаго союза. Такою основою въ позднѣйшія времена признавалось лишь согласіе волей. Основа эта сама по себѣ предполагаетъ свободу расторженія браковъ, сплотить, сдержать которые, поэтому, могло только нравственное начало, т. е. признаніе за брачнымъ союзомъ этическаго характера. Но сильно выступить въ жизни римской этому началу было еще рано. Свободный бракъ былъ переходною ступенью отъ брака въ смыслѣ исключительно политическаго учрежденія съ однимъ реальнымъ элементомъ, учрежденія предназначеннаго давать государству гражданъ. И вотъ въ своемъ интересѣ государство стояло надъ сохраненіемъ брака въ его крѣпости, а внутри его скрѣпляла семейная власть. Въ этомъ періодѣ, мы видѣли, не признавался вовсе этическій элементъ брака, не могъ онъ проявиться въ жизни и въ переходной его ступени, когда бракъ, сопровождаемый мужней «рукой», замѣ-

---

представленій римскаго общества во времена императорскія, какъ гнѣздилища всякаго разврата. Такъ Fustel de Coulanges въ своемъ почтенномъ и оригинальномъ трудѣ Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. Paris, 1875, на стр, 276—279 обвиняетъ въ ненаучности пріема тѣхъ писателей, которые по нѣкоторымъ сатирамъ и эпиграмамъ, а затѣмъ полемическимъ трудамъ представителей различныхъ религій, дѣлаютъ заключеніе о полномъ нравственномъ упадкѣ римскаго императорскаго общества. По его словамъ пороки этого общества были ему общіе со всякимъ другимъ и что частная жизнь даннаго періода по многочисленнымъ свидѣтельствамъ представляетъ примѣры замѣчательной семейной доблести Послѣднее мы не оспариваемъ, но въ тоже время полагаемъ, что общіе признаки (а не отдѣльныя сатиры и эпиграммы), приведенные въ текстѣ, даютъ несомнѣнную картину нравственнаго упадка супружескаго быта сравнительно съ прежними временами. Къ послѣднимъ постоянно обращаются сами римскіе писатели и въ особенности писатели переходнаго періода (Катонъ, Плавтъ и др.). Намъ оставалось только объяснить позднѣйшіе признаки брачной жизни, каковое объясненіе могло заключаться лишь въ отмѣнѣ тѣхъ условій, на которыхъ зиждилась устойчивая, цѣломудренная семья древняго Рима.

нялся въ жизни брачнымъ сожитіемъ по простому соглашенію. Разъ же не было ни личной власти, ни нравственнаго начала, способныхъ скрѣпить брачный союзъ, то законная форма и законныя послѣдствія его должны были воспитать легкомысліе, съ которымъ вступали и затѣмъ расторгали браки, а это въ результатѣ ослабило брачныя узы и зародило развратъ. Въ этомъ смыслѣ совершенно справедливы слова Марціала, сказавшаго, что развратъ организованъ самимъ закономъ. Законъ его сдерживалъ въ древнія времена, онъ же своею формальною стороною покровительствовалъ ему въ позднѣйшія времена.

Въ результатѣ позднѣйшія явленія брачнаго союза заставили самихъ римлянъ вспоминать прежнюю его крѣпость и даже идеализировать брачныя отношенія въ древнѣйшемъ Римѣ. Вотъ въ какихъ словахъ представляетъ, напримѣръ, Колумелла картину семейной жизни въ древнія времена: «Взаимное уваженіе соединялось съ согласіемъ и заботливостью... Въ домѣ не было ничего такого, что мужъ или жена считали своею исключительною собственностью; каждый, наоборотъ, стремился сдѣлать все общимъ.»

До сихъ поръ мы говорили о брачной связи римлянъ съ точки зрѣнія лишь личныхъ отношеній супруговъ; но связь эта имѣетъ и другую сторону—имущественную. Если мы до сихъ поръ почти не обращали вниманія на имущественныя отношенія супруговъ, то не потому, чтобы форма этихъ отношеній вообще не могла въ извѣстной степени парализировать указаннаго дѣйствія личныхъ отношеній, но потому, что въ Римѣ имущественная сторона брака всегда складывалась въ форму, соотвѣтствовавшую личнымъ отношеніямъ супруговъ, а слѣдовательно могла только способствовать проявленію въ жизни намѣченныхъ признаковъ брачной жизни.

Итакъ остановимся на имущественной сторонѣ брака.

ГЛАВА IV.

Говоря объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ, мы должны отличать ту форму брака, при которой жена подчинялась мужней власти, отъ брака свободнаго. Въ первомъ случаѣ, какъ мы видѣли выше, все имущество, которое могла имѣть жена, если до выхода замужъ она не подлежала отцовской власти, поступало въ силу самого брака въ неотъемлемую собственность мужа на подобіе того, какъ это было при усыновленіи самостоятельнаго лица (arrogatio). Жена теряла это и всякое иное, пріобрѣтаемое во время брака, имущество навсегда. Другой болѣе обыкновенный въ древнѣйшемъ Римѣ случай выхода замужъ, а именно дѣвушки подъ отцовской властію, не влекъ за собой и этихъ послѣдствій. Какъ подчиненная отцовской власти она не имѣла никакого имущества, которое могла бы бракомъ перенести на мужа, но уже для древнѣйшихъ временъ упоминается обычай нравственно обязательный для восходящихъ жены одарять ея мужа. Даръ этотъ носилъ названіе приданаго (dos) и въ силу мужней власти становился собственностію мужа безвозвратно (dotis causa perpetua est).

Изъ этого обыкновеннаго случая брака при родовомъ бытѣ вытекали слѣдующія два догматическія начала римскаго права, а именно: жена не обязывалась вносить своей доли на облегченіе имущественнаго бремени въ бракѣ и во вторыхъ имущество, перешедшее къ мужу по поводу брака, оставалось всегдашнею его собственностію.

Послѣдствіемъ перваго начала для свободнаго брака было то, что жена самостоятельная отъ отцовской власти вступленіемъ въ бракъ не подвергала своихъ имущественныхъ правъ никакимъ умаленіямъ, то есть иначе для позднѣй-

шей формы римскаго брака выработалось начало полнаго раздѣленія имущества супруговъ. Бракъ по общему началу не предоставлялъ никакихъ правъ мужу на имущество жены. Еще въ классической римской юриспруденціи общая обязанность содержать семью ложилась на одного мужа. Юридически долго ни жена, ни ея родственники не обязывались давать мужу приданаго. Впервые обязательство это для отца и дѣда со стороны отца было установлено законодательствомъ Августа (lex Iulia de maritandis ordinibus) Такимъ образомъ жена могла имѣть большое состояніе и ничего изъ этого не предоставлять въ пользованіе мужа въ качествѣ приданаго. Эта имущественная раздѣльность была доведена до того, что если злостный банкротъ заранѣе перепишетъ свое состояніе на жену, то кредиторы не получали права взысканія съ нея. Мало того, между самими супругами допускаются иски о похищеніи другъ у друга вещей, иски на вознагражденіе вреда, причиненнаго однимъ супругомъ вещамъ другаго и т. д.

Съ другой стороны мы сказали, что при обыкновенной формѣ брака въ древнемъ Римѣ все приносимое женою, т. е. получаемое мужемъ по поводу брака (dos-одного корня съ donatio-даръ) становилось всегдашнею его собственностію, не возвращаемою и по расторженіи брака. Дѣйствительно, мы имѣемъ несомнѣнныя данныя полагать, что первоначально мужъ считался абсолютнымъ собственникомъ приданаго: онъ могъ отчуждать приданыя земли, вчинять противъ жены искъ о похищеніи вещей изъ ея-же приданаго, а по смерти жены не обязывался никому возвращать этаго приданаго. Но мало по малу подъ вліяніемъ различныхъ причинъ стало зарождаться иное направленіе. Такъ Геллій разсказываетъ, что въ Римѣ долгое время неизвѣстны были иски, которыми вытребывалось отъ мужа приданое, и обезпеченія этаго возращенія (actiones rei uxoriae, cautiones rei uxoriae); а затѣмъ прибавляетъ, что поводъ къ образованію этихъ исковъ поданъ былъ первымъ розводомъ. Если разсмотрѣть разсказъ объ этомъ разводѣ, то увидимъ, что вызванъ онъ былъ такимъ обстоятельствомъ, которое не могло быть поставлено въ вину супругѣ. Нѣкто Карвилій Ругъ даетъ обычное клятвенное обѣщаніе предъ цензоромъ,

что вступаетъ въ бракъ съ цѣлію имѣть дѣтей. Жена его оказывается безплодною и онъ, опираясь на принесенную клятву, отвергаетъ ее. Очень вѣроятно, что Карвилій Ругъ былъ первымъ, который сдѣлалъ софистическій выводъ изъ буквальнаго смысла обыкновенной формулы при вступленіи въ каждый бракъ (liberorum quaerendorum causa), что хотя этимъ онъ и могъ вызвать неудовольствіе согражданъ, но обезсилить отверженія не было средствъ. Выше мы видѣли, что въ древнѣйшій періодъ отверженіе мужемъ жены могло быть результатомъ только какой нибудь важной съ ея стороны вины, и при томъ не иначе, какъ по приговору мужа при соучастіи совѣта родичей. При такихъ поводахъ и обстановкѣ отверженія мужъ весьма естественно ничѣмъ необязывался имущественно предъ виновной женою, тѣмъ болѣе что юридически онъ, на основаніи своей семейной власти, въ которую входила и власть надъ женою, считался единымъ и всегдашнимъ собственникомъ всего семейнаго имущества. Когда же стали проявляться случаи отверженія женъ по формальнымъ основаніямъ, безъ всякой съ ея стороны вины, какъ это было въ дѣлѣ Карвилія Руга, или когда супруги расходились даже просто по взаимному соглашенію, то уже было-бы несправедливо оставлять за мужемъ имущество, полученное имъ по поводу брака. Для востребованія отъ мужа приданаго въ подобныхъ случаяхъ расторженія брака и выработались особенные иски (actiones и cautiones rei uxoriae) Мало по малу начало раздѣльности стало проявляться и въ тѣхъ случаяхъ, когда бракъ расторгался и другимъ какимъ либо способомъ; основаніемъ тому могло служить общее явленіе потери за семьей прежняго непосредственнаго политическаго значенія, обособлявшаго ее внѣшне и скрѣплявшаго внутри абсолютною волею одного лица. Когда въ мужѣ нельзя было уже по прежнему всегда видѣть преемника отцовской власти въ полномъ и нераздѣльномъ ея состояніи, то рано или поздно могъ выработаться взглядъ, что имущественная сторона брака была только принадлежностью этого послѣдняго, только служила ему, а потому съ прекращеніемъ его приданое кончало свое назначеніе и слѣдовательно подлежало возвращенію въ родъ жены. Такъ прежде всего право на возвращеніе предоставлено было отцу (но, какъ это и понятно, не

матери) по той причинѣ, какъ сказано въ законѣ, чтобы отецъ въ одно время не потерпѣлъ двойнаго горя-потери дочери и своего имущества. Затѣмъ, право требованія приданаго предоставлялось и женѣ въ случаѣ смерти мужа. Это же право на возвращеніе предполагаетъ право на обезпеченіе цѣлости приданаго, которое мало по малу и обставляется различными мѣрами, лишавшими мужа прежняго неограниченнаго права распоряженія имъ. Такъ, законъ Августа о приданыхъ земляхъ впервые ограничилъ мужнее право распоряжаться приданымъ имуществомъ, законъ этотъ запретилъ мужу отчуждать приданыя земли безъ согласія жены, а закладывать даже съ ея согласія. Еще ранѣе того запрещены были между супругами даренія съ тою цѣлію, какъ говоритъ законъ, чтобы супруги во имя любви себя взаимно не обирали. За тѣмъ, въ Пандектахъ запрещено возвращать женѣ приданое или часть его въ продолженіи брака, чтобы оно не разошлось въ ненужныхъ тратахъ. И такъ далѣе.

Послѣ сказаннаго мы можемъ понять то разногласіе въ нашихъ юридическихъ источникахъ, по которому собственникомъ приданаго называютъ иногда мужа, а въ другихъ случаяхъ говорятъ, что приданое принадлежитъ женѣ. Первое должно понимать какъ основное древнее начало, а второе, какъ выраженіе фактическаго ограниченія въ силу позднѣйшихъ узаконеній, стѣснившихъ мужнее право въ распоряженіи приданымъ. Въ одномъ законѣ Юстиніана говорится: вещи принадлежавшія женѣ до брака естественно остаются въ ея обладаніи. Субтильность законовъ, по которымъ слѣдуетъ, что онѣ переходятъ въ имущество мужа, не можетъ ни измѣнить ни потемнить истины, т. е. иначе, мужъ по прежнему считался собственникомъ приданаго, но въ тоже время признаны правовыя къ нему отношенія жены.

Такимъ образомъ выработалось начало полной раздѣльности, законченное Юстиніаномъ. Въ новомъ римскомъ правѣ по общему началу приданое возвращалось во всѣхъ случаяхъ прекращенія брака; мужъ осуществлялъ на него право собственности только временно и то въ существенно ограниченномъ видѣ.

Примѣняя это начало къ случаямъ развода, мы получаемъ слѣдующее правило. Если разводъ произведенъ по обоюдному согласію супруговъ, или одностороннему отверженію не по винѣ жены, она получала право требовать у мужа возвращенія приданаго. Только въ случаѣ виновности жены, подавшей поводъ къ ея отверженію мужемъ, она по прежнему лишена была права имущественныхъ требованій къ мужу. Такъ, въ случаѣ невѣрности жена подлежала теперь по жалобѣ мужа, вмѣсто прежняго семейнаго суда, судамъ общимъ, которые и приговаривали ее въ видѣ наказанія (poena) къ потерѣ всего или части приданаго въ пользу мужа. Этотъ пенальный, а потому и чисто личный, искъ былъ искомъ нравственности (actio de moribus). Но искъ этотъ по всей вѣроятности былъ лишнимъ, когда жена предъявляла требованіе къ мужу на возвращеніе приданаго. Въ данномъ случаѣ судья, разсмотрѣвъ дѣло, или вовсе освобождалъ мужа отъ взысканія, или приговаривалъ его къ возвращенію опредѣленной части приданаго. Позднѣе, при большемъ прогрессѣ начала имущественной раздѣльности вопросъ былъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что мужъ могъ удержать приданое или часть его въ опредѣленныхъ случаяхъ развода. Такъ образовалась позднѣйшая система удержаній мужемъ извѣстной части приданаго (retentiones ex dote), въ которой выразилось стремленіе замѣнить судейскій произволъ въ оцѣнкѣ однообразными твердыми правилами.

У юриста Ульпіана приведены были четыре вида такихъ удержаній: по причинѣ жениной безнравственности (retentiones propter mores), по причинѣ дѣтей (propter liberos), по причинѣ мужнихъ затратъ на приданое (propter impensas), по причинѣ подарковъ (propter res donatos), по причинѣ похищенныхъ супругой вещей (propter res amotas). Первое изъ нихъ было прямымъ продолженіемъ прежнихъ семейныхъ, а затѣмъ судебныхъ взысканій и осуществлялось теперь уже чаще путемъ судебнаго возраженія на искъ жены о возвращеніи приданаго, чѣмъ путемъ прямаго преслѣдованія жены за безнравственность (actio de moribus). Первоначально опредѣлить величину подобнаго удержанія предоставлялось на волю судьи; позднѣе же законъ или обычай,

выразившійся въ приговорахъ суда нравственности свелъ его къ всегда опредѣленной величинѣ.

Изъ остальныхъ случаевъ удержанія три,—а именно: по причинѣ издержекъ, дареній, похищенныхъ вещей,—были возмѣщеніемъ имущества мужа потраченнаго на приданое или отданное женѣ, или взятое ею. Наконецъ, удержаніе по поводу дѣтей предназначалось на содержаніе и воспитаніе дѣтей, каковыя траты всегда распредѣлялись на имуществѣ обоихъ супруговъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ удержаній выражалась съ одной стороны полная свобода разводовъ, а съ другой,—едвали подобное умаленіе имущества жены могло служить достаточнымъ экономическимъ расчетомъ, чтобы сдержать разводы. Въ трехъ случаяхъ жена возвращала мужу только взятое изъ его имущества, ничего съ своей стороны не теряя, а въ случаѣ удержанія по поводу дѣтей,—она только обезпечивала своихъ же дѣтей и то въ размѣрѣ ни коимъ образомъ не превышавшемъ половины своего приданаго. Мало того, для осуществленія и этого удержанія требовалось, чтобы какая либо вина (culpa) женщина была причиною развода; если же женѣ нельзя было вмѣнить никакой вины, то по расторженію брака съ ея стороны, или обоюдному согласію супруговъ, и при наличности дѣтей не допускалось удержаній: мужъ обязывался возвратить все приданое.

Наоборотъ, если не было дѣтей, то хотя бракъ расторгался женою по ея винѣ, удержаніе не допускалось. Настоящимъ, значитъ, наказаніемъ, имущественной невыгодой угрожалъ только разводъ по причинѣ распутства жены. Удержаніе по этой причинѣ было прямою потерею жены. Но едвали эта потеря достигала своей цѣли; размѣръ ея былъ прежде всего крайне ничтожный, а именно: за болѣе крупную безнравственность (mores graviores), какъ то: доказанную супружескую невѣрность, жена лишалась только одной шестой части своего приданаго; за остальные проступки противъ нравственности (mores leviores), наприм. пьянство, размѣръ удержаній былъ еще того менѣе, а именно: одной восьмой приданаго. Кромѣ того въ приданое могло входить далеко

не все имущество жены. Опредѣлить величину приданаго зависѣло отъ лицъ, устанавливающихъ его, а такимъ образомъ самая богатая невѣста могла большую часть своего состоянія оставить за собой въ качествѣ ея частнаго имущества (parapherna), на которое мужъ могъ не получить даже права пользованія. Правда, первоначально, при возрожденіи свободныхъ браковъ, весьма вѣроятно общественные нравы были противъ подобнаго частнаго имущества жены, очень вѣроятно, что долго по прежнему жена приносила мужу въ качествѣ приданаго все свое имущество. Еще въ шестомъ вѣкѣ въ одной комедіи Плавта говорится: «не прилично порядочной женщинѣ тайкомъ отъ мужа имѣть какую нибудь собственность. Та, которая владѣетъ собственностію, вѣроятно или украла её у мужа, или пріобрѣла безчестно. По моему все твое принадлежитъ мужу.» Но, привыкши мало по малу къ самостоятельности и стремясь къ ней по мѣрѣ измѣнившихся условій, женщины стали все чаще оставлять въ своемъ частномъ распоряженіи большую часть своего имущества. Такимъ образомъ любой имущей женѣ предоставлялось, потерей ничтожной части своего имущества, покупать безнаказанность разврата, ведущаго къ расторженію брака.

До сихъ поръ мы говорили объ имущественныхъ послѣдствіяхъ расторженія брака съ имущими женами, если же жена была безприданницею, то не было и этого экономическаго интереса удерживать ее въ брачномъ сожитіи со своимъ наличнымъ супругомъ. До Юстиніана разводъ брака, не сопровождавшагося назначеніемъ приданаго, оставался предъ закономъ безъ наказанія.

Итакъ, если не было дѣтей или иного какого-либо основанія удержаній изъ приданаго, то жена могла отвергнуть мужа и получить приданое назадъ; если же за нею не числилось приданаго, то еще однимъ стимуломъ было менѣе для скрѣпленія брака.

Еще ничтожнѣе были имущественныя послѣдствія развода для мужа; этотъ послѣдній, отвергая жену, по общему началу обязывался возвратить только ея приданое, при томъ

та часть его, которая, по выраженію источниковъ, была замѣнима, возвращалась въ опредѣленные обычаемъ сроки, остальное же должно быть возвращено немедленно. Но едва ли можно разсматривать это какъ наказаніе мужу, отвергнувшему жену, такъ какъ обязанность возвратить приданое по расторженію брака было въ позднѣйшія времена, какъ мы видѣли, общимъ правиломъ, если только расторженіе это не вызвано виною жены. Такимъ наказаніемъ можно развѣ считать только сокращеніе обычныхъ сроковъ возвращенія приданаго въ случаяхъ виновности мужа. Такъ, если ему вмѣнялась крупная безнравственность (супружеская невѣрность), то онъ обязывался возвратить все приданое немедленно; менѣе же крупная безнравственность (mores minores) вела только къ сокращенію обыкновенныхъ сроковъ для возвращенія приданаго изъ замѣнимыхъ вещей, а именно вмѣсто трехъ лѣтъ—въ шесть мѣсяцовъ. Кромѣ того, въ случаѣ обязательства немедленно возвратить приданое, мужъ терялъ столько прибыли (плодовъ) отъ него, сколько требовалось ея за періодъ обыкновенныхъ сроковъ возвращенія. Такимъ образомъ мужъ, отвергнувшій жену, ни коимъ образомъ не терпѣлъ умаленія въ собственномъ имуществѣ, а самое большее,—это терялъ пользованіе извѣстнымъ родомъ приданаго на короткое время или опредѣленное количество прибыли отъ него.

Такія имущественныя послѣдствія разводовъ оставались нетронутыми вплоть до христіанскихъ императоровъ. Въ общемъ они сводились къ тому, что съ разводомъ безъ особыхъ предусмотрѣнныхъ въ положительномъ правѣ причинъ сказывалась полная имущественная раздѣльность римскаго брака. Безприданная жена теряла участіе въ пользованіи имуществомъ мужа, имущая—возвращала въ свое непосредственное завѣдываніе предоставленное мужу добро въ качествѣ приданаго. Бѣдный мужъ терялъ пользованіе въ приданомъ жены, имущій—только лишалъ ее пользованія въ своемъ имуществѣ.

То временное участіе супруговъ въ пользованіи имущественной обстановкой съ перваго взгляда могло бы казаться нѣкоторымъ препятствіемъ для расторженія брака. И дѣйствительно, многіе изъ древнѣйшихъ уже писателей говорятъ

о томъ громадномъ значеніи, какое играло приданое въ римскомъ бракѣ. По позднѣйшимъ взглядамъ римлянъ оно было какъ бы необходимой принадлежностью каждаго брака, быть можетъ даже средствомъ достиженія послѣдняго. Бѣдность, лишающая возможности дать за дочерью приданое, считалась семейнымъ несчастіемъ. Творенія бытовыхъ писателей наполнены погоней за богатыми невѣстами, за большимъ приданымъ. Въ одной комедіи Плавта (Aulularia) отецъ печалится на свое несчастіе и дочери своей, которой не можетъ найти жениховъ по неимѣнію чего дать за ней. Этимъ же объясняется и одинъ законъ Августа, которымъ онъ, изъ стремленія поощрять вступленіе въ бракъ, обязываетъ отца и другихъ восходящихъ родственниковъ снабжать невѣсту приличнымъ приданымъ. Закономъ этимъ имѣлось въ виду облегчить самое вступленіе въ бракъ. Такой имущественный расчетъ римлянина при вступленіи въ бракъ, какъ общее явленіе для позднѣйшихъ временъ, долженъ быть намъ понятнымъ послѣ вышесказаннаго объ общемъ характерѣ брака римскаго. Съ распаденіемъ трудовой, невзыскательной жизни древнѣйшей римской общины, имущество стало вообще пріобрѣтать все большее значеніе; въ супружеской же жизни оно получило особенный смыслъ уже потому, что нравственное начало любви не играло въ римскомъ бракѣ большой роли.

Если же такое значеніе имѣлъ экономическій расчетъ при вступленіи въ бракъ, то этотъ же расчетъ при первомъ взглядѣ долженъ былъ наложить хотя бы нѣкоторое ограниченіе на свободу разводовъ. Но брачное сожитіе, основанное въ главномъ на такомъ расчетѣ, для большинства населенія считалось бы чистой обузой, а для лицъ имущихъ крайне шаткимъ. Бытовые писатели говорятъ часто, что на безприданую жену смотрѣли почти какъ на наложницу (конкубину). Въ одной комедіи Плавта сынъ разсказываетъ отцу о молодой дѣвушкѣ, которую онъ желалъ бы взять въ жены. Отецъ, услышавъ, что за ней не имѣется ничего, съ удивленіемъ спрашиваетъ сына: неужели онъ желаетъ взять ее въ качествѣ супруги? Но и богатая жена представляла мало счастія. Самыя древнія драматическія произведенія обращали внима-

ніе на печальныя послѣдствія т. наз. продажныхъ браковъ (venalia matrimonia). Уже Плавтъ говоритъ (Menechmes) о гордыхъ и напыщенныхъ своимъ приданымъ женахъ. По Ювеналу нѣтъ ничего невыносимѣе богатой жены. Во множествѣ комедій мужъ за подобной женой рисуется ея слугой. «Ты не пользуешься никакимъ вліяніемъ у себя», говоритъ рабъ господину въ комедіи Asinaria. «Увы! отвѣчаетъ господинъ, получивъ приданое, я продалъ свое вліяніе». Беря жену исключительно для денегъ, мужъ принужденъ съ ней жить, хотя бы жизнь эта была для него невыносима. Отвергнуть ее — значитъ возвратить приданое. Жена же при позднѣйшихъ личныхъ отношеніяхъ сознавала свое преимущество и, кромѣ произвола личнаго, въ большинствѣ случаевъ допускала себѣ и невѣрность мужу. Она часто держитъ даже особыхъ своихъ управителей (procuratores), которыхъ римскіе писатели представляютъ любовниками госпожъ. Мужья подобныхъ женъ ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ презрѣнныхъ лицъ, которые за плату вступали въ фиктивные браки съ женщинами, желавшими такимъ путемъ обойдти законы о безбрачіи и въ тоже время сохранить свободу распущенности.

Такимъ образомъ безприданная жена считалась бременемъ, богатая же — мукой.

Въ результатѣ сказаннаго объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ въ позднѣйшемъ римскомъ правѣ мы видимъ, что такъ называемая дотальная система этихъ отношеній какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала полной свободѣ разводовъ. Жена во всякое время свободна была отобрать приданое и удалиться изъ мужняго дома или прогнать мужа изъ своего; а мужъ свободенъ былъ возвратить женѣ ея имущество и приказать покинуть его. Самый интересъ пользованія однимъ супругомъ состояніемъ другаго не могъ положить предѣловъ пользованію этимъ правомъ отверженій. Значитъ, имущественная сторона римскаго брака не могла быть включаема въ число условій, скрѣпляющихъ супружескій союзъ.

Указавъ на разложеніе брачнаго союза при позднѣйшихъ измѣнившихся личныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ между супругами, обусловленныхъ т. наз. свободной формой брака по обоюдному согласію,—намъ остается для полноты представленія отмѣтить признаки измѣнившагося бытоваго положенія женщины, что въ совокупности съ перечисленными позднѣйшими сторонами брачнаго союза вызвало въ концѣ республики явленія безбрачія.

ГЛАВА V.

Измѣнившіяся личныя и имущественныя отношенія женъ повели за собой полную перемѣну положенія римской женщины въ общественной и частной жизни.

Прежде всего основной взглядъ древнѣйшаго Рима на необходимость опекать женщину впродолженіи всей ея жизни съ постепенной личной эманципаціей и развитіемъ имущественной независимости сталъ сводиться постепенно къ одной формальной обстановкѣ пожизненной опеки. Уже Цицеронъ говоритъ объ опекунахъ, которые находились подъ властью опекаемой женщины, а не наоборотъ. Позднѣе извѣстный разрядъ свободно-рожденныхъ женщинъ (съ тремя дѣтьми) и вольноотпущенницъ (съ четырьмя дѣтьми) были вовсе освобождены отъ опеки. Наконецъ, половая опека не только исчезаетъ окончательно изъ римской жизни, но еще самимъ женщинамъ въ иныхъ случаяхъ предоставляется право на опеку своихъ дѣтей. На столько уже измѣнился первоначальный строй римской жизни!

Соотвѣтственно съ такой личной и имущественной независимостью женщина римская пріобрѣтаетъ вполнѣ самостоятельное положеніе внутри дома, а съ тѣмъ вмѣстѣ начинаетъ проявляться ея участіе и въ публичной жизни.

Уже Катонъ Старшій съ горечью говорилъ о власти, которую жены пріобрѣли надъ мужами, этими владыками міра. Этимъ же путемъ не трудно имъ было пріобрѣсти вліяніе и на общественныя дѣла, вопреки основному положенію римскаго права. Мы уже не упоминаемъ о тѣхъ Фульвіяхъ,

Ливіяхъ, Агриппинахъ и др., проявлявшихъ сильное вліяніе на всѣ общественныя дѣла республики путемъ своего положенія при мужьяхъ; но это вліяніе могло сказываться и въ болѣе тѣсной сферѣ. Тацитъ свидѣтельствуетъ, что жены провинціальныхъ правителей «впутывались во всѣ дѣла и добивались желаннаго рѣшенія ихъ», такъ-что къ нимъ обращались съ просьбами и подкупомъ. Тоже косвенное вліяніе женъ могло проявляться и во всѣхъ другихъ отрасляхъ магистратуры. Наконецъ, мы знаемъ случаи и болѣе непосредственнаго участія женщинъ въ общественныхъ дѣлахъ. Дѣйствительно, исторія сохранила примѣры подобнаго вмѣшательства женщинъ. Такъ въ 43-мъ году до Р. Хр. тріумвиры вздумали обложить замужнихъ женщинъ тяжкимъ налогомъ. Матроны возстаютъ подъ предводительствомъ Гортензіи и заставляютъ уменьшить налогъ. Мы привели только отдѣльный примѣръ (вспомнимъ еще болѣе раннее возстаніе женщинъ по поводу закона Оппіева), въ римскихъ же источникахъ не прошло незамѣченнымъ то общее явленіе, что «съ тѣхъ поръ какъ ослаблены узы, въ которыхъ предки считали нужнымъ держать женъ, онѣ господствуютъ въ семействахъ, въ судахъ и въ арміяхъ». Отнынѣ онѣ все болѣе принимаютъ участія въ публичной жизни. Упоминаются примѣры, когда женщины ведутъ сами дѣла въ судахъ при большомъ иногда стеченіи народа.

Съ оставленіемъ женщиной домашней обстановки, въ которой прежде вращалась вся ея жизнь, вмѣстѣ съ тѣмъ она необходимо теряетъ и прежнюю простоту и оставляетъ прежнія свои главныя занятія, а все это должно было произвести полное духовное превращеніе въ ней.

Стремясь теперь изъ дому, женщина должна была интересоваться тѣмъ публичнымъ вниманіемъ, которое будетъ ей оказано толпой. Самымъ же вѣрнымъ средствомъ привлечь къ себѣ взоры были наряды не обыденные, а какъ можно болѣе выдающіеся по своей роскоши. Масса законовъ противъ женской роскоши не въ состояніи уже возвратить ихъ къ прежней простотѣ. «Цѣлыя ночи, говоритъ Сенека, выслушиваетъ мужъ жалобы жены на то, что такая-то показы-

вается въ общественныхъ мѣстахъ въ нарядахъ болѣе богатыхъ и т. д.» Въ отдѣльныхъ примѣрахъ роскошь доведена женщинами до безумныхъ предѣловъ. Не ходя дальше, по сознанію того же Сенеки, философа-моралиста, жена его носила въ однихъ ушахъ «доходы цѣлыхъ помѣстій». Другихъ примѣровъ женской расточительности за данный періодъ, по ихъ общеизвѣстности, приводить лишне. О скромности, какъ необходимомъ признакѣ цѣломудрія, при подобной выставкѣ, уже не могло быть и рѣчи. Ее мало-по-малу замѣнило полное безстыдство. По словамъ того же Сенеки современныя ему женщины одѣвались часто такъ, какъ будто-бы вовсе не были одѣты, или же, какъ свидѣтельствуютъ Ювеналъ и Тертулліанъ, ничѣмъ не отличались отъ публичныхъ женщинъ.

Само собой разумѣется, что при такихъ наклонностяхъ нельзя уже себѣ представить римскую женщину за прежнимъ занятіемъ — пряжей и тканьемъ. Дѣйствительно, Колумелла жалуется, что большинство женщинъ на столько изнѣжены и лѣнивы, что уже болѣе не заботятся о пряжѣ и тканьѣ. Вмѣсто этого онѣ обращаются къ занятіямъ изящной литературою и искусствами. О нѣкоторыхъ женщинахъ этого періода исторія упоминаетъ, какъ о высоко-образованныхъ личностяхъ. Такъ въ примѣръ приведемъ отзывъ Саллюстія о Семпроніи, замѣшанной въ заговорѣ Катилины: «Она знала греческую и римскую литературу, умѣла играть на цитрѣ и танцовать граціознѣе, чѣмъ подобаетъ цѣломудренной женщинѣ». Изъ числа другихъ женщинъ, оставившихъ имя въ исторіи благодаря своему высокому образованію, можемъ упомянуть: Теренцію—жену Цицерона, Туллію—его дочь, Кремуцію —дочь историка Кремуція-Корда, Кальпурнію—жену Плинія.

Такимъ образомъ вмѣсто прежнихъ суровыхъ, неженственныхъ натуръ въ степенномъ, простомъ одѣяніи, мы за этотъ періодъ получаемъ женскій образъ въ роскошномъ нарядѣ съ изящными женственными манерами, съ блестящимъ, живымъ умомъ.

На сколько измѣнились въ римской женщинѣ ея наклонности и духовныя качества, на столько же должна была измѣниться и ея обстановка. О тѣсномъ домашнемъ кругѣ не могло быть уже и рѣчи. Ей нужно теперь общество, ей нужна публичность, не смотря даже на развращающее ея значеніе въ современномъ быту. Отнынѣ женщины начинають принимать участіе въ пирахъ мужчинъ; ни одно публичное представленіе, какъ бы безнравственно оно ни было [1]), не обходится безъ ихъ присутствія. По словамъ Овидія жены и взрослыя дѣвушки посѣщаютъ самыя безнравственныя представленія мимъ. Мало того, онѣ начинаютъ выступать сами на подмостки въ качествѣ танцовщицъ. Мы знаемъ, что Августъ запретилъ въ 22-мъ году до Р. Хр. это занятіе для женъ и сыновей сенаторскаго званія. Позднѣе изъ Ювеналовскихъ сатиръ мы можемъ заключить, что римскія матроны не остановились даже передъ тѣмъ, чтобы всенародно съ обнаженною грудью выступать для битвы съ дикими звѣрями. Въ числѣ ежедневныхъ времяпрепровожденій римскихъ женщинъ было посѣщеніе храмовъ и бань. Первые, по свидѣтельству не только христіанскихъ (наприм. Тертулліана), но и самихъ языческихъ (Овидій) писателей, были въ этотъ періодъ мѣстами развращенія женщинъ; о вторыхъ достаточно сказать, что теперь стали купаться по ночамъ, что прежде было запрещено, и перестали отдѣлять мужскія половины отъ женскихъ.

Вотъ насколько съ ослабленіемъ прежней родовой дисциплины измѣнился родъ жизни, занятій римской женщины, и какое пагубное вліяніе должна была оказать эта перемѣна на ихъ нравственность и тѣмъ окончательно пошатнуть прежнюю крѣпость семейнаго союза, не скрѣпленнаго теперь ни внѣшней дисциплиной, ни новымъ какимъ-либо нравственнымъ началомъ. Римская женщина этого періода не была болѣе той степенной, проникнутой семейнымъ долгомъ,

---

[1]) См. картину этихъ представленій, нарисованную Тертулліаномъ (Tertull. De spectac. 17).

матроной прежнихъ временъ; теперь она была и изящна, и образована, и кокетлива, какъ любая гречанка; теперь могла она удовлетворить измѣнившемуся вкусу римлянина, но за то она потеряла семейныя доблести, не сдерживаемая болѣе семейнымъ авторитетомъ и не зная того нравственнаго начала, на которомъ основываемъ мы свою семейную жизнь.

Послѣ представленныхъ признаковъ позднѣйшаго римскаго брака мы можемъ объяснить себѣ безбрачіе, которое приняло уже въ концѣ республики такое страшное развитіе. Уже Саллюстій съ горечью указывалъ на разслабленіе древнихъ нравовъ республики. Лучшіе люди не считали предосудительнымъ жить во внѣбрачныхъ связяхъ. Напрасно побуждалъ цензоръ къ выполненію брачнаго долга, рекомендуя бракъ иногда, какъ необходимое зло. Такъ, до насъ дошла слѣдующая рѣчь Метелла Нумидія: «Еслибы мы могли, граждане, то, конечно, всѣ освободились бы отъ этого бремени; но если разъ природа устроила такъ, что и жизнь съ женами не представляетъ радости, и безъ нихъ вообще нельзя обойдтись; то слѣдуетъ обращать вниманіе болѣе на постоянный государственный интересъ, чѣмъ на наше собственное преходящее довольство».

Что же вызывало такое отвращеніе къ браку?—Его основной характеръ, какъ института чисто политическаго, лишеннаго всякаго этическаго элемента. Бракъ и держался устойчиво пока римская община всецѣло была проникнута политическимъ интересомъ, пока строго, неуклонно наблюдала за выполненіемъ политической обязанности всякаго гражданина. Этотъ же политическій интересъ служилъ и скрѣпленіемъ брачнаго союза. Поэтому, съ ослабленіемъ прежняго непосредственнаго политическаго значенія брака и дѣторожденій, когда общественная жизнь, интересы политическіе перестали всецѣло занимать натуру римлянина, прежній долгъ предъ государствомъ, какъ онъ выражался въ бракѣ, долженъ былъ ему казаться бременемъ (molestia). Теперь уже ничто не могло заставить римлянина предпочесть брачное сожительство, налагавшее на него семейныя заботы, обязанности,—

полной личной свободѣ. Подобный эгоизмъ вполнѣ понятенъ въ римлянинѣ, незнавшемъ семейной любви. Съ другой стороны, основной характеръ римской женщины могъ только способствовать его развитію. Первоначально цѣломудренная, суровая, исполненная семейнымъ долгомъ, римская женщина носила на себѣ отпечатокъ черствости, несмягченной знакомствомъ съ изящной литературой, философіей, искусствами, дающими интересъ въ бесѣдѣ, времяпрепровожденіи съ ней. Римлянинъ, первымъ вкусившій прелесть греческой образованности, греческихъ нравовъ, понятно, скучалъ дома и искалъ развлеченій внѣ его. Вспомнимъ къ тому же, что нравственно онъ ничѣмъ не обязывался по отношенію къ женѣ. И вотъ уже въ шестомъ вѣкѣ Плавтъ говоритъ о цѣлыхъ кварталахъ Рима, населенныхъ проститутками, которыхъ было болѣе, «чѣмъ мухъ въ жаркое время»; во времена Августа цѣлыя улицы (напр. Субура) населены были красавицами всѣхъ странъ, гдѣ богатѣйшіе и знатнѣйшіе римскіе граждане предпочитали проводить время въ оживленной бесѣдѣ и развлеченіяхъ съ остроумными, кокетливыми и красивыми подобіями Аспазій. Римлянинъ цѣнилъ такую свободу и выразился устами Горація, что нѣтъ ничего лучше холостой жизни [1]).

Позднѣе такое отношеніе къ браку не только не ослабло, но должно было еще болѣе укрѣпиться. Женщины римскія, оставивъ традиціонные нравы, а вмѣстѣ и добродѣтели, проникнутыя духомъ времени, современнымъ образомъ жизни и образованностью,—окончательно обезсилили домашнюю дисциплину, предались, какъ мы видѣли, публичнымъ развлеченіямъ, сознали свое вліяніе внутри семейства и въ результатѣ дошли до полной безнравственности. Понятно, что римлянинъ, не расчитывая уже на прежній семейный авторитетъ, не зная другого начала, способнаго обезпечить мирное и счастливое сожительство, бѣжалъ теперь еще пуще отъ брака, видя въ немъ одно только несчастіе (miseria), едва ли преувеличивая. Плиній какъ объ исключительномъ явленіи (sin-

---

[1]) Horat. Epist. I, 1: Maelius nil coelibe vita.

gularis exempli) упоминает объ одной супругѣ, которая всю свою жизнь съ мужемъ провела въ мирѣ и согласіи. Поэтому лучшимъ свидѣтельствомъ обычнаго супружескаго счастія отъ этого періода можетъ служить дошедшая до насъ надпись одного мужа надъ гробницей умершей жены: «Въ день ея смерти принесъ я свою благодарность богамъ и людямъ».

Нѣтъ ничего удивительнаго послѣ этого, что, сведя всѣ указанныя неудобства брачной жизни, начинаютъ публично проповѣдывать противъ брака и возводить безбрачіе въ принципъ.

На сколько послѣднее было распространено мы можемъ заключить изъ того, что уже Юлій Цезарь намѣревался выступить общими мѣрами противъ безбрачія, какъ зла, угрожавшаго уменьшеніемъ римскаго населенія; затѣмъ законы Августа противъ холостыхъ [интересно, что оба консула, по имени которыхъ назывался этотъ законъ (Папія-Поппеа), не были женаты] и незамужнихъ прошли съ большимъ трудомъ и едва-ли строго примѣнялись,—не смотря на то, что ими сдѣланы были значительныя уступки современной распущенности,—одинъ видъ наложничества возведенъ былъ въ правомѣрное отношеніе. Замѣтьте при этомъ, что конкубину можно было, ничѣмъ не стѣсняясь, отсылать отъ себя, а кромѣ того, какъ указано выше, дѣти отъ этой связи не пользовались никакими правами въ семьѣ отца. Римлянинъ не хотѣлъ ничего этого знать; ему нужна была полная свобода, такъ-что, наконецъ, императоръ Тиверій принужденъ былъ назначить коммиссію изъ 15 сенаторовъ, которая выработала такую массу исключеній, что въ сущности отмѣнила законы Августа.

Безбрачіе же, какъ общее явленіе, пагубно вліяя на общественную нравственность, вносило свою долю въ сумму тѣхъ причинъ, которыя разложили позднѣйшій римскій бракъ. Тутъ было взаимное обусловливаніе и само римское общество это ясно сознавало. Діонъ Кассій разсказываетъ, какъ однажды сенаторы подняли жалобы на то, что молодые

люди — мужчины и женщины, предаются разврату, вслѣдствіе чего между ними уменьшается наклонность къ браку, и просили Августа помочь этому злу. На эти жалобы Августъ отвѣтилъ законами о прелюбодѣяніи и стыдливости. (Leges Iuliae de adulteria et de pudicitia).

Вотъ до какихъ результатовъ дошелъ римскій бракъ, благодаря тому, что въ основѣ своей имѣлъ сначала реальный элементъ, къ которому позднѣе присоединили элементъ соглашенія волей, а никогда не зналъ, или иначе—для него не считалось основнымъ начало этической связи!

Этическій элементъ въ супружескихъ отношеніяхъ, какъ главнѣйшее связующее начало въ бракѣ, впервые выдвинутъ былъ христіанствомъ. Останавливаемся на характеристикѣ брака съ христіанской точки зрѣнія. Мы не дадимъ полнаго догматическаго ученія христіанской церкви о бракѣ; для нашей задачи достаточно будетъ памѣтить то направленіе въ этомъ вопросѣ, которое выразилось въ трудахъ уже древнѣйшихъ христіанскихъ учителей, часто несогласныхъ между собою по рѣшенію отдѣльныхъ сторонъ брачныхъ отношеній, но всегда преслѣдующихъ одну общую идею, рѣзко отличную отъ господствовавшихъ до того времени воззрѣній на бракъ.

ГЛАВА VI.

Выходя изъ единства происхожденія, христіанство должно было провозгласить равенство между женщиной и мужчиной. Дѣйствительно, въ лицѣ нѣкоторыхъ учителей первоначальной церкви, оно прямо объявило, въ противность современному языческому взгляду, что по природѣ женщина равна мущинѣ, что несправедливо ставить женщинъ ниже мужчинъ и лишать ихъ поэтому нѣкоторыхъ правъ. Климентъ Александрійскій говорилъ, что между мужчиною и женщиною—полное равенство, что оба пола имѣютъ одну природу, а слѣдовательно, и одну и ту же добродѣтель.

За такимъ взглядомъ должно было слѣдовать немедленно признаніе равноправности женщинъ, т. е. такого начала, которое противорѣчило всѣмъ политическимъ традиціямъ Рима, и, на-оборотъ, вытекало изъ общихъ началъ христіанскаго ученія о равенствѣ. Правда, послѣднее начало не всегда находило признаніе въ первоначальной христіанской общинѣ .Отчасти, быть можетъ, вѣковыя традиціи, а главнымъ образомъ исторія творенія и грѣхопаденіе заставляли нѣкоторыхъ отцовъ церкви, иногда даже публично, высказываться въ смыслѣ низшей природы женщины. Такъ, па соборѣ Маконскомъ (585 г.) одинъ епископъ серьезно поднялъ вопросъ: человѣкъ ли—женщина, и отвѣтилъ на него отрицательно. Но это были только отдѣльныя мнѣнія, а потому тѣ учителя церкви, которые общимъ началомъ допускали равенство женщинъ, поступали согласнѣе съ духомъ христіанскаго ученія уже потому, что въ лицѣ Божіей Матери оно возвысило женщину до неслыханной высоты.

Теперь посмотримъ: на чемъ же основало христіанство супружеское сожитіе между лицами, признаваемыми теперь за равныхъ?

Въ началѣ я указалъ, что древнѣйшій римской бракъ основался почти исключительно на реальномъ элементѣ; назначеніе его состояло исключительно въ расположеніи, дѣторожденіи. Элементъ этотъ былъ признанъ и въ христіанскомъ бракѣ, но уже далеко не въ качествѣ главной основы его, а только какъ одна изъ сторонъ основаннаго бракообщенія?

Христіанскій спиритуализмъ въ крайнемъ своемъ развитіи, предписывая умерщвленіе плоти, родившій монашество, долженъ былъ всякое выраженіе чувственной страсти считать грѣховнымъ. Поэтому, цѣломудріе должно было, съ точки зрѣнія христіанской, считаться одною изъ высшихъ добродѣтелей. Согласно съ такимъ взглядомъ, первоначальная церковь стремилась устранить все способное искушать цѣломудріе. Въ противность позднѣйшему образу жизни римскихъ дамъ она пыталась возвратить женщинъ къ домашней дѣятельности. Климентъ Александрійскій рекомендуетъ имъ заниматься пряжей шерсти и тканьемъ, не стыдиться прилагать своего труда и ко всякой другой домашней работѣ (приготовленіе пищи и т. п.). Далѣе мы знаемъ, какъ древнѣйшіе учители церкви запрещали женщинамъ употреблять роскошныя одѣянія и вообще искусственно увеличивать внѣшнее обаяніе, чтобы не возбуждать опасное пламя страсти. Съ этою-же цѣлію Тертулліанъ увѣщевалъ ихъ носить покрывала. Зная вредное вліяніе безнравственныхъ зрѣлищъ язычества, гдѣ при этомъ, въ блестящихъ украшеніяхъ, смѣшанно сидятъ мущины и женщины (Тертуліанъ) христіане стали во враждебное отношеніе къ театрамъ. По словамъ Кипріана, женщина, идя въ театръ цѣломудренною, возвращалась оттуда развращенною. Вообще въ цѣлой массѣ дошедшихъ до насъ выраженій отцовъ первоначальной церкви находимъ горячее осужденіе чувственности языческаго міра, его развращающихъ празднествъ и, послѣдовательно, характера физическаго отношенія половъ.

Признавая такое высокое значеніе за цѣломудріемъ и нравственною дисциплиною, первоначальная церковь должна была признать физическій элементъ брака, самъ по себѣ, грѣховнымъ, а всякая связь между лицами различныхъ половъ, основанная лишь на этомъ элементѣ, должна была подлежать полному осужденію (Григорій Нисскій, Василій Великій). Мало того, осуждая чувственность вообще, нѣкоторые церковные писатели не считали себя въ правѣ оправдывать ее какой-либо формой, именно супружескихъ сношеній (Іустинъ), а поэтому иногда, разсматривая даже самый бракъ только со стороны физическаго элемента, нѣкоторые церковные писатели опредѣляли его какъ терпимый развратъ (Тертулліанъ). Поэтому, хотя первоначальная церковь и допускала брачныя сожитія, но съ самаго начала считала безбрачіе и дѣвичество за высшую добродѣтель (напр. см. Климентъ Александрійскій, Іеронимъ), осуждала чувственность вообще и даже на бракъ предписывала смотрѣть не какъ на средство удовлетворенія только страсти. По смыслу выраженія св. Игнатія бракъ долженъ заключаться по мотивамъ такой возвышенной чистой любви, которая не имѣетъ ничего общаго съ чуственными стремленіями, а именно, онъ долженъ быть заключаемъ «о Господѣ, а не по страсти». Отсюда восхваленіе нѣкоторыми отцами церкви (Святый Іеронимъ) воздержанія въ бракѣ и убѣжденіе супруговъ позднѣйшимъ каноническимъ правомъ даже въ выполненіи реальнаго элемента брака не руководиться одною чувственностію; отсюда и всѣ ограниченія церковныя, которыми позднѣе обставлялась эта сторона брачнаго союза. Изъ свидѣтельствъ отдѣльныхъ церковныхъ писателей мы можемъ заключить, что супружескія отношенія въ первоначальной христіанской церкви дѣйствительно отличались крайнею воздержностью съ чуственной стороны, ограничиваясь необходимымъ для рожденія дѣтей (Аѳенагоръ), и крайнею скромностью во взаимномъ обхожденіи супруговъ не только при постороннихъ, но и наединѣ (Климентъ Александрійскій). Таково было высокое цѣломудріе христіанскаго брака въ отличіе отъ римскаго, въ которомъ до конца преобладалъ элементъ реальный.

Въ первыя вѣка христіанства послѣдовательное приложеніе такихъ взглядовъ повело даже къ крайностямъ. Такъ

извѣстный врачъ Галенъ пишетъ о христіанахъ, что между ними есть мужи и жены, которые въ продолженіи всей жизни воздерживались отъ супружества. Наконецъ, появились цѣлыя ученія и секты (гностики, энкратиды), возводившіе безбрачіе въ догматъ. Чтобы остановить крайность подобнаго спиритуалистическаго направленія пришлось даже прибѣгнуть къ авторитету соборныхъ постановленій. Мы видѣли, что подобное же явленіе ознаменовало періодъ разложенія брачнаго союза въ Римѣ; но какое различіе съ тѣмъ же явленіемъ въ христіанскомъ мірѣ! Въ первомъ безбрачіе было выраженіемъ эгоизма, безграничнымъ эпикуреизмомъ, въ послѣднемъ—служило стремленію духа совладать съ тѣлесною слабостію. Итакъ реальный элементъ далеко не составлялъ главной непосредственной основы брака по воззрѣнію христіанской церкви. Напротивъ, въ этомъ отношеніи первоначальная христіанская община рѣзко противоположила римскимъ взглядамъ на бракъ цѣломудріе супруговъ, а въ крайномъ направленіи даже полное воздержаніе.

На чемъ же, спрашивается, основывала уже первоначальная церковь брачный союзъ? Прежде всего подобно позднѣйшимъ римлянамъ необходимымъ условіемъ она выставляла взаимное согласіе (συναίνεσις) сторонъ; причемъ первоначально было безразлично,—въ какой формѣ выразится это согласіе. Для брачнаго сожитія требовалось лишь простое неформальное согласіе сторонъ. Поэтому первоначальная церковь не могла не признать конкубината, пока по внѣшней формѣ онъ ничѣмъ не отличался отъ брака. Епископъ Каллистъ (218—223 г.) дозволялъ дѣвицамъ и вдовамъ сенаторскаго званія состоять конкубинами вольноотпущенниковъ и даже рабовъ, отдавая этой связи преимущество предъ бракомъ съ язычниками. Затѣмъ, 17-тымъ канономъ Толедскаго собора (589 г.) конкубинатъ признанъ положительно. Допускаетъ конкубинатъ еще и Исидоръ, епископъ севильскій въ первой половинѣ седьмаго вѣка. Правда, уже въ четвертомъ и пятомъ вѣкахъ раздавались голоса противъ конкубината, какъ отношенія противнаго писанію (Іеронимъ, Амвросій, Левъ, Августинъ), но это были только частныя мнѣнія, не получившія всеобщаго признанія въ церкви.

На ряду съ такимъ полнымъ признаніемъ соглашенія волей какъ необходимаго элемента супружеской связи у нѣкоторыхъ древнѣйшихъ церковныхъ писателей (Тертулліанъ, Василій Великій) замѣчается признаніе въ полномъ объемѣ древняго отцовскаго права въ примѣненіи къ браку дѣтей; такъ иногда читаемъ, что молодая дѣвушка должна выходить замужъ только за того, кого ей укажетъ отецъ. Но въ тоже время были и такіе учителя церкви, которые сознавали, что счастливый бракъ могъ основываться только на любви къ жениху, чтобы дѣвушка не выходила за мужъ вопреки своему желанію (Климентъ Александрійскій).

Изъ послѣдняго мы можемъ замѣтить, что согласіе на бракъ по ученію уже древнѣйшихъ учителей церкви должно въ основѣ имѣть взаимную склонность, любовь. Если теперь вспомнить сказанное объ отношеніи церкви къ физическому элементу, то мы поймемъ, что свободное согласіе сторонъ, которое устанавливало бракъ и съ христіанской точки зрѣнія, не должно было имѣть въ своей основѣ чувственной страсти. Не могъ быть этой основой и имущественный интересъ. Тертулліанъ прямо объявляетъ подобный мотивъ противнымъ христіанскому ученію о бракѣ; по его словамъ богатая жена не должна считать себя въ потерѣ, выходя за бѣднаго; въ супружествѣ имущественное неравенство не имѣетъ никакого значенія. Такимъ образомъ въ христіанскомъ бракѣ мы не замѣчаемъ ни чувственности, ни корыстолюбія,—этихъ мотивовъ вступленія въ языческій римскій бракъ. Соглашеніе въ христіанскомъ бракѣ служило установленію нравственной связи, полному общенію сторонъ.

Итакъ христіанство подобно Моисееву закону и въ отличіе отъ римскаго брака основало его главнымъ образомъ на томъ этическомъ элементѣ, который составляетъ главнѣйшее начало всего этого ученія; а именно—взаимной любви. Вотъ то новое начало, ясно несознаваемое въ древнѣйшемъ римскомъ бракѣ,—начало, предназначенное отнынѣ опредѣлять всѣ личныя отношенія супруговъ, ихъ взаимныя обязанности и права. Каждый изъ супруговъ получаетъ полное и равное право на всю любовь другого. Всѣ взаимныя

обязанности супруговъ, обусловленныя самою природою и назначеніемъ брака, сводились къ понятію супружеской вѣрности. Поэтому всякая супружеская невѣрность разсматривалась церковью съ самаго начала какъ одинъ изъ тягчайшихъ проступковъ, который ничѣмъ не можетъ быть омытъ. Въ этомъ положеніи мы находимъ сравнительно съ римскимъ правомъ ту особенность, что обязанность хранить супружескую вѣрность одинаково падаетъ на обѣ стороны. Нѣкоторыхъ отцевъ церкви (напр. Григорія Назіанзена) прямо возмущала несправедливость римскаго закона, налегавшаго съ требованіемъ вѣрности лишь на однихъ женъ. Далѣе, невѣрность настолько противорѣчила христіанскому смыслу брака, что многіе отцы церкви не считали возможнымъ допустить при ней продолженіе брачнаго сожитія, а поэтому, напримѣръ, вмѣняли мужьямъ въ обязанность оставлять своихъ невѣрныхъ сожительницъ (Гермасъ). Далѣе, мы сказали, что любовь должна связывать супруговъ и служить единственнымъ основаніемъ ихъ взаимныхъ личныхъ отношеній. Христіанство смотрѣло на бракъ, какъ на личный внутренній союзъ, притомъ неисключающій индувидуальную независимость каждаго супруга. Установивъ свою основу личныхъ супружескихъ отношеній, церковь считала лишнимъ опредѣлять имущественныя отношенія въ бракѣ. Имущество, безразлично кому изъ супруговъ принадлежащее, должно служить жизненнымъ подспорьемъ каждому изъ нихъ. Вмѣсто прежней римской раздѣльности имущественной церковь должна была признать нѣкотораго рода имущественную общность между супругами. Впрочемъ, вопросъ этотъ по второстепенной своей важности мало занималъ первоначальную церковь.

Такимъ образомъ христіанство поставивъ, подобно позднѣйшему римскому браку, необходимымъ условіемъ его свободное согласіе, въ основу этого согласія положило начало связующее, скрѣпляющее бракъ не страстью или расчетомъ, а полнымъ нравственнымъ общеніемъ супруговъ. Съ этой стороны христіанскій бракъ въ сравненіи съ позднѣйшимъ римскимъ былъ обезпеченъ въ своей крѣпости, а съ другой стороны крѣпость эта обусловливалась не мужнимъ господствомъ, обезличивавшимъ жену,

какъ въ древнемъ римскомъ бракѣ. Правда многіе церковные писатели, толкуя по своему ветхій и новый завѣты, старались установить супружескія отношенія на мужней власти надъ женой, подчиняли эту послѣднюю первому вполнѣ. Послѣ всего до сихъ поръ сказаннаго нами, считаемъ болѣе соотвѣтствующимъ духу христіанскаго ученія такой взглядъ другихъ древнѣйшихъ учителей церкви, по которому жена представляется не рабою мужней власти, а подругой его, помощницей, спутницей и участницей во всѣхъ обстоятельствахъ жизни.

Вотъ идеалъ христіанскаго брака, выразившійся уже въ древнѣйшей христіанской литературѣ, идеалъ, въ которомъ отпечаталось все различіе во взглядахъ на брачное сожитіе христіанскаго отъ современнаго языческаго міра. Въ немъ отразились всѣ только-что намѣченные признаки христіанскаго брака. «Что за соединеніе (представляетъ бракъ) двухъ вѣрующихъ въ одной надеждѣ, жизни, труда? Это—два брата, два сотрудника, нераздѣльные душою и тѣломъ. Поистинѣ это два (человѣка) въ одномъ тѣлѣ; гдѣ же одно тѣло, тамъ и одна душа. Они молятся вмѣстѣ, постятся вмѣстѣ, другъ друга поддерживаютъ, ободряютъ. Они вмѣстѣ присутствуютъ въ храмѣ Божьемъ; неразлучны въ горѣ и радости. Ни одинъ не скрываетъ ничего отъ другого, одинъ другому не въ тягость» и т. д. (Тертулліанъ). Только нравственный характеръ христіанства способенъ былъ создать такой идеалъ брачнаго сожитія.

Выходя изъ разсмотрѣнной основы христіанскаго брака, мы должны допустить, что назначеніе его не могло состоять уже болѣе въ удовлетвореніи чувственности, ни въ рожденіи и воспитаніи дѣтей, ни во взаимномъ матерьяльномъ поддержаніи супруговъ, а въ тѣснѣйшемъ духовномъ и тѣлесномъ соединеніи на вѣчное исключительное общеніе, дѣлавшее изъ нихъ одну душу и одно тѣло. Такое же тѣсное общеніе супружеской жизни возможно допустить лишь при полной равноправности обоихъ супруговъ. Для христіанскаго понятія брака необходимымъ условіемъ будетъ во всякомъ случаѣ болѣе сво-

бодное и самостоятельное отношеніе жены къ мужу, чѣмъ было въ языческомъ бракѣ.

Затѣмъ само собою разумѣется, что такъ понимаемая супружеская связь могла выражаться только въ формѣ строгой моногаміи. Мы видѣли, что и древнее римское право допускало лишь моногамическіе союзы, но разница въ томъ, что по христіанскому ученію это начало вытекало изъ этическаго характера всякого брака, тогда какъ въ Римѣ оно объясняется посторонними обстоятельствами, а потому съ устраненіемъ этихъ послѣднихъ проявляются попытки уклониться отъ моногаміи.

Дальнѣйшіе выводы изъ установленнаго взгляда будутъ слѣдующіе. Признавая въ бракѣ такое тѣсное общеніе супруговъ, церковь должна была объявить его союзомъ вѣчнымъ, т. е. въ принципѣ отвергнуть вторичные браки и не допускать разводовъ. Дѣйствительно, если взять христіанскій бракъ во всей глубинѣ его понятія, то взаимное безусловно-полное соединеніе должно быть вѣчнымъ и во всякомъ случаѣ стоять выше какой-бы то ни было перемѣны въ склонностяхъ, страстяхъ.

Что касается вторичныхъ браковъ, то дѣйствительно многіе древнѣйшіе отцы церкви высказывались противъ него. По словамъ Аѳенагора вступившій во вторичный бракъ совершаетъ актъ болѣе или менѣе извинительной супружеской измѣны (adulterium). Тертулліанъ, какъ самый горячій противникъ вторичныхъ браковъ, выражался еще рѣзче; по его словамъ это былъ особый видъ разврата (species stupri). Въ этомъ родѣ выразились и другіе (наприм. еще Климентъ Александрійскій, Оригенъ и отцы, присутствовавшіе на Никейскомъ, Лаодикійскомъ, Неокессарійскомъ и четвертомъ Карѳагенскомъ соборахъ). Нельзя не признать, что въ этихъ словахъ выражалось крайнее развитіе вообще отношенія первоначальной церкви къ реальному элементу брака, а съ другой стороны — того душевнаго общенія супружескаго, которое при своей полнотѣ не могло прерваться и самою смертью супруга. Поэтому-то въ позднѣйшихъ благословеніяхъ вторич-

ныхъ браковъ церковь долго дѣлала видъ простой уступки человѣческой слабости,—на вступавшихъ во второй бракъ смотрѣла, какъ на людей болѣе слабыхъ.

Въ вопросѣ о разводахъ мы будемъ отличать односторонніе отверженія отъ разводовъ по обоюдному согласію супруговъ. По первому случаю имѣются собственныя слова Спасителя, по второму же св. Писаніе молчитъ. Касательно одностороннихъ отверженій однимъ супругомъ другаго первоначальная церковь въ толкованіи словъ Спасителя представляла крайнее разнообразіе мнѣній, чему отчасти способствовало и то обстоятельство, что на первыхъ четырехъ вселенскихъ соборахъ (Никейскій, Ефесскій, Константинопольскій и Халкидонскій) ничего не было постановлено о разводахъ, чѣмъ какъ-бы одобрялось отношеніе къ вопросу гражданскаго римскаго законодательства. Для насъ имѣетъ значеніе только общее направленіе въ этомъ вопросѣ, которое выразилось въ рѣшеніяхъ помѣстныхъ соборовъ и въ мнѣніяхъ отцовъ церкви. Просматривая всевозможныя положенія и мнѣнія, мы замѣчаемъ, что въ основѣ ихъ всѣхъ лежитъ начало нерасторжимости брака, т. е. начало прямо противоположное началу римскаго права о расторжимости всякаго брака. Расходились только въ томъ: слѣдуетъ ли, согласно словамъ Спасителя, допустить въ качествѣ исключенія полный разводъ въ случаяхъ прелюбодѣянія, или и тутъ допустить только оставленіе (separatio) виновнаго супруга другимъ, которому слѣдовательно запрещается вступать въ новый бракъ, такъ-какъ первый не считается расторженнымъ. Нѣкоторые соборы и отцы церкви высказывались въ первомъ смыслѣ (наприм. concilium Vemeriense 752[3] г., въ Компіенѣ 757 г.; Оригенъ, Василій Великій, Хризостомъ, Епифаній, Амвросій и др.). Св. Фабіола (Флавія), эта слава христіанъ и чудо всѣхъ народовъ (laus christianorum et miraculum gentium), по свидѣтельству св. Іеронима, отвергла своего мужа за невѣрность и другіе пороки, а затѣмъ снова вышла замужъ. Другіе соборы и отцы церкви держались второго воззрѣнія (напр. соборы Ельвирскій 305 г., Арльскій 314 г., Нантскій 656 г. и др.; Гермасъ, Климентъ Александрійскій, Беда и др.). Кромѣ того нѣкоторые изъ упомянутыхъ соборовъ и отцовъ цер-

кви, по почину Оригена, подняли вопросъ: должно ли слово блудъ (πορνεία), употребленное Спасителемъ, понимать только въ смыслѣ тѣлесной развращенности или же оно обнимаетъ и душевную безнравственность? Высказываясь за распространительное толкованіе, многіе изъ нихъ допускали разводъ и по другимъ причинамъ, кромѣ супружеской невѣрности, какъ напримѣръ въ случаѣ, если супругъ совершитъ убійство, будетъ заниматься приготовленіемъ яда, умертвитъ ребенка и т. п. Іустинъ разсказываетъ объ одной благочестивой женщинѣ, которая отвергла своего мужа за то, что онъ былъ язычникомъ и плохого поведенія. По подобной же причинѣ, кажется, отвергла своего мужа и св. Ѳекла. Въ результатѣ сказаннаго объ одностороннихъ разводахъ нельзя не замѣтить, что даже по самому распространительному толкованію словъ Спасителя общимъ началомъ предполагается нерасторжимость брака и только въ исключительныхъ случаяхъ допускается отступленіе отъ этого начала. Уже первоначальная община христіанская строго слѣдовала такому направленію въ вопросѣ о разводахъ; даже между разновѣрными супругами она терпѣла разводы только въ крайнихъ опасностяхъ и искушеніяхъ для супруга, исповѣдующаго христіанскую вѣру.

Что касается развода по обоюдному согласію супруговъ (divortium bona gratia), непредусмотрѣннаго въ приведенныхъ словахъ Спасителя, то разумѣется не могло быть сомнѣнія, что разводъ такой, по только-что выясненному характеру христіанскаго брака и тому, что сказано по поводу одностороннихъ отверженій, недопустимъ по общему началу (Климентъ Александрійскій, Григорій Назіанзенъ), но съ другой стороны, предпочтеніе, которое первоначальная церковь отдавала безбрачію ради спасенія души, и вообще ея взглядъ на цѣломудріе легко могли породить убѣжденіе въ допустимости разводовъ по обоюдному согласію ради цѣломудрія (castitatis causa). И дѣйствительно, не только отдѣльные церковные писатели, но и цѣлыя секты энкратидовъ, евстаѳіанъ и массаліанъ толковали въ этомъ смыслѣ одно мѣсто изъ апостола Павла (I Коринѳ. 7, 5).

На перечисленныхъ признакахъ брака христіанская церковь не остановилась. Освѣтивъ его новымъ нравственнымъ свѣтомъ, провозгласивъ его союзомъ нерасторжимымъ, церковь заставила смотрѣть на бракъ, какъ на институтъ священный. Чтобъ закрѣпить за нимъ это высокое нравственное значеніе церкви оставалось подчинить вступленіе въ бракъ церковному благословенію и, наконецъ, возвысить его до религіознаго таинства (уже св. Августинъ). Выходя изъ того положенія, которое заняла церковь въ первоначальной христіанской общинѣ, какъ центрѣ всѣхъ ея жизненныхъ отношеній, учителя церкви уже съ самаго начала высказывались (наприм. св. Игнатій) за объявленіе брака церковной власти. По свидѣтельству Тертулліана такое объявленіе епископу, а чрезъ него общинѣ, практиковалось уже у древнѣйшихъ христіанъ. Объявленіе это, по всѣмъ вѣроятіямъ, обыкновенно сопровождалось церковнымъ благословеніемъ его; а когда затѣмъ съ принятіемъ христіанства общество постепенно прониклось его ученіемъ, то благословеніе церковью браковъ могло сдѣлаться общимъ обычаемъ. Правда, едва ли въ первоначальной церкви всѣ церковныя обрядности юридически имѣли, подобно тому, какъ теперь у насъ, значеніе самого акта вступленія въ бракъ. Они, по всей вѣроятности, только сопровождали вступленіе въ бракъ по соглашенію, были освященіемъ его, признаніемъ, подтвержденіемъ. По мало-по-малу съ общимъ признаніемъ, а затѣмъ и обязательностью ихъ, обрядности эти были объявлены актами, творящими самый бракъ. Такимъ образомъ въ отличіе отъ позднѣйшаго римскаго брака, какъ установленія частно-гражданскаго, христіанскій бракъ получилъ религіозный характеръ, послѣднее же придало ему еще болѣе нравственной силы и, что самое главное, дало ему единство выраженія. Отнынѣ единственною дозволенною церковью формою супружескихъ отношеній былъ бракъ.

Обнявъ вкратцѣ сказанное о христіанскихъ воззрѣніяхъ на бракъ, мы видимъ, что бракъ съ христіанской точки зрѣнія, какъ и въ позднѣйшемъ римскомъ правѣ, долженъ быть результатомъ свободной воли сторонъ; въ основѣ опредѣленія этой воли долженъ лежать элементъ этическій—любовь, и

со всѣмъ тѣмъ эта воля подлежитъ еще высшему освященію, возводящему соединеніе мужчины и женщины въ таинство. Такой характеръ брака ведетъ къ слѣдующему опредѣленію отношеній въ супружеской жизни. Вмѣсто полнаго подчиненія жены мужу, какъ это было въ древнѣйшемъ римскомъ бракѣ, или принципа полной раздѣльности личной и имущественной, какъ это было въ позднѣйшемъ римскомъ бракѣ,— христіанство, допустивъ равенство между супругами, соединило ихъ въ одно цѣлое, нерасторжимое общеніе, связью которому служитъ любовь. Иначе, христіанство успѣло скрѣпить узы распадавшагося брака и въ тоже время нравственно возвысить супружескія отношенія въ немъ.

Теперь намъ остается показать, какъ это христіанское отношеніе къ брачному союзу, благодаря вліянію церкви, стало проявляться въ римскомъ мірѣ, измѣняя, согласно указаннымъ началамъ, основные признаки римскаго языческаго брака. Но предварительно я долженъ замѣтить, что разныя соціальныя причины, о которыхъ тутъ не можетъ быть рѣчи, уже съ послѣднихъ годовъ республики вызвали такія явленія брачной жизни, которыя значительно напоминаютъ христіанскій бракъ по своему высокому этическому смыслу.

ГЛАВА VII.

Послѣ разсмотрѣнныхъ признаковъ позднѣйшаго римскаго брака слѣдовало бы ожидать полнаго его распаденія. Если же не наступило такого конца, то этимъ римляне обязаны не жизненнымъ какимъ-нибудь элементамъ своего брака, а совершенно внѣшнимъ обстоятельствамъ, значительно измѣнившимъ еще до восприннятія христіанства воззрѣніе ихъ на значеніе брачнаго сожитія. Причины этого, о которыхъ я здѣсь не могу подробно говорить, состояли съ одной стороны въ окончательной утратѣ прежней непосредственной связи семейной организаціи съ политической, а съ другой стороны, когда подъ вліяніемъ измѣнившагося политическаго строя каждый римскій гражданинъ долженъ былъ терять прежнее узкое, національно-политическое мѣрило людскихъ отношеній, возвыситься до понятія человѣка и его нравственной природы,—должна была пробуждаться въ римскомъ обществѣ потребность философско-нравственнаго мышленія. Этою потребностью отыскать обще-нравственныя начала, которыя опредѣляли бы личное отношеніе ко всѣмъ обстоятельствамъ жизни, объясняется такое быстрое и широкое развитіе въ концѣ республики и первые вѣка императорства философскихъ нравственныхъ системъ.

И вотъ подъ вліяніемъ такого направленія духовной жизни римскаго общества современная страшная распущенность нравовъ должна была вызвать реакцію. Сами традиціи о чистотѣ и прочности прежнихъ браковъ въ сравненіи съ позднѣйшими давали опору сравненіямъ и негодованію моралистовъ, а за ними лучшей части общества. Поэты (Ювеналъ, Горацій и др.), философы (Епиктетъ и др.) начинаютъ возму-

щаться современной формой брачныхъ отношеній, начинаютъ воззывать къ супружеской вѣрности, прославлять скромность и стыдливость, какъ лучшія украшенія женщинъ и т. п. Къ этому же періоду, быть можетъ, относится учрежденіе женскаго общества съ цѣлью охраненія цѣломудрія (sodalitas pudicitiae servandae), о которомъ упоминаетъ одна надпись неизвѣстнаго времени. И т. д.

При такомъ недовольствѣ и стремленіи лучшей части общества поднять нравственно брачный союзъ само позднѣйшее основаніе его, соглашеніе волей, должно было заставить думать, что прочность брака могла быть обезпечена не страстью или имущественнымъ расчетомъ, но взаимною склонностью, любовью супруговъ, т. е. этическимъ характеромъ ихъ отношеній. Теперь, когда политическое назначеніе брака, давать государству гражданъ, не служило болѣе мотивомъ вступленія въ бракъ, теперь свободное согласіе на сожитіе брачное могло имѣть въ виду надежду на супружеское счастіе, обусловленное тѣмъ чувствомъ, которое исторгаетъ соглашеніе жениха и невѣсты. Масса бытовыхъ писателей этого періода высказываетъ такой идеалъ супружеской жизни, какимъ мы представляемъ его теперь. Тутъ на первомъ мѣстѣ взаимная любовь, полное душевное общеніе супруговъ вплоть до могилы. Поэтъ Проперцій говоритъ, что «всякая любовь есть чувство похвальное, но супружеская любовь выше всего». Множество другихъ писателей занимаются восхваленіемъ нераздѣльной и постоянной любви къ одному супругу, вмѣняютъ въ обязанность раздѣлять съ нимъ радость и горе, и т. п. Луканъ заставляетъ говорить жену Катона Утическаго: «Я соединилась съ тобой съ тѣмъ, чтобы раздѣлять счастливую твою судьбу, но желаю получить свою долю и во всѣхъ твоихъ заботахъ и несчастіяхъ». Подобные взгляды на супружескія отношенія не остались одними идеалами. Въ отдѣльныхъ надгробныхъ надписяхъ этого періода мы читаемъ иногда изъясненія въ глубокой супружеской любви, въ родѣ напр: «Здѣсь лежатъ кости Орбиліи, жены Прима. Она была мнѣ дороже жизни» и т. д. Въ свидѣтельствахъ о нѣкоторыхъ историческихъ женахъ этическій элементъ сказывается во всей его полнотѣ; такъ

напр. извѣстны слова Порціи, жены Брута: «когда я вышла за тебя, я сдѣлала это не для того только, чтобы, подобно любовницѣ, быть возлѣ тебя на постелѣ и за столомъ, но чтобы брать свою долю во всемъ, что можетъ случиться съ тобой хорошаго и дурнаго.» Съ другой стороны источники упоминаютъ примѣры такой горячей любви мужей, которая доводила ихъ до самоубійства по смерти женъ.

Итакъ мы видимъ, что римляне начинаютъ искать въ брачномъ союзѣ высшаго счастія и условіемъ такого счастія выставляютъ начало, прежде если имъ и не неизвѣстное, то во всякомъ случаѣ не необходимое по ихъ понятіямъ для брачнаго сожитія, а именно: взаимную любовь между супругами. Разъ подобныя воззрѣнія начинаютъ проникать въ сознаніе общества, то необходимо должна была проявиться борьба противъ тѣхъ сторонъ брака, которыя противорѣчили этому новому направленію. Такъ напр. дѣти начинаютъ все чаще подымать голоса противъ права родителей своею волею назначать имъ мужей и женъ. Уже у Плавта одна дѣвушка, отказываясь отъ избраннаго ей отцемъ мужа, говоритъ: «Глупо, отецъ, вести на охоту собакъ противъ ихъ воли. Жена, отданная противъ воли замужъ, дѣлается врагомъ мужа.» Прежнее рѣшающее вліяніе отца оспаривается въ этомъ измѣняющемся взглядѣ на брачное сожитіе, въ которомъ ищутъ теперь удовлетворенія уже душевной склонности, любви, а не одного реальнаго элемента, путемъ котораго выполнялся бы государственный долгъ.

Такой измѣнившійся взглядъ долженъ былъ отразиться на императорскомъ законодательствѣ еще языческаго періода. Дѣйствительно, мы находимъ въ немъ много слѣдовъ признанія за бракомъ этическаго характера. Правда, языческое законодательство работало въ этомъ направленіи болѣе путемъ логическаго развитія основы позднѣйшаго брака, но иногда высказывало и чисто нравственныя начала.

Согласіе волей, какъ главнѣйшій элеменъ позднѣйшаго римскаго брака, должно было при утратѣ прежняго полити-

ческаго значенія семьи и ослабленіи семейной власти дать нѣкоторыя новыя выводныя начала, въ смыслѣ дальнѣйшаго его развитія. Всякое соглашеніе предполагаетъ свободу воли, а при послѣднемъ условіи вступленіе въ бракъ путемъ соглашенія предполагаетъ теперь уже взаимную склонность сторонъ. Очевидно, все препятствующее или устраняющее возможность опредѣлить брачное сожитіе путемъ свободной взаимной склонности должно было вести за собой отрицаніе единственно требуемаго элемента для законнаго брачнаго сожитія, а именно добровольнаго соглашенія сторонъ. И вотъ въ императорскія времена находимъ рядъ законовъ, которыми ограничивался прежній отцовскій произволъ въ выдачѣ дочерей замужъ и женидьбѣ сыновей. Правда, еще въ императорскія времена признаніе въ принципѣ правъ отцовской власти выставляло волю родительскую рѣшающимъ моментомъ при вступленіи дѣтей въ бракъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ личное согласіе самихъ вступающихъ въ бракъ считалось теперь уже на столько существеннымъ, что противорѣчіе родительскому выбору могло останавливать бракъ. Такъ, дочерямъ предоставлялось отказываться отъ брака, если назначаемый ей отцемъ супругъ будетъ человѣкомъ худой жизни; а императоръ Діоклетіанъ съ другой стороны постановилъ, что нельзя принуждать сына брать въ жены особу, которую предлагаетъ ему отецъ. Мало того, за дочерьми и сыновьями признано было право вступать въ бракъ по собственному выбору. Такъ уже Августъ, а за нимъ Антонинъ и Александръ Северъ запретили отцу по произволу препятствовать сыновьямъ жениться, или дочерей лишать приданаго.

Согласно такимъ постановленіямъ о вступленіи въ бракъ былъ ограниченъ произволъ отца и въ расторженіи брака дѣтей. Спачала Антонинъ Пій ограничилъ власть отца расторгать счастливые браки, въ видѣ убѣжденія не пользоваться отцовскою властію слишкомъ сурово; но позднѣе Маркъ Аврелій ограничиваетъ отцовскую власть при расторженіи брака только важною и основательною причиною. Діоклетіанъ и Максиміанъ повторяли этотъ законъ Марка Аврелія, а въ особой конституціи постановили уже прямо, что если жена противъ своей воли будетъ взята отцемъ у мужа, то этотъ

послѣдній могъ чрез правителя провинціи вытребовать ее назадъ.

Такимъ образомъ признано было, что вступленіе въ бракъ и состояніе въ немъ должны опредѣляться не только свободнымъ согласіемъ сторонъ, но въ основѣ этого согласія должна лежать взаимная склонность супруговъ. За брачными отношеніями признанъ этическій элементъ взаимной склонности, любви.

Дальнѣйшее развитіе подобныхъ взглядовъ должно было вести къ полному равенству въ опредѣленіи взаимныхъ супружескихъ обязанностей. Дѣйствительно, до насъ дошли признаки признанія этого начала. Такъ, отъ временъ Каракаллы упоминается законъ, въ которомъ говорится, что въ высшей степени было-бы несправедливо требоватъ, чтобы одна жена сохраняла вѣрность, когда другая сторона ее нарушаетъ. Отнынѣ жена могла обвинить мужа въ невѣрности и судья приговорить его ко взысканію. Правда, законъ этотъ по всей вѣроятности ограничивался тѣми случаями, когда мужъ вступалъ въ связь съ женщиной свободно-рожденной, такъ-что по прежнему мужья были свободны посѣщать дома разврата или жить съ рабынями; въ этомъ законъ по прежнему еще не видѣлъ ничего предосудительнаго. Но уже въ данной попыткѣ признать всѣ послѣдствія соглашенія волей сказался нравственный принципъ брачнаго союза, начала уваженія и должной вѣрности женѣ. Подобное же отношеніе къ союзу двухъ лицъ по свободному согласію выразилось и въ конституціи Діоклетіана 285 г., окончательно воспрещающей держать двухъ женъ. При господствовавшихъ элементахъ брачныхъ отношеній подобное постановленіе имѣетъ логическій смыслъ лишь тогда, когда въ брачномъ союзѣ, кромѣ реальнаго элемента, признается то нераздѣльное общеніе, которое лежитъ въ основѣ христіанскаго ученія о бракѣ.

Кромѣ указанныхъ послѣдовательно развитыхъ началъ въ смыслѣ высшаго освященія брака нравственнымъ характеромъ римское императорское законодательство тоже направленіе выразило въ прямомъ противодѣйствіи нѣкоторымъ ос-

новымъ положеніямъ прежняго брачнаго права. Такъ, главное зло въ современномъ бракѣ была полная свобода разводовъ, низводившая бракъ до временныхъ, свободныхъ сношеній половъ и тѣмъ разлагавшая вообще семейную нравственность. Противъ этого зла и выступило императорское законодательство. Правда, нельзя было ожидать, чтобы вѣковыя традиціи уступили вдругъ мѣсто новымъ взглядамъ. И дѣйствительно, нѣкоторыхъ выводовъ изъ общаго характера брачнаго союза законодательству еще рано было касаться. Такъ, еще не мыслима было запретить разводы по обоюдному соглашенію супруговъ, жившихъ въ брачной связи лишь по частному соглашенію, пока еще за ней не признанъ вполнѣ и всеобще нравственный характеръ. Законодательство и не касалось долго подобныхъ разводовъ. Оно могло начать съ тѣхъ явленій, которыя по другимъ основаніямъ, но уже подлежали ограничительнымъ опредѣленіямъ положительнаго права, а именно—одностороннихъ отверженій. И вотъ въ Дигестахъ мы находимъ перечисленными основанія (числомъ восемь) дозволеннаго односторонняго развода. Но не слѣдуетъ думать, что положеніями этими объявлялась недѣйствительность разводовъ по инымъ основаніямъ. До такого взгляда на бракъ римлянамъ, воспитаннымъ въ понятіяхъ свободнаго соглашенія, какъ единственнаго основанія брачнаго сожитія, было еще далеко. Поэтому всякое отверженіе супруга хотя-бы по иному, кромѣ перечисленныхъ въ законѣ, основанію всегда вело къ расторженію брака, но только въ послѣднемъ случаѣ подвергало виновнаго въ расторженіи мужа денежному штрафу, а жену, оставившую безъ законнаго основанія (sine causa) мужа, или дававшую ему уважительныя причины къ отверженію, лишало приданаго и такъ называемыхъ брачныхъ выгодъ (lucra nuptialia). Уже въ этихъ законахъ сказалась реакція противъ прежней свободы брачныхъ отношеній, потребность скрѣпить этотъ союзъ большею связью, чѣмъ прочія гражданскія соглашенія. Въ отдѣльныхъ же выраженіяхъ и законоположеніяхъ этическій элементъ брака сказался по поводу развода совершенно ясно. Такъ наприм. у юриста Ульпіана мы находимъ такую мысль: «естественно мужу переносить болѣзнь жены, а женѣ—болѣзнь мужа»; а въ одномъ императорскомъ постановленіи объяв-

ляется, что условіе si devorteretur («если будетъ расторгнутъ бракъ»), подъ которымъ отказывается въ завѣщаніи наслѣдство, могло быть невыполнено. Мало того, само условіе названо противнымъ нравственности (boni mores) и дочь, выполнившая его по желанію матери, объявляется достойною сильнаго порицанія (reprehendenda tu magis es, quam mater tua).

Такимъ образомъ, хотя въ приведенныхъ данныхъ и не сказалось полнаго развитія этическаго взгляда на бракъ, но и сказаннаго достаточно, чтобы убѣдиться—на сколько бракъ пересталъ уже считаться простымъ гражданскимъ соединеніемъ въ интересѣ одного государства, а сталъ переходить во взглядахъ общества болѣе въ общеніе нравственное, связью которому служила любовь. Въ отдѣльныхъ выраженіяхъ римскихъ писателей (наприм. Колумелла) предвзято полное выраженіе христіанскаго взгляда на бракъ, а одно опредѣленіе брачнаго сожитія юристомъ Модестиномъ вошло въ сводъ христіанскихъ императоровъ и съ нѣкоторыми измѣненіями даже въ римско-католическій катехизисъ. Опредѣленіе это въ русскомъ переводѣ гласитъ: «бракъ есть мужеви и женѣ сочетаніе и сбытіе во всей жизни, божественныя же и человѣческія правды общеніе». По этому опредѣленію назначеніе брака не состояло уже ни въ удовлетвореніи половыхъ стремленій, ни въ рожденіи и воспитаніи дѣтей, какъ это опредѣляли другіе юристы (см. выше), но въ установленіи самаго полнаго общенія между супругами для совмѣстной жизни. Такой христіанскій взглядъ на бракъ у языческаго писателя давалъ даже поводъ предполагать вліяніе христіанскаго ученія на Модестина.

Таковы признаки, выразившіе новое направленіе во взглядахъ римскаго общества на бракъ,—направленіе, въ существенномъ подготовившее воспринятіе христіанскаго ученія по этому вопросу.

Обращаясь къ вопросу о вліяніи христіанства на языческій бракъ, мы отмѣтимъ прежде всего полное разномысліе по нему въ наукѣ. Тогда какъ сторонники воззрѣнія о

совершенномъ обновленіи языческаго общества христіанскимъ ученіемъ особенно сильно стоятъ на такомъ быстромъ и полномъ вліяніи христіанства въ семейномъ правѣ, сторонники противоположнаго воззрѣнія особенно долго останавливаются на законахъ христіанскихъ императоровъ въ доказательство совершенно противнаго.

Разсматривая всю совокупность узаконеній первыхъ христіанскихъ императоровъ по занимающему насъ вопросу, въ общемъ нельзя отвергать того факта, что въ числѣ ихъ имѣется много такихъ отдѣльныхъ положеній, въ которыхъ выражались несомнѣнно серьёзныя попытки провести христіанскій взглядъ на бракъ. Но также несомнѣнно, что масса такихъ узаконеній отмѣнялась часто однимъ и тѣмъ же императоромъ, а не то его преемниками, и такимъ образомъ попытки провести новыя начала оканчивались возвращеніемъ къ прежнимъ началамъ. Объясненіе такому факту, что свѣтское право постоянно расходится съ церковными постановленіями, можетъ быть только одно, а именно — съ формальнымъ признаніемъ христіанской религіи общество еще долго не было проникнуто духомъ ея ученія, а потому и боролось за свои традиціонные взгляды, которые не успѣвало само переработать въ новомъ направленіи. Только съ бо́льшимъ укорененіемъ христіанскаго ученія законодательныя мѣры въ его духѣ пріобрѣтаютъ бо́льшую твердость. Намъ извѣстно, что впервые Юстиніаномъ признана за положеніями первыхъ четырехъ вселенскихъ соборовъ сила закона (Novell. 131 с. 1) и съ этого рѣшительнаго союза свѣтскаго законодательства съ церковнымъ начинается завершеніе христіанскаго вліянія въ римско-византійскомъ мірѣ.

Съ другой стороны полному проведенію въ законодательствѣ христіанскаго направленія долгое время препятствовало и то обстоятельство, что по нѣкоторымъ самымъ существеннымъ вопросамъ брачнаго права (наприм. о разводахъ) церковь долгое время не выработывала устойчивыхъ, безспорныхъ началъ, такъ-что императоры, не нарушая христіанскаго ученія, могли дѣлать значительныя уступки господствующимъ въ обществѣ взглядамъ.

Приступимъ теперь къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ мѣръ христіанскихъ императоровъ, въ которыхъ съ первыхъ шаговъ признанія христіанства государственною властью выразилось его вліяніе въ вопросѣ о бракѣ.

Прежде всего Константинъ Великій, руководясь однимъ изъ принциповъ христіанскаго безбрачія, отмѣняетъ постановленія Августа о безбрачныхъ и безплодныхъ. Юстиніанъ, слѣдуя христіанскому же взгляду на брачное общеніе, для котораго не была существеннымъ элементомъ физическая сторона, отмѣняетъ другой законъ Августа, запрещавшій вступленіе въ бракъ лицамъ престарѣлымъ. Далѣе, съ самого начала замѣчается стремленіе свести отношенія половъ къ одной формѣ — браку. Уже Константинъ издаетъ нѣсколько законовъ противъ внѣ-брачной связи. Такъ, въ 350 г. онъ повторяетъ древній законъ, запрещавшій женатому держать при себѣ наложницу, а затѣмъ стремится уничтожить внѣ-брачную связь и неженатыхъ мужчинъ тѣмъ, что запрещаетъ дарить, или что-нибудь завѣщать наложницѣ и дѣтямъ, прижитымъ отъ нея, если они не были узаконены послѣдующимъ бракомъ (per subsequens matrimonium) родителей. Этой мѣрой косвенно могло быть вынуждено вступленіе въ бракъ, если отношенія къ наложницѣ основывались на дѣйствительной любви. Наконецъ, для чиновныхъ лицъ вообще было запрещено жить въ незаконной связи.

Но надо сказать, что всѣ послѣднія постановленія противъ наложничества перваго христіанскаго императора на столько же соотвѣтствовали христіанскимъ воззрѣніямъ на отношенія половъ, на сколько противорѣчили основному пониманію массы современнаго общества главной основы этихъ отношеній — свободнаго соглашенія волей. Поэтому мѣры Константина противъ наложничества не привились и позднѣе были формально обезсилены Валентиніаномъ I, Валенсомъ и Граціаномъ, предоставившимъ наложницѣ и дѣтямъ ея извѣстное участіе въ имуществѣ умершаго сожителя. Мало того, новая попытка Валентиніана III (въ 426 г.) возвратиться къ мѣрамъ Константина потерпѣла полную неудачу и не была признана въ восточной имперіи, гдѣ Ѳеодосій II прямо

постановилъ, что отецъ могъ по праву включить въ число законныхъ наслѣдниковъ и дѣтей отъ наложницы. Еще въ Юстиніановомъ правѣ конкубинатъ считается на ряду съ бракомъ дозволенною закономъ связью (licita consuetudo, in qua caste vivi potest), влекущею за собою извѣстныя права для конкубины и ея дѣтей сравнительно съ предыдущими законами даже еще увеличенныя и развитыя подробнѣе. Только въ византійскомъ законодательствѣ наложничество объявляется незаконнымъ сожительствомъ и окончательно воспрещается. По Эклогѣ Льва Исавра и Константина Копронима конкубинатъ велѣно разсматривать за брачный союзъ. Позднѣе, Василій Македонянинъ предписываетъ жениться на конкубинахъ или отсылать ихъ отъ себя. Наконецъ, Левъ Мудрый прямо воспрещаетъ конкубинатъ, говоря: «къ чему черпать нечистую воду изъ лужи, когда можно получить чистую изъ источника». Съ этихъ поръ супружеская связь получила единую предъ закономъ форму выраженія. Смыслъ всей борьбы противъ конкубината заключался въ томъ, чтобы въ супружескихъ отношеніяхъ свести съ главнаго мѣста ту чувственную сторону, физическій элементъ, который служилъ главной окраской конкубината, поддерживавшаго отчужденность и неравноправство сожительницы и дѣтей отъ сожителя и отца. Поэтому, основывая по прежнему бракъ на соглашеніи сторонъ и нигдѣ не выражая аскетическаго направленія касательно реальныхъ отношеній, христіанскіе императоры, въ своей борьбѣ противъ конкубината, стремились, очевидно, внести въ супружескія отношенія тотъ духъ полнаго общенія, которое характеризуетъ христіанское воззрѣніе на бракъ въ отличіе отъ римскаго языческаго, въ общемъ не отличавшаго его отъ наложничества.

Согласно съ этимъ замѣчаются попытки, но признаться далеко неисчерпывающія и неустойчивыя, опредѣлить взаимныя отношенія супруговъ. Прежде всего въ законодательствѣ начинаетъ высказываться мысль, что бракъ зиждется лишь на нравственномъ началѣ, взаимной любви супруговъ (Novell 22, 3). Это же начало супружескихъ отношеній, какъ мы видѣли, вело къ равноправности супруговъ, исключало личное господство мужа надъ женой. И вотъ въ законода-

тельствѣ христіанскихъ императоровъ находимъ массу постановленій, ограждавшихъ жену отъ мужняго насилія; по нѣкоторымъ изъ этихъ законовъ предоставлялось въ случаѣ побоевъ отвергнуть мужа (конституція Θеодосія II и Валентиніана III отъ 449 г.), по другимъ мужъ подвергался опредѣленнымъ денежнымъ штрафамъ (Юстиніанъ Nov. 117). Затѣмъ, въ дальнѣйшемъ развитіи христіанскихъ началъ въ одномъ сводѣ (Эклога Исавровъ) проводится равенство въ семейномъ положеніи супруговъ; жена получаетъ равное право въ распоряженіи судьбой дѣтей и по смерти мужа продолжаетъ самостоятельно отправлять отеческую надъ ними власть. Однако общимъ началомъ лично равноправными супруги въ римско-византійскомъ правѣ не были признаны никогда. Напримѣръ, рано издаются законы, стремившіеся провести личную связь между супругами. Такъ издаются нѣсколько строгихъ законовъ о супружеской невѣрности. Константинъ назначаетъ виновнымъ смертную казнь. Юстиніанъ нѣсколько смягчаетъ это наказаніе, замѣняя его для виновныхъ женъ отрѣзаніемъ носа, волосъ, тѣлеснымъ наказаніемъ и заточеніемъ въ монастырѣ. Но полнаго выраженія христіанскаго взгляда на супружескую вѣрность въ этихъ законахъ мы не видимъ; они наказывали главнымъ образомъ только невѣрныхъ женъ, невѣрность же мужа еще въ византійскомъ правѣ не считалась долго даже за поводъ къ разводу. Правда, уже Юстиніанъ осуждалъ невѣрность мужей, но если только она выражалась въ самой безстыдной формѣ. Жена могла оставить мужа, когда онъ содержалъ въ одномъ съ нею домѣ наложницу, или вообще не прекращалъ незаконной связи послѣ неоднократныхъ увѣщеваній своихъ и жениныхъ родителей. Но позднѣе Эклога Исавровъ отмѣнила и эту оговорку въ пользу жены. По этому своду она не смѣла оставлять мужа даже и въ томъ случаѣ, когда онъ наказывался за оскверненіе чужого ложа. Только съ Прохирона общимъ началомъ византійскаго права невѣрность мужа провозглашена проступкомъ противъ жены, но и то лишь въ случаяхъ открытой и доказанной невѣрности.—Несмотря на эту частичную односторонность, однако, въ разсмотрѣнныхъ постановленіяхъ достаточно ясно сказался новый взглядъ на этическій характеръ супружеской связи, устанавливающій

на обѣихъ сторонахъ обязанность любви, а слѣдовательно и вѣрности; значеніе этой послѣдней, какъ необходимаго признака этической связи еще яснѣе выразилось въ постановленіи Прохирона, по которому мужъ простившій невѣрную жену подвергался тѣлесному наказанію и ссылкѣ. Значитъ, брачная связь считается теперь уже предосудительною безъ этическаго элемента. Поэтому наоборотъ всякое крайнее выраженіе физическаго элемента, въ формѣ грубой чувственности или вообще оскорблявшей цѣломудріе жены, давало ей по византійскимъ постановленіямъ право оставить мужа.

Кое-какія попытки въ новомъ направленіи замѣчаются и въ вопросѣ объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ. Прежде всего нужно замѣтить, что въ Юстиніановомъ законодательствѣ имущественная раздѣльность супруговъ была сравнительно съ предъидущими проведена еще болѣе рѣзко. Такъ напр. Юстиніанъ запрещаетъ мужу отчуждать приданое даже съ согласія жены, затѣмъ по закону 530 и 531 г. мужъ отвѣтствуетъ за приданое жены ипотекой на свое имущество и въ тоже время женѣ предоставляется привиллигированное положеніе по этому закладному праву предъ всѣми прежними кредиторами мужа. Но вотъ въ первомъ сводѣ чисто византійскаго законодательства, въ Эклогѣ Исавровъ, проводится совершенно обратное начало; тутъ въ принципѣ принимается имущественная общность, менѣе полная при бракахъ бездѣтныхъ и болѣе полная при бракахъ съ дѣтьми. Въ послѣднемъ случаѣ общность эта распространяется и по смерти одного изъ супруговъ, когда переживній остается въ управленіи всѣмъ имуществомъ, оставшимся послѣ умершаго. Въ нѣкоторыхъ послѣдующихъ законахъ система эта иногда снова подтверждалась вполнѣ или съ нѣкоторыми измѣненіями, но въ общемъ съ Василикъ византійское законодательство вернулось къ прежнему Юстиніанову праву.

Сознавая, хотя и не вполнѣ, необходимость полнаго супружескаго общенія, какъ необходимаго внутренняго условія крѣпости союза брачнаго, христіанское законодательство не могло не обратить вниманія на главнѣйшее зло позднѣйшаго римскаго брака—свободу разводовъ. Дѣйствительно, къ

этому вопросу относится масса постановленій въ различныхъ законодательныхъ сводахъ. Правда, тутъ могло сказаться только общее направленіе законодательства въ смыслѣ христіанскаго ученія, такъ какъ сама церковь первоначально не имѣла опредѣленныхъ началъ по вопросу о разводахъ. Направленіе это выражалось долгое время въ томъ, что старались обставить прежнюю принципіальную свободу разными ограничительными условіями, т. е. иначе говоря, старались сократить число дозволенныхъ поводовъ къ разводу и увеличивать взысканія за прочіе случаи разводовъ. Такимъ образомъ долго въ императорскомъ законодательствѣ признавалась общимъ началомъ расторжимость брака, и всякій разводъ былъ дѣйствителенъ по прежнему, только нарушеніе закона о дозволенныхъ поводахъ къ нему сказывалось въ увеличенныхъ имущественныхъ и даже личныхъ взысканіяхъ съ виновныхъ въ недозволенномъ разводѣ.—Пробѣжимъ вкратцѣ содержаніе отдѣльныхъ постановленій о разводахъ.

Прежде всего въ массѣ императорскихъ конституцій высказывается тотъ взглядъ, что хотя бракъ и заключается путемъ простаго соглашенія, но тѣмъ не менѣе свобода расторгать его должна быть ограничена опредѣленными уважительными поводами со стороны того или другаго супруга. Это основное начало должно было вести за собой запрещеніе разводовъ по обоюдному согласію супруговъ (divortium communi consensu). Дѣйствительно, такое запрещеніе мы можемъ вывести изъ одной конституціи (449 г.) Өеодосія II и Валентиніана III. Однако запрещеніе это было на столько новою мыслію, не укладывающеюся съ понятіемъ свободнаго соглашенія, что Анастасій (497 г.), а позднѣе Юстиніанъ (536 г.) принуждены были возстановить свободу разводовъ по обоюдному согласію. Но послѣдній императоръ спустя нѣкоторое время (542 г.) сдѣлалъ новую попытку ограничить подобный разводъ въ духѣ христіанскаго ученія тѣмъ случаемъ, когда супруги разводились цѣломудрія ради (castitatis concupiscentia) и шли въ монастырь; позднѣе онъ повторяетъ вообще запрещеніе подобныхъ разводовъ подъ страхомъ тѣхъ же наказаній, что и за одностороннее

отверженіе супруга по недозволеннымъ причинамъ. Впрочемъ колебанія продолжались и послѣ этихъ узаконеній Юстиніана. Такъ Юстинъ II снова разрѣшилъ (566 г.) безграничную свободу разводовъ по обоюдному соглашенію; въ послѣдующее время эти случаи разводовъ снова выпускаются въ перечисленіи Эклоги Льва Исавра дозволенныхъ поводовъ къ разводу; но опять-таки едва-ли это постановленіе строго проводилось въ жизни; по крайней мѣрѣ въ источникахъ мы имѣемъ не только намеки на практикованіе разводовъ по обоюдному согласію въ концѣ 8-го вѣка, но въ одной конституціи неизвѣстнаго императора снова разрѣшаются подобные разводы. Въ Василикахъ въ перечисленіи поводовъ къ дозволенному разводу обоюдное согласіе супруговъ уже не упоминается.

Что касается теперь одностороннихъ отверженій, то въ общемъ замѣчается стремленіе ограничить сравнительно съ прежними законами поводы къ дозволенному разводу, а съ другой стороны обставить нарушеніе закона болѣе тяжкими взысканіями. Уже Константинъ закономъ 331 года ограничиваетъ право отвергать женъ или мужей только немногими (тремя) опредѣленными случаями. Расторженіе брака внѣ данныхъ основаній влекло за собою уже не только извѣстныя имущественныя невыгоды, но и личную наказуемость для виновныхъ. Такъ виновная въ расторженіи брака жена подвергалась заточенію на островѣ и теряла въ пользу мужа все приданое до самого головнаго убора (usque ad cucullum capitis); вмѣстѣ съ тѣмъ мужъ получалъ право вступить въ новый бракъ. Если же жена доказывала свою невинность, то удерживала свое состояніе, а мужъ лишался права вторично вступать въ бракъ; въ случаѣ же нарушенія этого запрещенія первая жена получала приданое второй жены. Но попытка эта наложить узду на свободу разводовъ была позднѣйшими императорскими узаконеніями значительно ослаблена. Такъ Гонорій къ основаніямъ дозволеннаго развода прибавилъ еще общую причину безнравственности (morum culpa) жены, что для мужей значительно расширило свободу отвергать женъ. Позднѣе, въ конституціи Θеодосія II и Валентиніана III отъ 449 г. приведено уже болѣе 15 основа-

ній для мужа и болѣе 12 для жены, по которымъ они могли законно разводиться; тутъ упоминаются и обѣды жены съ посторонними лицами безъ согласія мужа, и посѣщеніе театровъ и т. п. публичныхъ мѣстъ противъ мужней воли, и т. д. Но съ другой стороны касательно послѣдствій всѣхъ прочихъ разводовъ послѣ Константина сдѣланы весьма важныя измѣненія въ смыслѣ уравненія мужа съ женой по взысканіямъ за недозволенное отверженіе.

Уравненіе это находится въ связи съ повсемѣстнымъ распространеніемъ т. н. брачнаго дара (donatio propter nuptias). По мнѣнію нѣкоторыхъ западныхъ ученыхъ [1]), весьма теперь распространенному въ наукѣ, главное назначеніе этого дара, соотвѣтствовавшаго приданому жены, было ограничивать свободу отверженій со стороны мужа. Дѣйствительно, изъ этого даренія жена удерживала все или часть по тѣмъ же причинамъ, которыя уполномочивали мужа на взысканіе изъ приданаго жены. До того же теряла только жена изъ своего приданаго, а кромѣ того всякое условіе о денежномъ штрафѣ на случай развода, которое могъ принять на себя мужъ, было недѣйствительно. И вотъ христіанскіе императоры послѣ Константина, руководствуясь стремленіемъ ограничить произволъ въ разводѣ равномѣрно на обѣихъ сторонахъ, заимствовали изъ провинціальнаго права брачные дары и развили его въ общій институтъ. Этимъ они уравняли по имущественнымъ взысканіямъ мужа съ женой на случай развода.

Что касается мѣръ Юстиніана противъ разводовъ, то они носили общій характеръ съ мѣрами предъидущихъ императоровъ. Въ извѣстномъ, вышеприведенномъ выраженіи, что все связанное людскою волею можетъ быть разрѣшаемо (Nov. 22 c. 3), онъ еще признаетъ общимъ правиломъ расторжимость брака. Нѣтъ необходимости останавливаться на содержаніи многочисленныхъ законовъ этого императора, ко-

---

[1]) См. Franke. Ueber die propter nuptias donatio въ Archiv für d. civ. Praxis B. 26 p. 63—84.

торыми онъ регулировалъ разводъ, то ограничивая, то расширяя основанія дозволенности его,—скажемъ только, что послѣдствія недозволенныхъ разводовъ опредѣлены у него значительно тяжеле прежнихъ законовъ. Кромѣ полнаго лишенія имущества (иногда значительная часть его шла въ пользу монастыря) виновные въ такихъ разводахъ могли иногда подлежать еще пожизненному заточенію въ монастырѣ. Но Юстиніаново законодательство заключало въ себѣ одно весьма важное новое постановленіе, восполнившее значительный пробѣлъ въ прежней системѣ взысканія по случаю недозволенныхъ разводовъ, а именно: если бракъ не сопровождался установленіемъ приданаго, а слѣдовательно и брачнаго дара, то неосновательное отверженіе мужемъ жены по прежнему праву оставалось безнаказаннымъ, теперь-же оно давало право женѣ взыскать съ мужа $1/4$ часть его имущества, однако не свыше 110 фунтовъ золота.

Полный переворотъ въ отношеніяхъ законодательства къ разводу замѣчается въ Эклогѣ Льва Исавра. Тутъ впервые выраженъ общимъ началомъ христіанскій взглядъ на бракъ, какъ на союзъ нерасторжимый. Это не значитъ, чтобы Эклога не допускала разводовъ въ иныхъ случаяхъ, но только она формулировала эти послѣдніе, какъ исключенія изъ принципа нерасторжимости, тогда какъ во всемъ предъидущемъ правѣ выходили изъ ограниченій начала расторжимости. Эклога допускала разводы по четыремъ основаніямъ: прелюбодѣяніе жены, безсиліе мужа, покушеніе на жизнь, проказа у одного изъ двухъ сожителей. Нужно однако замѣтить, что разводы по другимъ основаніямъ въ Эклогѣ еще не провозглашены ничтожными, какъ это можно было бы ожидать. По позднѣйшему закону они могли вести къ запрещенію вступать въ новый бракъ.

Но и въ этомъ видѣ законъ казался обществу слишкомъ строгимъ: его старались обходить всевозможнымъ образомъ, такъ-что, наконецъ, императоры принуждены были сдѣлать уступку общественнымъ правамъ и вернуться къ Юстиніанову праву. Въ общемъ оно повторено въ Василикахъ и Эпанагоги; причемъ въ послѣднемъ руководствѣ

приведены даже тѣ основанія дозволеннаго Юстиніаномъ развода (напр. въ Nov. 22), которые позднѣе имъ же были выпущены или даже прямо отмѣнены (Nov. 117). Дальнѣйшая исторія развода въ намѣченномъ направленіи не имѣетъ особеннаго интереса за исключеніемъ того важнаго шага, сдѣланнаго позднѣйшей юриспруденціей византійской, по которому разводъ вопреки закону объявлялся ничтожнымъ.

Итакъ мы видѣли усилія христіанскаго римско-византійскаго законодательства скрѣпить брачныя узы подъ вліяніемъ христіанскаго ученія, сначала стѣсняя свободу разводовъ болѣе ограниченными поводами дозволенныхъ разводовъ и увеличеніемъ взысканій за прочіе случаи, а позднѣе даже иногда провозглашая принципъ нерасторжимости брака и въ концѣ концевъ объявивъ ничтожность разводовъ внѣ законныхъ основаній.

Запрещая разводы, какъ противорѣчащіе христіанской идеѣ брачнаго союза, устанавливающаго полное, нерасторжимое общеніе двухъ лицъ,—законодательство свѣтское подъ вліяніемъ каноническаго права должно было рано или поздно высказаться по вопросу о вторичныхъ и т. д. бракахъ. Греческое каноническое право въ вопросѣ о бракѣ вдовыхъ лицъ высказывалось строго въ духѣ христіанскомъ; оно не только осуждаетъ такіе браки, но и налагаетъ церковныя наказанія за вторичный бракъ и еще болѣе строгія за третій. За каноническимъ и свѣтское византійское право начинаетъ высказывать начала, окончательно обратныя тому, чему учило основное римское право: вмѣсто того, чтобы поощрять вступленіе въ новый бракъ, согласно прежнему римскому законодательству, оно старается ограничить по мѣрѣ возможности число послѣдовательныхъ браковъ. Такъ можно предположить, что уже Эклога не допускала третьяго брака, позднѣе прямо запрещеннаго царицей Ириной (въ 800 году). Василій Македонянинъ объявилъ четвертый бракъ недѣйствительнымъ, а третій подлежащимъ церковному наказанію. Сынъ его Левъ не только подтвердилъ это распоряженіе, но еще высказался за то, что и второй бракъ не заслуживаетъ одобренія.

Все это указывало, что христіанскій взглядъ на высокій этическій характеръ брачнаго общенія уже проникъ въ общественное сознаніе. Оставалось освятить вступленіе въ бракъ церковнымъ благословеніемъ. Преслѣдуя идею святости брака и наказуемости всякаго иного союза половъ, церковь должна была направить все свое вліяніе, чтобы выдѣлить вступленіе въ бракъ публичностью и торжественностью. Исторія публичныхъ формъ бракосочетанія въ римско-византійскомъ правѣ была слѣдующая. Юстиніанъ предписываетъ въ 537 г. нѣкоторымъ высшимъ классамъ населенія составлять при вступленіи въ бракъ приданую запись (dotalia instrumenta προικῷα). Другія лица съ извѣстнымъ соціальнымъ положеніемъ обязаны были идти въ церковь и тамъ заявлять предъ патрономъ этой церкви т. н. defensor ecclesiae свое желаніе вступить въ бракъ. На это заявленіе defensor составлялъ съ тремя или четырьмя духовными актъ. Лица низшихъ классовъ населенія по прежнему могли не соблюдать никакихъ формъ при вступленіи въ бракъ. Затѣмъ въ Эклогѣ бѣднымъ и низшимъ слоямъ общества предписывалось заключать бракъ въ церкви или присутствіи друзей. Въ Прохиронѣ же вообще запрещаются тайные браки. Послѣднее, по мнѣнію многихъ ученыхъ, указываетъ уже на всеобщее обыкновеніе вступать въ бракъ съ церковнаго благословенія, такъ-что не трудно было Льву Мудрому въ своей извѣстной Novell. 89-ой повелѣть въ общее правило соблюдать церковное благословеніе при вступленіи въ бракъ и объявить всякій иной бракъ ничтожнымъ. Наконецъ, Алексѣй Комнинъ предписалъ соблюдать церковное благословеніе даже и при обрученіяхъ.

Обставляя такимъ образомъ вступленіе въ бракъ, какъ единственно допустимую форму супружеской связи, христіанское законодательство должно было рано или поздно принять мѣры противъ разврата вообще. Дѣйствительно, уже закономъ Константина, 343 года, дозволяется священникамъ и всѣмъ христіанамъ вообще выкупать, хотя бы насильно, всѣхъ христіанокъ, предназначенныхъ къ разврату. Позднѣе запрещено было содержателямъ развратныхъ домовъ принуждать къ разврату служанокъ и собственныхъ дочерей. По жалобѣ ихъ епископу или судьѣ онѣ освобождались изъ рукъ

господина, отца, которымъ въ тоже время запрещалось подъ страхомъ сильнаго наказанія удерживать ихъ. Далѣе, объявлялось, что ни одну христіанку, будь она свободная или рабыня, нельзя было принудить сдѣлаться содержанкой (meretrix), или актрисой. По заявленію рабыни о такомъ принужденіи она объявлялась свободной. Далѣе, въ 439 году Θеодосій II окончательно запрещаетъ въ Константинополѣ профессію сводника (lenonis) подъ страхомъ наказанія розгами и изгнанія изъ столицы. Наконецъ, при Юстиніанѣ открываются магдалинскія убѣжища, куда насильно забираются проститутки. Но о всѣхъ этихъ мѣрахъ можно сказать тоже, что и о другихъ законахъ христіанскихъ императоровъ. Они несомнѣнно свидѣтельствуютъ только о вліяніи христіанскихъ воззрѣній и на попытку провести ихъ въ жизнь, но на сколько они могли расчитывать на дѣйствительное преобразованіе вѣковыхъ привычекъ общества, всего лучше свидѣтельствуетъ тотъ характеристичный фактъ, что когда императоръ Θеодосій II запрещалъ профессію сводниковъ, то мѣрой этой онъ лишалъ казну значительнаго дохода, покрыть который вызвался изъ собственныхъ средствъ преторіанскій префектъ Флорентинъ. Послѣ этого, разумѣется, мѣра Θеодосія не остановила посѣщенія притоновъ разврата. И дѣйствительно, источники говорятъ (наприм. Лактанцій), что въ христіанскомъ обществѣ долгое время открыто процвѣтаютъ учрежденія разврата. Этому не мало могло способствовать и то, что ни въ приведенныхъ законахъ, ни въ сводахъ Юстиніана еще не наказуются, не осуждаются внѣ-брачныя отношенія вообще (stuprum). Впервые въ византійскомъ законодательствѣ налагается наказаніе за развратъ. Такъ въ Эклогѣ Льва Исавра и Константина Копронима полагаются за различные виды разврата тѣлесныя и имущественныя взысканія. Наказанія эти вошли въ законодательство всѣхъ послѣдующихъ временъ. Но по всей вѣроятности и эти законы примѣнялись не особенно строго, что можно заключить изъ жалобы Вальсамона на неприменѣніе даже церковныхъ наказаній, такъ-что по его словамъ оставалось положиться лишь на милосердіе Божіе.

Теперь мы кончили разсмотрѣніе значенія отдѣльныхъ элементовъ брачныхъ, основываясь на историческихъ моментахъ брачнаго права римлянъ, которымъ пришлось восприпять вліяніе христіанства на свою вѣковую культуру, а слѣдовательно на римскомъ брачномъ институтѣ въ историческомъ его развитіи могли мы распознать смыслъ каждаго изъ разсмотрѣнныхъ элементовъ, когда онъ въ извѣстные періоды или вовсе оттѣснялъ, или значительно преобладалъ надъ остальными, когда мы могли сопоставить ученіе объ этическомъ характерѣ супружества съ рѣзко выразившимися послѣдствіями брака, основаннаго лишь на реальномъ элементѣ и простомъ соглашеніи волей. Намъ оставалось бы въ заключеніе кратко повторить добытые выводы и привести на основаніи ихъ нѣкоторыя заключительныя соображенія, но прежде мы считаемъ не лишнимъ въ болѣе или менѣе краткомъ очеркѣ укрѣпить наши выводы указаніемъ на аналогичныя явленія въ исторіи германскаго брака по періодамъ преобладанія каждаго изъ трехъ элементовъ его.

ГЛАВА VIII.

Германская семья, какъ и римская, имѣла также двоякое значеніе, кромѣ частно-гражданскаго еще политическое. Первоначально родъ, семья были единственною связью между отдѣльными лицами, которою въ тоже время только и опредѣлялась ихъ принадлежность къ общинѣ. Каждый германскій народъ былъ скорѣе союзомъ родовъ, чѣмъ гражданъ. По свидѣтельству Тацита германцы отправлялись на войну по родамъ, каждый подъ предводительствомъ одного изъ своихъ. Онъ же говоритъ, что каждая семья имѣла свое отдѣльное поселеніе, свои законы и своего главу. Между родами происходятъ частыя и кровавыя распри, какъ это свидѣтельствуютъ еще сравнительно позднѣйшіе источники, наприм. Григорій Турскій и капитуляріи, въ которыхъ нерѣдко слышатся жалобы королей на подобную узурпацію публичной властью.

При такомъ обособленномъ положеніи рода, семьи къ остальнымъ такимъ же единицамъ главнѣйшій первоначальный смыслъ семейной организаціи могъ заключаться въ томъ, чтобы поддержать ихъ цѣлость и внѣшнюю самостоятельность. Поэтому всѣ члены такихъ единицъ распадались на два класса: лица, стоящія надъ охраной рода, семьи (selbmundii) и лица охраняемыя, опекаемыя. Высшимъ же понятіемъ семейнаго права, въ которомъ выражалось внутреннее единство и внѣшнее обособленіе семьи была у германскихъ народовъ, какъ и у римлянъ, власть семейнаго главы (mund, mundium). Но принадлежность къ семьѣ, а тѣмъ и подчиненность семейной власти у германцевъ опредѣлялась иначе,

чѣмъ у римлянъ, а именно—исключительно родствомъ, кровной связью.

Такимъ образомъ семья германская представляется намъ органическимъ единствомъ, составляющимъ, какъ таковое, основу государства, заключающимъ въ себѣ лицъ общаго происхожденія.

Послѣ этого краткаго очерка семейной организаціи у германскихъ народовъ мы можемъ понять то положеніе, которое должна была занять у нихъ женщина.

У германцевъ, какъ и у древнихъ римлянъ, общинный строй опирался только на силу и энергію мужчинъ, а это вело и къ аналогичному положенію женщинъ. Германская женщина въ общественной сферѣ стояла несравненно ниже мужчинъ уже въ достовѣрныя историческія времена, а у иныхъ племенъ даже вовсе исключалась отъ всякаго участія въ публичной жизни (Франки). Она предназначалась къ дѣятельности домашней внутри семьи. Въ домашнемъ хозяйствѣ проходила ея жизнь. По словамъ Тацита женщины германскія раздѣляли домашнія заботы съ дѣтьми и стариками. Съ другой стороны женщина наряду съ несовершеннолѣтними и неспособными носить оружіе подлежала опекѣ (mundium), изъ которой никогда не выходила. Въ законахъ Лонгобардовъ мы читаемъ, между прочимъ, такое положеніе: «Не дозволяется ни одной свободно-рожденной женщинѣ, подданной нашего королевства и живущей по законамъ Лонгобардовъ, жить по усмотрѣнію собственной воли, т. е. внѣ опеки.»

Понятно послѣ этого, что женскій полъ считался у германцевъ, какъ у римлянъ, сравнительно съ мужскимъ болѣе низкимъ. Слѣды такого взгляда сохранились до весьма позднихъ временъ. Такъ, еще Людовикъ VII, король французскій, говоритъ въ одной хартіи буквально слѣдующее: «пораженные количествомъ дочерей, мы горячо просимъ у Бога дѣтей л у ч ш а г о пола». Согласно такому взгляду, во многихъ правовыхъ положеніяхъ женскій полъ ставился ниже муж-

скаго, какъ наприм., въ опредѣленіи виры, въ наслѣдственномъ правѣ и т. п.

Сказанное до сихъ поръ должно намъ объяснить характеръ брачныхъ отношеній у германцевъ. Прежде всего отношенія эти могли установиться нормально не иначе, какъ путемъ уступки жениху власти надъ невѣстой со стороны ея владыкъ. Дѣйствительно, германцы если не похищали, то покупали себѣ женъ. У нѣкоторыхъ племенъ (наприм. Аллемановъ) всякая жена называлась купленною дѣвицею (puella emta). Выраженіе покупать, въ смыслѣ жениться, сохранилось въ Германіи до конца среднихъ вѣковъ. Плата (meta, pretium, wittemo и др.) шла лицамъ, подъ властью которыхъ находилась невѣста (отцу, брату и т. д.). По единогласному мнѣнію нѣмецкихъ ученыхъ купля эта первоначально не была только символическимъ актомъ, а настоящею куплею-продажею, по которой мужъ откупалъ у родственниковъ власть надъ женою. Пока женихъ не пріобрѣтетъ куплею этой власти, невѣста считается подъ прежнею властью, хотя-бы и ушла къ жениху (законы лонгобардскіе, аллеманскіе). Власть эта ставила жену въ аналогическое, если не въ тождественное (какъ думаютъ наприм. Гриммъ, Фридбергъ), положеніе съ римской женой, подпавшей подъ руку (manus) мужа. Фактомъ купли она выступала изъ семьи отца и пріобщалась къ семьѣ мужней, въ которой оставалась и по смерти мужа подъ властью его наслѣдниковъ, если только отецъ или другой какой владыка ея кровной семьи снова не откупалъ у наслѣдниковъ мужа власти надъ нею. Слѣдовательно, мѣняя семью, женщина съ выходомъ замужъ подчинялась аналогичной отцовской власти.

Посмотримъ теперь какъ сложились личныя и имущественныя отношенія между супругами при такомъ подчиненіи жены мужу.

Во имя своей власти мужъ былъ полнымъ господиномъ жены. Она, подобно римской женѣ, становилась къ мужу въ положеніе дочери. Установленіе такого господства символи-

чески выражалось въ брачной церемоніи опоясыванія мужа мечемъ и одѣваніи его въ шляпу и плащъ. Прямое же признаніе такого полнаго господства находимъ еще въ капитуляріяхъ (наприм. Пиппина, 757 года), гдѣ мужъ называется главою жены (caput mulieris) въ смыслѣ полновластнаго ея господина. Затѣмъ, въ различныхъ формулахъ и хартіяхъ жена нерѣдко называетъ мужа господиномъ (dominus), а мужъ жену—рабою (ancilla). Въ кругъ такой власти надъ лицемъ жены входило право лишать жизни, наказывать, продавать ее наравнѣ съ прочими безправными членами семьи,—дѣтьми, рабами. Права мужа располагать жизнью жены мы не можемъ не видѣть уже въ символикѣ опоясыванія его при бракѣ мечемъ (Сомъ), а кромѣ того оно засвидѣтельствовано и положительно въ древнѣйшихъ германскихъ сводахъ. Въ числѣ ихъ лонгобардскіе законы постановляютъ общимъ правиломъ, что мужъ, располагающій жизнью жены основательно (rationabiliter; напр. въ случаѣ невѣрности или покушенія на его жизнь), не подвергается никакому осужденію. Интересно для характеристики мужней власти посмотрѣть на древнѣйшія ограниченія этого права жизни. Въ томъ же лонгобардскомъ сводѣ говорится, что мужъ, умертвившій свою жену безъ всякаго уважительнаго основанія (immerentem), только лишался правъ на ея имущество и присуждался къ пени. Наоборотъ жена, убившая мужа, осуждалась во всякомъ случаѣ къ смерти (Едиктъ Ротара), въ чемъ уподоблялась крѣпостному, убившему своего господина.—Имѣя право располагать жизнью жены, мужъ, разумѣется, могъ тѣмъ болѣе наказывать ее. Послѣднее право засвидѣтельствовано древнѣйшими памятниками даже народной поэзіи (Нибелунги). Въ числѣ же законодательныхъ источниковъ подробно объ этой функціи мужней власти говорится въ лонгобардскихъ законахъ, по которымъ мужу предоставлялось не только обыкновенное право легкихъ наказаній (honesta disciplina), но въ болѣе тяжкихъ ея проступкахъ ему дозволялось избирать и суровыя наказанія лишь-бы онѣ не вели за собой смерти или увѣчья (Лунтпрандъ).—Наконецъ, что касается продажи женъ мужьями, то, по моему мнѣнію, право на это окончательно доказано извѣстнымъ германскимъ археологомъ Гриммомъ. Если нѣкоторыя

изъ его доказательствъ и подвергнуты сомнѣнію, то съ другой стороны за него говорятъ и такія свидѣтельства источниковъ, смыслъ которыхъ совершенно ясенъ. Такъ, Тацитъ разсказываетъ о Фризахъ, которые продавали своихъ женъ и дѣтей, когда у нихъ не хватало имущества на уплату Риму податей. Этого же права на отчужденіе женъ нельзя не видѣть и въ томъ законѣ аллеманскомъ, по которому мужу дозволялось уступать свою власть надъ женой ея похитителю.

Такова была власть мужа надъ женой въ ихъ личныхъ отношеніяхъ. Что касается теперь имущественной стороны брака, то понятіе и разсмотрѣнный сейчасъ объемъ мужней власти необходимо исключалъ возможность самостоятельныхъ правъ жены на какое-либо имущество. Дѣйствительно, одинъ изъ германскихъ сводовъ, а именно бургундскій, прямо производитъ мужнее право на полное распоряженіе имуществомъ жены отъ власти на ея лице. Немыслимо было допустить, въ виду описаннаго объема мундіума, чтобы жена имѣла право обязываться, или производить какія-либо отчужденія безъ согласія мужа. И на самомъ дѣлѣ она вполнѣ отстранялась мужемъ отъ распоряженія какимъ.либо имуществомъ. Еще въ седьмомъ вѣкѣ на одномъ дошедшемъ до насъ раздѣльномъ актѣ мужья подписываются за своихъ женъ. Такое исключительное мужнее право мы можемъ подтвердить для каждаго рода женина имущества. Въ древнѣйшихъ законодательныхъ памятникахъ германскихъ племенъ упомянуто три рода имущества, приписаннаго женѣ, а именно: даръ со стороны жениха невѣстѣ, извѣстный съ девятаго вѣка подъ именемъ приданаго (dos, также wephium и др.), затѣмъ снаряженіе невѣсты ея родителями, такъ назыв. отцовское добро (phaderphium, также fioh), и, наконецъ, т. наз. утренній даръ (позднѣе Morgengabe), подносимый мужемъ женѣ обыкновенно на другой день (alia die) выполнившагося брака. Вотъ три вида имущества (triplex pudor puellae), о которомъ только можетъ быть рѣчь въ вопросѣ о древнѣйшихъ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ въ германскомъ бракѣ. Остановимся на каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности.

Подъ вліяніемъ различныхъ причинъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, уже въ древнѣйшихъ писанныхъ германскихъ сводахъ купля жены начала терять свой чистый первоначальный смыслъ. Мы замѣчаемъ, что невѣста получаетъ часть брачной цѣны (наприм. по бургундскому своду), а позднѣе (у лонгобардовъ со времени Луитпрандта) вся брачная цѣна шла уже не опекуну ея, а ей самой; наконецъ, въ другихъ германскихъ сводахъ (аллеманскомъ, франковъ рипуарскихъ) брачная цѣна совершенно исчезаетъ и замѣняется даромъ со стороны жениха невѣстѣ уже безъ всякаго посредничества третьяго лица, т. е. опекуна. Происхожденіе этого дара изъ прежней брачной цѣны нельзя не замѣтить изъ того, что величина его опредѣлялась по соглашенію съ родителями или другими родственниками жены. Что же касается его назначенія, то большинство ученыхъ германистовъ (наприм. Цёпфль) видѣло въ немъ обезпеченіе жены на случай вдовства, т. е. вдовью часть (doarium). Права жены на это имущество во всякомъ случаѣ выступали лишь по смерти мужа, который при жизни былъ единымъ его распорядителемъ. Какого же свойства были права вдовы на вдовью часть? По большинству древнѣйшихъ законоположеній германскихъ вдова на столько ограничивалась родовымъ началомъ, что не только имѣя потомство, но и бездѣтная (Саксонское древнее право), она допускалась лишь къ пожизненному пользованію вдовьей частью. Такимъ образомъ о правѣ собственности жены на вдовью часть и какомъ-либо отношеніи на основаніи этого права къ нему при жизни мужа не могло быть и рѣчи. Вдовьей частью имѣлось въ виду не настоящее отчужденіе, а только будущая условная возможность допустить вдову къ пользованію извѣстной частью настоящаго имущества мужа.

Переходимъ къ отцовскому добру. Купля женъ должна намъ указывать, что брачная жизнь не считалась у германцевъ, какъ и у древнихъ римлянъ, такимъ имущественнымъ бременемъ, которое частью должно было бы падать и на жену, и что родственники выходящей замужъ не обязывались снабжать ее приданымъ. Далѣе, древнее германское право не знало и выдѣла невѣстѣ наслѣдственной доли въ своей кров-

ной семьѣ, такъ·какъ, по своему положенію въ семьѣ и по самому воззрѣнію на нее, вытекавшему изъ всего строя родоваго быта, германская женщина не имѣла участія въ имущественныхъ правахъ рода. Такимъ образомъ отцовское добро было добровольнымъ одареніемъ невѣсты ея родителями, снаряженіе ея въ чужой родъ и притомъ первоначально обыкновенно не въ значительномъ объемѣ; пока купля женъ не лишена была своего чистаго характера. По Тациту оно обыкновенно состояло изъ движимостей, а именно скота и оружія. Изъ этого мы видимъ, что для древнѣйшихъ временъ германскаго брака не можетъ быть рѣчи о приданомъ въ нашемъ смыслѣ слова, которое служило бы выраженіемъ извѣстнаго комплекса правъ имущественныхъ, а съ другой стороны обычные предметы этого одаренія непремѣнно устанавливали для мужа домовластителя, полное право распоряженія имъ.

Сказанное о первыхъ двухъ родахъ имущества равнымъ образомъ распространяется и на утренній даръ. Права жены на него выступали на свѣтъ только по смерти мужа. Въ случаѣ отверженія она не имѣла никакихъ на него претензій.

Такимъ образомъ мы можемъ сказать, что по всей вѣроятности германская женщина первоначально, какъ и древнѣйшая римская, не имѣла никакого имущества. Ее просто покупали у родственниковъ, которымъ и шла вся покупная цѣна. Когда же послѣдняя мало-по-малу стала выдаваться невѣстѣ самой, а отцовское добро и утренній даръ пріобрѣли извѣстную имущественную стоимость, то всѣ опредѣленія древнѣйшихъ памятниковъ лишаютъ жену самостоятельныхъ правъ распоряженія этимъ приписаннымъ ей имуществомъ и такимъ образомъ единымъ самостоятельнымъ распоряженіемъ всего семейнаго имущества остается мужъ. Такое представленіе правъ мужа по первоначальной идеѣ его семейной власти сказывалось между прочимъ и въ томъ, что по нѣкоторымъ германскимъ правамъ мужъ въ случаѣ бездѣтной смерти жены удерживалъ все имущество за собой, тогда какъ по другимъ—онъ уже обязывался возвратить

родственникамъ жены часть или даже все приписанное ей имущество (аллеманскій сводъ). Съ другой стороны по весьма вѣроятному предположенію все пріобрѣтенное въ бракѣ (conquisita, quod simul adquisierunt) поступало не только въ полное распоряженіе, но и исключительную собственность мужа. Въ одномъ древнемъ саксонскомъ законѣ говорится, что у Остфаловъ и Енгровъ жена ничего не получала изъ имущества пріобрѣтеннаго во время брака. И это начало еще позднѣе упоминается у многихъ фризскихъ племенъ. Только позднѣе (у франковъ напр. въ источникахъ современныхъ закону салическому) стало развиваться право жены и то только по смерти мужа на извѣстную долю въ этомъ имуществѣ.

Послѣ только-что сказаннаго объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ по древнѣйшему германскому праву, я не могу согласиться съ тѣми писателями, которые общимъ началомъ этихъ отношеній выставляютъ раздѣльность, но съ другой стороны нельзя признать и общности, хотя бы внѣшней. По моему взгляду рѣчь можетъ идти только объ односторонних правахъ мужа, изъ ограниченій которыхъ въ пользу жены выработалась позднѣе германская система имущественной общности.

Итакъ германская жена, какъ и древнѣйшая римская, лично и имущественно вполнѣ подавлялась мужнимъ авторитетомъ.

Бракъ основанный на куплѣ жены и подвергавшій ее полному господству мужа съ одной стороны исключалъ соглашеніе супруговъ, а съ другой стороны не предполагалъ той взаимной склонности, которая давала браку такое этическое значеніе.

Дѣйствительно, по общему началу не требовалось согласія невѣсты на бракъ. Мало того, изъ цѣлой массы древнѣйшихъ карательныхъ законовъ мы знаемъ о всеобще распространенномъ среди германскихъ племенъ обычаѣ похищать невѣстъ; причемъ согласіе ихъ не бралось во вниманіе. Послѣд-

нее прямо свидѣтельствуется норвежскими законами, изъ которыхъ одни прямо говорятъ о насильственномъ похищеніи женъ, а другіе—о вознагражденіи самой похищенной. Затѣмъ до насъ дошла сравнительно поздняя форма суда по дѣламъ похищенія у фризовъ: похищенная ставилась между двумя шестами; у одного изъ нихъ ставились ея родственники, у другаго—похититель. Обращеніе въ сторону похитителя означало ея согласіе оставаться его женой и освобождало его отъ взысканія по похищенію. Слѣдовательно, согласія на похищеніе со стороны похищаемой не предполагалось само собою. Мало того, согласіе дѣвушки или вдовы не имѣло само по себѣ никакого значенія. Бракъ опредѣляла лишь воля домовластителя безъ вниманія къ тому,—будетъ ли на него согласіе невѣсты или нѣтъ (лонгобардскій законъ). Онъ же поэтому имѣлъ право расторгнуть бракъ, заключенный помимо его согласія, и преслѣдовать мужа, избраннаго его опекаемой, какъ похитителя (аллеманскій законъ) иногда денежной пеней въ размѣрѣ тройной (бургундскій законъ), или даже четверной (вестготскій законъ) брачной цѣны. Правда, въ нѣкоторыхъ германскихъ сводахъ, какъ напримѣръ бургундскомъ, упоминается объ обоюдномъ согласіи супруговъ. Но въ этомъ несомнѣнно слѣдуетъ признать вліяніе римскаго права, такъ какъ власть (mundium), принадлежащая родственнику, должна была лишать всякаго прямаго значенія согласіе невѣсты. Какъ въ древнемъ Римѣ согласіе вступающей въ бракъ замѣнялось волею домовластителя, такъ и у германскихъ племенъ дѣвица или вдова выдавались замужъ по усмотрѣнію и выбору семейнаго главы; причемъ въ правѣ этомъ выражалось, какъ и въ Римѣ, признаніе лишь функцій семейной власти, такъ-что о согласіи матери при выдачѣ дочери въ замужество не было и рѣчи. Во имя той же власти надъ сиротами и вдовами распоряжались позднѣе выдачей ихъ замужъ короли, имперскіе князья и вообще феодальные сюзерены, которые мало-по-малу распространяли это право до того, что стали отдавать приказаніе кому бы то ни было изъ подданныхъ сочетать по указанію своихъ дѣтей съ лицами, чаще всего принадлежащими къ ихъ дворамъ, приближенными. Такое право брачныхъ повелѣній (Ehegebot), носившее названіе maritagium, для богатыхъ невѣстъ изъ

высшаго сословія мало-по-малу замѣнилось выкупомъ; для лицъ же неимущихъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, оно выродилось въ такъ называемое право первой ночи, самого ужаснаго безнравственнаго института среднихъ вѣковъ.

Итакъ согласіе не считалось въ числѣ необходимыхъ условій древняго германскаго брака. Если же разъ несовѣтывались при выдачѣ замужъ со склонностями невѣсты, а нормально продавали ее по личнымъ соображеніямъ третьихъ лицъ, притомъ продавали въ полное подчиненіе мужу,—то я право не могу согласиться съ тѣми писателями, особенно нѣмецкими, которые отличаютъ древній германскій бракъ отъ римскаго высокимъ этическимъ его значеніемъ, «святою, глубокою супружескою любовью,» горячо отстаиваютъ какую-то идеальную душевную гармонію въ супружескомъ сожитіи, неизвѣстную римлянамъ. Я не вижу въ германскомъ бракѣ ни одного условія для такихъ высокихъ этическихъ отношеній между супругами. Въ общемъ прежде всего бракъ этотъ игнорировалъ элементъ соглашенія волей, а далѣе устанавливался онъ путемъ купли мужемъ себѣ жены, такъ-что послѣдняя разсматривалась подобно какому-нибудь товару, откупаемому изъ-подъ господства одного лица подъ господство мужа. Такой способъ добыванія женъ, притомъ всегда подчинявшій ихъ полной власти мужа, никоимъ образомъ не могъ служить основой какихъ-либо этическихъ отношеній мужа къ женѣ; а вотъ и нѣкоторые положительные признаки германскихъ воззрѣній на отношенія къ женамъ, какъ купленному товару. По одному закону Этельберта Кентскаго, уже принявшаго христіанство, вступившій въ связь съ чужою женою обязанъ былъ откупить ее у мужа, а этому послѣднему купить и привести другую жену. Далѣе, извѣстенъ древній германскій обычай, сохранившійся въ нѣкоторыхъ странахъ вплоть до реформаціи (въ Нидерландахъ), по которому обычаю хозяинъ, принимая гостя, предоставлялъ ему въ полное пользованіе свою жену. Гдѣ тутъ признакъ высокаго этическаго общенія между супругами? — На какихъ же данныхъ опирается разсматриваемое воззрѣніе? Главнѣйшей основой такому восторженному восхваленію древнѣйшихъ германскихъ супружескихъ отношеній служатъ свидѣтельства Тацита, ко-

торый въ своей Германіи говоритъ между прочимъ о сообществѣ женщинъ мужьямъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни (laborum periculorumque socia), о совѣщаніи съ ними, о повиновеніи ея приговорамъ. Но вспомнимъ, что Тацитъ былъ по преимуществу моралистомъ, что все значеніе его «Германіи» состояло въ томъ, чтобы представить чистоту нравовъ неиспорченныхъ, дѣвственныхъ германскихъ племенъ, представить это въ контрастъ съ страшнымъ нравственнымъ упадкомъ современнаго ему римскаго общества. Ужь по этому одному пріему многіе другіе писатели отвергаютъ въ бытописаніи Тацита абсолютную оцѣнку германской жизни, а видятъ въ немъ изображенными только тѣ стороны грубаго патріархальнаго общества, которыя должны были остановить его вниманіе при сравненіи съ развитымъ и развращеннымъ римскимъ обществомъ. Съ другой стороны у того-же Тацита мы находимъ слѣды, далеко не оправдывавшіе высокое этическое значеніе брака. Такъ, напр., Тацитъ подробно описываетъ унизительное наказаніе, которому подвергалась жена за невѣрность: «Ей рѣзали волосы; снимали съ нее въ присутствіи родственниковъ одежду и затѣмъ мужъ, вытолкавъ изъ дому, гналъ ее черезъ все поселеніе ударами кнута». Строгость наказанія, неслыханная въ современномъ Тациту римскомъ быту! Но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что наоборотъ невѣрность мужа оставалась въ Германіи, какъ и въ Римѣ, безнаказанною. Только жена по положительному германскому праву обязывалась къ вѣрности; отъ мужа-же этого не требовалось. Слѣдовательно въ описанномъ наказаніи жены выражалось лишь одностороннее служебное ея значеніе къ мужу, которое не прерывалось и самою смертью его. Извѣстно, что въ древнѣйшія времена германская жена слѣдовала за мужемъ на тотъ свѣтъ. Въ сѣверныхъ сагахъ нерѣдко разсказываются такіе случаи, когда жены слѣдовали за мужьями на тотъ свѣтъ (напримѣръ, извѣстная Брунгильда). По свидѣтельству Прокопія обычай хоронить женъ съ мужьями сохранялся у Геруловъ вплоть до шестаго вѣка по Р. Х. Не послѣдовавшая за мужемъ вдова подвергалась всеобщему неодобренію и во всякомъ случаѣ, какъ свидѣтельствуетъ Тацитъ для нѣкоторыхъ германскихъ племенъ, ей запрещалось вступать въ новый бракъ, а позднѣе, наприм. по салическому закону, за

вступленіе въ бракъ со вдовой женихъ подлежалъ уплатѣ особой пени (reipus). По другимъ германскимъ законамъ запрещалось даже и отвергнутой женѣ отдаваться другому мужчинѣ (своды бургундскій, вестготскій) и налагались опредѣленныя наказанія тому, кто женится на такой женѣ при жизни мужа (законы рипуарскіе, аллемановъ). Замѣтьте опять, что никакой подобной обязанности не налагалось на мужа. Гдѣ-же эта духовная гармонія между супругами? Мало того, нѣсколько ниже я приведу другія уже несомнѣнныя историческія данныя, которыя должны были бы значительно охладить восторгъ къ тацитовой Германіи,— тѣ данныя изъ среднихъ вѣковъ и притомъ въ періодъ высшаго развитія рыцарства и романтизма, которыя явно не согласовались съ господствовавшимъ уже тогда христіанскимъ ученіемъ о брачныхъ отношеніяхъ и могли разсматриваться только какъ остатокъ племенныхъ германскихъ взглядовъ на жену. Тутъ же прибавимъ, что одностороннимъ служебнымъ положеніемъ жены къ мужу объясняются многіе постановленія древняго германскаго права. Такъ, по однимъ законамъ (лонгобардскимъ) соблазнившій чужую жену выдавался вмѣстѣ съ нею на волю мужней мести. Пойманныхъ же на мѣстѣ преступленія по другимъ законамъ (рипуарскимъ, бургундскимъ) предоставлялось мужу убить. Тѣмъ же служебнымъ положеніемъ жены объясняются и тѣ жестокія наказанія, которыя налагались древнимъ германскимъ правомъ за насиліе надъ дѣвушкой и женщиной. Въ нихъ воспитывалось, какъ и у древне-римской женщины чувство цѣломудрія, подготовлявшее ей выполненіе супружескаго долга. Конечно, это было бы вполнѣ прекрасной стороной германской женщины, если бы только чувство долга опиралось на этическія понятія брака, а не требовалось отъ нея въ виду лишь служебнаго ея значенія въ семьѣ, родѣ. Поэтому-же, по сознанію одного спеціалиста нѣмецкаго (Шерръ), въ германской женщинѣ, какъ и древне-римской (прибавимъ отъ себя), мы не замѣчаемъ сердечныхъ струнъ: онѣ были, весьма вѣроятно, по характеру жестки, мужественны, однимъ словомъ не имѣли ничего женственнаго.

После всего до сихъ поръ сказаннаго мы можемъ заключить, что въ древнемъ германскомъ бракѣ преобладающимъ

элементомъ долженъ былъ быть элементъ реальный. Дѣйствительно, куплей мужъ пріобрѣталъ только условно власть надъ женой. Актъ купли входилъ въ формальности т. н. sponsalia (desponsatio), т. е. сговора (обрученія), который предшествовалъ браку. Выполненіе-же брака (consummatio matrimonii) наступало только съ момента выдачи невѣсты мужу (traditio puellae) и выполнившагося сожитія (concubitus, Beischlaf), т. е., какъ говоритъ древняя формула, когда надъ супругами простиралось одно покрывало въ присутствіи свидѣтелей. Позднѣе князья и императоры выполняли эту церемонію даже въ тѣхъ случаяхъ, когда вступали въ бракъ чрезъ уполномоченныхъ, которые, ложась въ постель съ невѣстами своихъ принципаловъ, отдѣлялись отъ нихъ обнаженнымъ мечемъ (примѣръ брака римскаго короля Максимиліана I). Если женихъ отказывался отъ сожительства съ невѣстой, то она считалась свободной и могла выходить за другого.—Ясно, что назначеніе брака сводилось къ рожденію дѣтей, или, какъ говоритъ древняя поговорка, наслѣдника. Если вспомнимъ вышесказанное о значеніи германскаго рода, то намъ будетъ понятно теперь, что, покупая женщину въ чужомъ родѣ, имѣлось въ виду поддержать и распространить свой собственный. Поэтому дѣйствительность всякаго брака обусловливалась способностью супруговъ къ сожитію. Отсюда обычай т. н. пробныхъ ночей, который практиковался между высшими сословіями въ средніе вѣка, а между низшимъ —практикуется и теперь. Отсюда—право мужа поставлять вмѣсто себя другое лицо, право упоминаемое уже въ древнѣйшихъ памятникахъ; въ болѣе же поздніе средніе вѣка во многихъ правовыхъ источникахъ заключается прямое предписаніе неспособному мужу исправлять свои супружескія обязанности чрезъ другихъ и хроники приводятъ примѣры подобныхъ обращеній мужей къ постороннимъ мужчинамъ (напр. одного рыцаря къ ландграфу Людвигу Тюрингскому).

Итакъ въ древнемъ германскомъ бракѣ существеннымъ элементомъ былъ. только элементъ реальный, физическій; обоихъ остальныхъ элементовъ современнаго нормальнаго брака мы не замѣчаемъ.

Понятно, что подобный бракъ въ существѣ ничѣмъ не отличался отъ простаго наложничества, а поэтому и самое понятіе наложничества, конкубината, было позднѣйшаго происхожденія въ германскомъ правѣ, а именно перенесено было въ него изъ римскихъ юридическихъ воззрѣній. Съ этого времени конкубинатъ, какъ самостоятельная форма супружескаго сожитія, формально отличался отъ брака только тѣмъ, что ему не предшествовало торжественное обрученіе, не было одаренія невѣсты приданымъ и наконецъ онъ не влекъ за собой по расторженію тѣхъ правовыхъ послѣдствій, что бракъ. Но насколько въ народныхъ понятіяхъ признаки эти не были существенны слѣдуетъ уже изъ того, что конкубинатъ путемъ трехлѣтней давности могъ превращаться въ настоящій бракъ. Во всякомъ же случаѣ конкубинатъ не считался позорнымъ сожительствомъ.

Далѣе, преобладаніе реальнаго элемента въ бракѣ при полномъ отсутствіи соглашенія волей дѣлало возможнымъ явленіе многоженства у германскихъ народовъ. Правда, по свидѣтельству Тацита германцы общимъ началомъ допускали только моногамію и что лишь лица высокаго положенія ради своего достоинства держали при себѣ нѣсколькихъ женъ. Но, просматривая памятники (саги, Адамъ Бременскій) сѣверныхъ германскихъ племенъ, мы должны допустить, что полигамія въ древнѣйшія времена была среди нихъ общимъ явленіемъ. Дошедшіе до насъ древнѣйшіе скандинавскіе законы христіанскаго періода заняты постояннымъ запрещеніемъ держать двухъ женъ. Позднѣе, познакомившись съ отношеніемъ наложничества, германцы мирились съ моногаміей тѣмъ, что возводили одну изъ сожительницъ въ жены, а другихъ держали въ качествѣ наложницъ. Поддерживать всегдашнюю моногамію у германскихъ племенъ, опираясь на свидѣтельство Тацита, могутъ лишь тѣ германскіе писатели, которые навязываютъ своимъ предкамъ современный этическій взглядъ на бракъ. Разъ же этическаго элемента не замѣчается, а весь смыслъ брака состоялъ въ физическомъ сожительствѣ съ женщиной, купленной для этой цѣли помимо ея согласія, то ничто не мѣшало при одной женѣ брать себѣ другую и т. д.

Наконецъ, важнѣйшимъ выводомъ изъ развитаго смысла германскаго брака была полнѣйшая свобода расторгать его. Правда, весьма трудно въ настоящее время отыскать основныя начала германскаго обычнаго права о разводахъ, такъ-какъ письменные памятники этого права принадлежатъ къ такому періоду, когда первоначальный строй германской жизни потерпѣлъ много измѣненій и допустилъ вліяніе чуждыхъ элементовъ. Мы можемъ только предполагать эти начала. Такъ, по смыслу семейной организаціи воспользоваться правомъ развода первоначально могъ только одинъ мужъ. Жена, какъ подпадавшая мужней власти, съ своей стороны этого права имѣть не могла. По бургундскому своду жена, оставившая своего мужа, подлежала утопленію въ болотѣ. Только въ нѣкоторыхъ германскихъ сводахъ (Вестготскомъ, Лонгобардскомъ, Валисскомъ) упомянуты причины дозволеннаго оставленія женою мужа; причины эти заключаются или въ неисполненіи мужемъ назначенія брака, сожительства, или въ совершеніи мужемъ извѣстнаго рода преступленія, за которое отъ него въ наказаніе отбиралась власть надъ женой. Но по весьма вѣроятному предположенію эти постановленія были уже позднѣйшаго происхожденія, такъ-что первоначально германская жена никоимъ образомъ не имѣла права отвергать своего мужа. Что же касается права отвергать женъ, то мужья не были связаны никакимъ основаніемъ. По законамъ аллемановъ мужъ могъ отвергнуть свою жену, прямо объявивъ, что не находитъ въ ней никакихъ пороковъ, а оставляетъ ее ради любви къ другой женщинѣ. Въ другихъ законахъ право отвергать женъ упоминается безъ всякихъ оговорокъ.

Все это едва-ли могло выработать твердыя основы брака, скрѣпить его, какъ скоро первоначальный бытовой строй началъ уступать мѣсто болѣе сложнымъ жизненнымъ отношеніямъ особенно въ переходномъ состояніи общества отъ общиннаго быта къ государственному. Мы видѣли, что всѣ условія, поддерживавшія въ чистотѣ описанныя отношенія между супругами,—а этими отношеніями только и скрѣплялась семья,—лежали въ родовой организаціи. Когда же съ окончательною осѣдлостію и подъ вліяніемъ римской культуры стала развиваться среди германскихъ племенъ государствен-

ность, то родовая организація начала терять свое непосредственное значеніе, родовыя связи ослабѣвать, за семьей, однимъ словомъ, остался только частно-гражданскій характеръ. При распаденіи же родоваго быта германская женщина необходимо получала болѣе самостоятельное положеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ начиналась ея эмансипація изъ-подъ безличнаго положенія предъ остаткомъ родовой власти. Отдѣльные признаки ослабленія пожизненной половой опеки будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ; теперь же скажемъ только, что германское право начинаетъ предоставлять самимъ женщинамъ опекунскую власть. Такъ, законы Визиготовъ, Бургундовъ даютъ вдовѣ опеку (mundium) надъ несовершеннолѣтними дѣтьми. Возвышенію женщины много способствовало и тѣсное соприкосновеніе нѣкоторыхъ германскихъ племенъ съ началами частнаго римскаго права, вліяніе котораго на такъ называемые Leges Barbarorum нельзя отрицать никоимъ образомъ. По всѣмъ этимъ причинамъ на германскомъ бракѣ должны были бы повториться всѣ явленія позднѣйшаго римскаго брака. Но если германскій бракъ не выродился вполнѣ въ бракъ римскій послѣдняго языческаго періода, то отчасти потому, что вліявшее на него римское семейное право было въ значительной степени уже подвергнуто христіанскому направленію (въ законахъ особенно франкскихъ королей сплошь да рядомъ передаются конституціи христіанскихъ императоровъ), а въ общемъ потому, что съ первыхъ шаговъ къ новому быту германцы приняли христіанство, представители котораго, какъ всѣмъ извѣстно, стремились влiять направляюще на ихъ жизнь. Церковь же въ своихъ стремленіяхъ скрѣпить брачный союзъ не только не расшатывала, но еще поддерживала тѣ начала изъ древняго обычнаго германскаго права, которыя способны были скрѣпить этотъ союзъ. Но, разумѣется, вліянія эти не могли проникнуть въ жизнь вдругъ, или съ ослабленіемъ родовой организаціи немедленно замѣщать своими новыми воззрѣніями необходимыя логическія послѣдствія отъ такого ослабленія. Поэтому въ переходномъ періодѣ мы замѣчаемъ признаки сильнаго разложенія брачныхъ отношеній. Отъ первыхъ временъ христіанской Германіи мы имѣемъ въ хроникѣ Григорія Турскаго крайне тяжелую картину семейнаго разложенія и обществен-

ной безправственности. Тутъ встрѣчаемъ и отверженіе женъ для любовницъ и невѣрность супругъ, къ тому же убивающихъ съ любовниками своихъ мужей и т. п. Однимъ словомъ вся исторія Меровинговъ представляетъ одну скандальную хронику. Изъ періода же Карловинговъ намъ извѣстна распущенность двора Карла Великаго; мы знаемъ, что самъ онъ и дочери его вели самую развратную жизнь, плодили побочное потомство; причемъ по одной легендѣ Карлъ весьма легко относился къ такому поведенію дочерей. Другихъ примѣровъ не привожу. Скажу только, что всѣ эти явленія въ брачной жизни,—явленія новыя сравнительно съ тацитовой Германіей,—были необходимымъ послѣдствіемъ того лишь физическаго характера отношеній между полами, которыя мало-по-малу выродились въ чувственность, когда уже не было для содержанія ея прежней родовой дисциплины, а вліяніе этическихъ началъ христіанства было еще очень слабо.

Посмотримъ теперь, какимъ путемъ прокладывалось вліяніе этихъ новыхъ началъ въ германскомъ бракѣ. Въ общемъ слѣдуетъ сказать, что вліяніе это пробивало себѣ путь крайне медленно; только съ Тридентскаго собора (1545—1563 г.) можно считать болѣе или менѣе полное выраженіе христіанскаго взгляда на бракъ въ германскомъ обществѣ. Далѣе этого періода мы и не пойдемъ, такъ-какъ на немъ заканчивается полное противоположеніе новыхъ началъ (элементовъ брака) прежнимъ въ брачномъ институтѣ, а слѣдовательно для нашей цѣли нѣтъ надобности въ томъ, чтобы прослѣдить всѣ оттѣнки, которые пріобрѣли эти начала въ ученіи и жизни различныхъ религіозныхъ системъ, на которыя распался со временъ реформаціи германскій міръ.

Прежде всего мы замѣчаемъ старанія церкви, а за ней и свѣтской власти установить строго моногамическую форму супружескихъ отношеній. Въ этомъ смыслѣ работали соборы и капитуляріи (наприм. Лотаря 835 г.), запрещавшія имѣть двухъ женъ или рядомъ съ женой еще наложницу.

Далѣе, относительно признаковъ брачной связи замѣчается стараніе внести въ германскій бракъ новый элементъ, заимствованный изъ римскаго права, а именно—элементъ соглашенія волей; общимъ началомъ каноническаго права выставляется положеніе, что согласіе основываетъ бракъ (consensus facit nuptias). Форма для выраженія этого согласія была безразлична: будетъ ли согласіе выражено даже въ знакахъ, чрезъ представителя и т. п., оно считалось по каноническому праву на столько существеннымъ признакомъ брака, что при отсутствіи его бракъ считался несостоявшимся. Согласно такому началу соборы, а за ними капитуляріи, объявили бракъ похитителя съ похищенной имъ недѣйствительнымъ. Не менѣе того становилась въ противорѣчіе съ этимъ новымъ направленіемъ купля женъ, какъ способъ установленія брака. Впрочемъ на отмѣну купли-продажи женъ вліяли главнымъ образомъ общія причины ослабленія родовой организаціи. Во всякомъ случаѣ что бы ни было главной причиной отмѣны купли-продажи женъ въ первоначальномъ его смыслѣ она открывала путь брачному соглашенію. У нѣкоторыхъ германскихъ племенъ купля очень рано превратилась въ простой символическій актъ. Такъ, у салическихъ франковъ она выражалась въ передачѣ монеты (solido et denario) и эту формальность замѣчаемъ уже при бракосочетаніи Клодвига съ Клотильдой. У другихъ племенъ купля вышла изъ обыкновенія нѣсколько позднѣе, но во всякомъ случаѣ въ Зерцалахъ (Саксонскомъ и Швабскомъ) о ней уже не упоминается вовсе.

Далѣе, элементъ соглашенія волей вступающихъ въ бракъ необходимо устранялъ прежнее право произвольнаго распоряженія судьбою подвластныхъ со стороны домовладыкъ. Церковь послѣдовательно проводила это начало. Такъ, хотя древнѣйшіе каноны и предписывали дѣтямъ испрашивать у родителей согласіе на бракъ, но только въ знакъ должнаго къ нимъ почтенія, и никогда западная церковь не дозволяла оспаривать браки, заключенные безъ такого согласія; на Тридентскомъ же соборѣ было постановлено прямо, что бракъ, заключенный безъ согласія родителей,—дѣйствителенъ. Въ свѣтское законодательство это начало могло проникнуть

лишь съ постепеннымъ ослабленіемъ семейной власти надъ женщиной. Совершенно лишне приводить по множеству племенныхъ и мѣстныхъ законовъ всѣ признаки этого ослабленія родовой власти и признанія за невѣстой права личнаго согласія на бракъ,—укажемъ только на нѣкоторые изъ этихъ признаковъ. Такъ, по законамъ лонгобардскимъ и вестготскимъ требовалось, чтобы замужъ выдавались дѣвушки и вдовы не противъ воли, а съ ихъ согласія. По салическимъ законамъ опекунъ (manbour) надъ совершеннолѣтней женщиной могъ быть присужденъ судьею къ согласію на ея бракъ и наоборотъ не имѣлъ права принуждать къ принятію мужа противъ воли. Изъ этого мало-по-малу выработалось такое явленіе, что въ сговорное соглашеніе вступала уже сама невѣста. За властителемъ же осталось лишь право на согласіе. Но и это согласіе со временемъ перестало считаться необходимымъ условіемъ для дѣйствительнаго брака. У нѣкоторыхъ германскихъ племенъ (напримѣръ Саксовъ) уже рано была признана дѣйствительность брака, заключеннаго безъ согласія домовластителя. По Швабскому Зерцалу предоставлялось совершеннолѣтнимъ сыну и дочери право вступать въ бракъ противъ воли ихъ родителей. Наконецъ, по нѣкоторымъ мѣстнымъ средневѣковымъ законамъ (наприм. Мюльгаузскій Статутъ) общимъ началомъ постановлялось, что каждая совершеннолѣтняя женщина могла сама себѣ брать мужа. Такимъ образомъ при вступленіи въ бракъ женщина уже могла вовсе обойтись безъ согласія третьихъ лицъ,—родителя, родственниковъ. Но слѣды прежняго семейнаго авторитета при выдачѣ замужъ долго еще сказывались въ послѣднихъ случаяхъ вступленія въ бракъ безъ согласія семейнаго главы, а именно въ томъ, что вышедшая такимъ образомъ замужъ лишалась или всего своего имущества (Тюрингское право) или только правъ наслѣдованія въ своей семьѣ (Вестготское, Лонгобардское, Дитмарское и даже еще Фрейбургское отъ 17-го вѣка). Конечно, рано или поздно эти слѣды прежнихъ отжившихъ отношеній должны были исчезнуть и дѣйствительно уже въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ правахъ 13-го вѣка, какъ наприм. Гамбургскаго городскаго права отъ 1270 года, не было болѣе рѣчи о какихъ-либо имущественныхъ убыткахъ для дѣвушки, вышедшей замужъ

безъ согласія родителей, если только она имѣла не менѣе 16-ти лѣтъ.

Все сказанное о брачномъ элементѣ соглашенія волей касается формальнаго условія дѣйствительнаго брака. Въ упорномъ проведеніи его въ качествѣ необходимаго условія для брака сказывалось лишь новое направленіе во взглядахъ на брачную связь. Но нельзя думать, что въ семейномъ германскомъ быту семейный авторитетъ потерялъ уже всякое вліяніе на бракосочетаніе членовъ семьи. Мы знаемъ массу примѣровъ, когда, особенно въ высшихъ слояхъ общества, родители сватали своихъ еще несовершеннолѣтнихъ дочерей. Далѣе, въ церемоніяхъ сватовства, какъ онѣ подробно описаны намъ у дитмарскаго хрониста (Іоаннъ Адольфи), элементъ соглашенія брачущихся не выступаетъ на первый планъ. Сватовство происходитъ предъ родственниками и отъ нихъ получается согласіе или отказъ; о согласіи же самой невѣсты при этомъ не говорится вовсе. Позднѣе только, когда сватовство жениха уже принято родственниками невѣсты, слѣдовала церемонія формальнаго заявленія со стороны обоихъ брачущихся о своемъ согласіи на бракъ. Такимъ образомъ на самомъ дѣлѣ брачное соглашеніе могло и не выражать настоящей воли вступающихъ въ бракъ, пока семейная глава успѣвала поддержать свой традиціонный авторитетъ въ этихъ дѣлахъ. Но какъ-бы долго не имѣлъ элементъ соглашенія только формальнаго значенія въ большинствѣ случаевъ, но разъ поставленный въ качествѣ необходимаго условія всякаго брака, онъ рано или поздно долженъ былъ получить въ жизни свое прямое значеніе; подчиненные члены семьи должны были сознать, что только ихъ непосредственная воля способна установлять бракъ и при отсутствіи ея ничья другая воля не можетъ замѣнить ее.

Спрашивается теперь, какое же значеніе имѣетъ этотъ элементъ соглашенія на установленіе брака? При томъ чисто реальномъ значеніи, которое придавалось брачной связи по основнымъ германскимъ воззрѣніямъ, нельзя было ожидать, чтобы вновь выставленный элементъ соглашенія въ состояніи былъ заслонить собою внѣшніе признаки физическаго

элемента. И дѣйствительно, одна формальность соглашенія не творила еще брака, для котораго требовался еще фактъ супружеской жизни (copula carnalis). Внѣшніе признаки послѣдняго еще долго въ средніе вѣка ясно выставляются въ брачныхъ церемоніяхъ. Такъ, по Саксонскому и Швабскому Зерцаламъ молодая становилась супругой (Genossin) лишь со вступленія въ постель съ мужемъ. Въ описаніяхъ брачнаго пира говорится, что по пришествіи невѣсты въ домъ жениха начинается танецъ, послѣ котораго молодые кладутся въ постель и благословляются въ ней старѣйшимъ изъ шаферовъ рукояткою меча.

Такимъ образомъ для дѣйствительности брака требовалось два условія (элемента): соглашеніе волей и сожитіе. Спрашивается теперь: имѣло ли первое изъ нихъ, соглашеніе, какую либо предписанную форму выраженія? Само собою разумѣется, что обычныя церемоніи бракосочетанія юридическаго характера не имѣли, а съ другой стороны по прямому положенію каноническаго права для вступленія въ бракъ считалось достаточнымъ даже неформальнаго соглашенія невѣсты и жениха. Такимъ образомъ, когда отпали прежнія формальности покупки женъ и передачи ихъ мужьямъ, чѣмъ констатировалось вступленіе въ бракъ, то съ постепеннымъ ослабленіемъ половой опеки терялись всѣ внѣшніе признаки состоявшагося брака. Однимъ словомъ, брачное соглашеніе могло выразиться только въ сожитіи и тѣмъ установить бракъ. Такимъ путемъ появились на Западѣ такъ называемые тайные браки (matrimonia clandestina), признаваемые вполнѣ дѣйствительными, коль скоро сожитіе основано на свободномъ соглашеніи. Браки такіе носили названіе sponsalia de praesenti (когда обрученіе и бракъ совпадали, почему одно обрученіе въ отличіе отъ брака называлось sponsalia de futuro), крайне трудно различались отъ простаго наложничества и вообще поощряли безнравственность, такъ-какъ иски по такому сожительству подлежали доказыванію только съ большимъ трудомъ. По свидѣтельству Лютера въ его время весьма обыкновеннымъ явленіемъ была бигамія. Вступленіе въ бракъ не отмѣчалось никакими обязательными внѣшними признаками, а потому часто лишенное всякаго доказатель-

ства открывало возможность заключать новый бракъ при живомъ супругѣ. Разумѣется, духовная и свѣтская власти рано должны были замѣтить неудобство неформальныхъ бракосочетаній, и вотъ соборы, а за ними и капитуляріи (Карла Великаго отъ 802 года), часто убѣждали заключать браки путемъ публичнымъ и съ церковнаго благословенія, но долго не отрицали дѣйствительности совершенно неформальныхъ браковъ. Кромѣ того и самое церковное благословеніе долго было лишено всякаго юридическаго значенія; иначе говоря,—разсматривалось лишь какъ освященіе заключаемаго инымъ способомъ брака и даже примѣнялось послѣ уже выполнившагося сожитія, а именно на слѣдующее утро и даже позднѣе. Такъ, напримѣръ, Людовикъ IX приказалъ дать церковное благословеніе браку одной изъ своихъ дочерей по истеченіи восьми дней отъ вступленія въ него. Послѣ нѣкоторыхъ попытокъ (наприм. на Зальцбургскомъ Соборѣ 1420 года) обязать къ испрашиванію благословенія до сожитія, рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ на соборѣ Тридентскомъ; тутъ было положено считать внѣшнія религіозныя церемоніи,—оглашеніе, благословеніе брака церковью и т. д.—за существенныя условія самой дѣйствительности брака. Отнынѣ церковное дѣйствіе было уже актомъ самого заключенія брака, а уже не благословеніе состоявшагося. Во Франціи, гдѣ постановленія этого собора никогда не были опубликованы, данное положеніе получило силу закона чрезъ Ordonnance de Blois 1576-го года.

Съ этого положенія Тридентскаго Собора соглашеніе сторонъ, выраженное во внѣшнихъ признакахъ, хотя и разсматривается формою и содержаніемъ таинства брака, но для дѣйствительности этого соглашенія и годности его произвесть настоящій бракъ требовалось примѣненіе церковныхъ обрядностей. Отнынѣ Церковь признаетъ единою дозволенною формою супружескаго сожитія лишь бракъ и осуждаетъ окончательно всякую иную форму сожительства лицъ разнаго пола. Особенное значеніе это имѣетъ по отношенію къ конкубинату.

Конкубинатъ, заимствованный изъ римской жизни, долго остается въ обыкновеніи среди германскихъ народовъ и даже

признается помѣстными соборами. Въ капитуляріяхъ франкскихъ королей запрещается держать конкубинъ или вообще содержанокъ (pellices) только женатымъ людямъ, на холостыхъ же это запрещеніе не распространяется. Источники девятаго, десятаго и даже двѣнадцатаго вѣка свидѣтельствуютъ о всеобщемъ обыкновеніи такого сожительства. Нерѣдко сами короли живутъ съ конкубинами (наприм. Карлъ Лысый). Борьба Церкви противъ конкубината выразилась въ массѣ соборныхъ постановленій, запрещавшихъ этотъ родъ сожительства сначала для духовныхъ только лицъ (Базельскій соборъ 1431 года), а затѣмъ и для всѣхъ остальныхъ (пятый Латеранскій соборъ 1516 года), пока окончательно на Тридентскомъ соборѣ конкубинатъ не былъ названъ тяжкимъ грѣхомъ (grave peccatum), а живущіе въ немъ объявлены подлежащими церковному отлученію. На ряду съ этими постановленіями Церковь старалась искоренить конкубинатъ и другими средствами: она объявляла наложничество за законный бракъ,—по каноническому праву выполнившееся сожитіе (copula carnalis) творило по предположенію бракъ (matrimonium praesumtum),—или насильно обвѣнчивала живущихъ въ подобной связи, примѣняя нѣкоторыя отличительныя, позорныя формальности (кольце изъ соломы и т. п.).

Стремясь къ освѣщенію брака церковнымъ благословеніемъ и возведенію его въ таинство, церковь, а за нимъ и свѣтское законодательство должны были позаботиться о томъ, чтобы придать брачному союзу характеръ нерасторжимости и это тѣмъ болѣе было необходимо, что съ распаденіемъ родовой организаціи при новомъ брачномъ элементѣ,—согласіи волей, теперь только и устанавливавшемъ бракъ,—стало нѣсколькими основаніями болѣе для разводовъ. Такъ, выше мы видѣли, что въ древнѣйшемъ германскомъ быту бракъ могъ быть расторгнуть только мужемъ, отвергавшимъ свою жену. Съ новымъ началомъ, что обоюдное согласіе рождаетъ бракъ и при позднѣйшемъ упадкѣ половой опеки становится возможнымъ разводъ уже не только по взаимному согласію супруговъ (см. напр. въ формулѣ Маркульфа), но и по отверженію мужа женою. Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ

сводахъ (напр. Брюнскомъ) предоставлялось женѣ право отвергать мужа (licentiam dat ei lex repudio uti) въ тѣхъ же почти случаяхъ, что и мужу. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ данный періодъ мыслимъ разводъ по обоюдному согласію и одностороннему отверженію каждаго изъ супруговъ другимъ. Въ чемъ же выражалось ограниченіе этихъ разводовъ? Уже въ первыхъ сводахъ германско-римскаго права замѣчаются признаки ограниченій произвола въ отверженіяхъ мужемъ жены. Характеръ этихъ ограниченій первоначально былъ тотъ-же, что и первыхъ ограниченій разводовъ въ римскомъ правѣ: сами отверженія не объявлялись ничтожными, а только вели за собой извѣстныя взысканія. Такъ бургундскій сводъ дозволяетъ мужу отвергнуть жену, если онъ уплатитъ ей двойную брачную плату и 12 sol. пени. Однако другому положенію мужъ обязывается покинуть домъ и предоставить все свое состояніе женѣ и дѣтямъ. По Вестготскому своду мужъ, отвергнувшій жену безъ уважительной причины, возвращалъ ей все ея частное имущество, а кромѣ того обязывался предоставить все свое состояніе дѣтямъ, а за неимѣніемъ ихъ—женѣ-же. Безнаказанное отверженіе супруга допускалось въ древнихъ сводахъ, капитуляріяхъ и позднѣйшихъ мѣстныхъ законахъ только по опредѣленнымъ причинамъ (невѣрность, убійство, занятіе магіей, оскверненіе гробницъ и т. п.), причемъ нерѣдко опредѣленія эти были повтореніемъ законовъ римскихъ христіанскихъ императоровъ (напр. въ эдиктѣ Теодориха). Но и въ дозволенныхъ случаяхъ отверженій папскія декреталіи, а за ними имперскіе законы стремились провести начало нерасторжимости брака. Однако полное признаніе этого начала совершилось не вдругъ. Еще Пипинъ Короткій въ капитуляріи отъ 752 года, дозволяя отвергать въ опредѣленныхъ случаяхъ женъ, не запрещалъ вступленіе во вторичный бракъ. Впервые нерасторжимость брака окончательно провозглашена Карломъ Великимъ; по смыслу его капитуляріи 789 г. супруги, разойдясь, не могли вступать въ новый бракъ. Преемники Карла продолжали издавать законы о разводахъ въ томъ же духѣ.

Конечно, во всѣхъ этихъ постановленіяхъ выражалось только направленіе, которое Церковь пыталась провести въ

вопросѣ о бракахъ, но осилить обычное отношеніе къ нему она долго была не въ состояніи. Мы знаемъ, что самъ Карлъ Великій бралъ послѣдовательно трехъ женъ при жизни прежнихъ. Затѣмъ въ XI и XII вѣкахъ разводы были во всеобщемъ примѣненіи. По свидѣтельству современныхъ источниковъ сеньёры отвергали своихъ женъ по произволу. Король французскій Филиппъ-Августъ былъ принужденъ проклятіемъ Иннокентія III принять къ себѣ первую жену Берту, оставленную имъ для второй—Агнесы. И т. д. Съ постепеннымъ усиленіемъ вліянія Церкви въ жизни проникало въ нее и начало нерасторжимости брака, такъ-что еще за долго до Тридентскаго собора мы видимъ это начало всеобще-признаннымъ на Западѣ.

Торжество этическаго элемента христіанскаго брака отодвигало на второй планъ реальный элементъ супружескихъ отношеній. Мало того, подобно тому, какъ это было въ первоначальной общинѣ христіанской, крайность христіанскаго спиритуализма стала выражаться на Западѣ въ духовныхъ бракахъ, когда супруги никогда не знаютъ другъ друга. Кромѣ того, проявляются обычаи различныхъ воздержаній супружескихъ во славу церковную. Такъ, извѣстенъ обычай воздержанія въ первую ночь, извѣстны убѣжденія духовенства воздерживаться въ воскресные и прочіе праздники и т. д. Однимъ словомъ, замѣчается стремленіе внести въ супружескія отношенія духъ цѣломудрія, чуждый прежнему браку, основанному на частномъ соглашеніи волей и имѣвшему цѣлью, назначеніемъ, выполнить лишь физическій его элементъ. Мало того, послѣдній теперь допускался лишь какъ одна изъ сторонъ брачнаго общенія и самъ по себѣ подлежалъ осужденію и даже преслѣдованію. Извѣстно, какому страшному гоненію подъ вліяніемъ католическаго духовенства подвергалась въ средніе вѣка проституція. Развратныхъ женщинъ отмѣчали иногда даже внѣшними признаками; напр. по Гамбургскому статуту отъ 13-го вѣка имъ воспрещалось носить извѣстныя одѣянія и украшенія. По обращенію съ ними онѣ уподоблялись полнымъ паріямъ; ихъ изгоняли изъ городовъ, подвергали по произволу наказаніямъ, иногда изувѣчивающимъ и т. п.

Согласно стремленію внести въ бракъ элементъ этическій мало-по-малу сложились на новыхъ началахъ и взаимныя отношенія супруговъ, чему могло способствовать постепенное ослабленіе половой опеки. По нѣкоторымъ мѣстнымъ правамъ (напр. Дитмарскому) прямо объявлялось, что женщина, бывшая разъ замужемъ,—сама себѣ опекунъ. Если же въ другихъ половая опека еще и упоминается (напр. въ Саксонскомъ правѣ), то единственнымъ ея выраженіемъ будетъ внѣшнее представительство мужемъ жены, какъ-то: веденіе за нее въ судѣ процессовъ въ качествѣ истца или отвѣтчика (Гамбургское право); однимъ словомъ, прежняя опека мужа надъ женой выражается теперь лишь въ процессуальномъ представительствѣ. Такое ослабленіе прежней мужней власти (mundium) въ результатѣ должно было свести супружескія отношенія съ личной и имущественной стороны вмѣсто прежняго односторонняго подчиненія жены мужу ко взаимному общенію. Теперь уже жена перестала быть «дочерью» своего мужа и сдѣлалась его сотоварищемъ (Genossin). Однимъ словомъ, жена по своему положенію въ семьѣ постепенно уравнивается съ мужемъ, какъ это общимъ началомъ и выражено въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ законахъ (Фрейбургскій статутъ отъ 12-го вѣка). Какъ мужъ былъ хозяиномъ въ домѣ, такъ теперь жена возвышается до положенія хозяйки. Что касается взаимныхъ отношеній между супругами, то, разумѣется, за ослабленіемъ прежней опеки не могло быть прямаго перехода къ полной самостоятельности жены предъ лицомъ мужа. Опека замѣняется понятіемъ мужняго главенства, т. е. въ распоряженіи общежитіемъ преобладающее вліяніе—на сторонѣ мужа. Главенство это во всѣ средніе вѣка считалось необходимымъ признакомъ всякаго брачнаго сожитія, такъ-что вдова, освобождавшаяся съ прекращеніемъ половой опеки отъ всякой власти, подпадала ей снова съ выходомъ замужъ (напр. Мюльгаузскій статутъ). Посмотримъ теперь: въ какихъ признакахъ выражалось это главенство во взаимныхъ отошеніяхъ супруговъ съ личной и имущественной стороны?

Во имя того авторитета, который предоставлялся мужу въ семьѣ бракомъ, онъ пріобрѣталъ извѣстныя права надъ

лицемъ жены. Само собою разумѣется, что объемъ этихъ правъ по разнымъ мѣстнымъ законамъ стоитъ въ зависимости отъ того, насколько основное воззрѣніе древняго германскаго общества на служебное положеніе жены оставляло въ этихъ законахъ свои слѣды. Такъ въ Зерцалахъ Саксонскомъ и Швабскомъ и другихъ средневѣковыхъ сводахъ мужъ носитъ названіе господина жены (Meister, Vogt). Еще въ XIII вѣкѣ упоминаются церемоніи, разрѣшающія выходящую замужъ изъ подъ власти отца (per manus traditio) и пріобщающія ее подъ власть мужа (in manus accipere. Напр. Мюльгаузскій статутъ). Въ швабской брачной формулѣ отъ 12-го вѣка при передачѣ невѣсты прежній ея властитель убѣждалъ жениха быть ей «справедливымъ и милостивымъ господиномъ.» Принятіе же жены подъ господство выражалось въ наступленіи на ногу невѣсты, позднѣе—въ передачѣ башмака. Съ постепеннымъ уничтоженіемъ половой опеки теряетъ свой смыслъ брачная церемонія, выражающая такую непосредственную преемственность во власти надъ женой отъ ея родственниковъ, но въ брачной символикѣ за всѣ средніе вѣка сохранились слѣды такой передачи невѣсты въ господство мужу. Но уже въ самой этой символикѣ исчезаютъ мало-по-малу признаки продолженія мужемъ прежней семейной власти надъ невѣстой, а съ другой—признаки односторонняго подчиненія жены подъ полное господство мужа. Церемонію передачи невѣсты начинаютъ выполнять посторонція лица (избранные опекуны), причемъ не упоминается болѣе о мечѣ, шляпѣ и плащѣ, какъ прежнихъ аттрибутахъ мужней власти на жизнь и смерть. Мало того, посредникъ, передавая невѣсту жениху, начинаетъ вносить въ эту церемонію формальности и обратной передачи жениха невѣстѣ; такъ-что смыслъ всего этого—уже въ томъ, что посредникъ только сговариваетъ и сводитъ брачущихся, иногда еще поучая ихъ высокому нравственному значенію брачнаго акта.

Изъ всего сказаннаго мы можемъ заключить, что съ одной стороны во всѣ средніе вѣка мужнее главенство считалось необходимымъ признакомъ брачнаго общенія; съ другой стороны,—что это главенство не могло быть уже преж-

нимъ одностороннимъ господствомъ надъ служебнымъ ему лицемъ, такъ-какъ въ отношеніяхъ супружескихъ замѣчается уже этическій признакъ.—Насколько главенство мужа было нераздѣльно съ идеей брачной связи по народному представленію, лучше всего свидѣтельствуютъ различныя мѣстныя обычныя права, по которымъ мужу предписывалось сохранять въ семьѣ свое главенство, а подпавшій подъ господство жены, позволившій ей бранить или бить себя, подлежалъ разнымъ взысканіямъ, или позорной выставкѣ, напр. въ торжественномъ шествіи на ослѣ лицемъ къ хвосту и т. д.—Далѣе, я указалъ, какъ постепенно исчезала идея одностороннего полнаго господства мужа надъ женой, идея лишь служебнаго ея положенія, и мало по-малу за брачнымъ общеніемъ признавался этическій характеръ. По мѣрѣ признанія послѣдняго элемента мужъ, подобно женѣ, теряетъ право вполнѣ свободно распоряжаться собою. Жена получаетъ право на брачное общеніе съ мужемъ, а потому, напримѣръ, можетъ воспрепятствовать его вступленію въ монастырь; согласіе же свое она выражала въ томъ, что держала голову мужа при тонзурѣ. Затѣмъ, этическое воззрѣніе на бракъ ясно сказалось и въ томъ, что жена, обязуясь по прежнему къ вѣрности мужу, получила право требовать ея и отъ него. Впервые этотъ взглядъ сказался уже въ Весттотскомъ сводѣ, и только въ немъ одномъ изъ числа всѣхъ остальныхъ варварскихъ сводовъ. Позднѣе-же, напр. по Гамбургскому городскому праву отъ 13-го вѣка невѣрный мужъ могъ подлежать довольно тяжкому наказанію. Тотъ-же характеръ замѣчаемъ мы и въ ограниченіяхъ мужней власти надъ лицомъ жены. Мы знаемъ, что почти всѣ германскія средневѣковыя права предоставляютъ мужу исправлять жену наказаніемъ (напр. Гамбургскій статутъ). По выраженію нѣкоторыхъ мѣстныхъ законовъ мужъ, который билъ свою жену розгой или палкой, не нарушалъ тѣмъ мира. Но, предоставляя мужу наказывать жену, германскія права теперь уже обращаютъ вниманіе на супружескую любовь (affectio maritalis), которая исключаетъ изъ этой функціи мужняго главенства вообще жестокое обращеніе съ женой. Теперь уже жена не обязывалась терпѣть худаго обращенія, а могла оставить по этой причинѣ мужа; по нѣкоторымъ же мѣст-

нымъ правамъ (напр. Гамбургскому) мужъ за худое обращеніе съ женою подвергался и другимъ наказаніямъ; отъ него напр. отбиралось право распоряженія надъ имуществомъ жены. Да и въ самомъ наказаніи виновной жены мужу предписывалось соблюдать умѣренность; по нѣкоторымъ законодательствамъ ему запрещалось ее изувѣчивать или заколачивать до смерти (напр. Нормандское право, Beaumanoir); причемъ наказаніе за убіеніе жены теперь уже опредѣляется не денежнымъ штрафомъ, какъ въ древнѣйшихъ сводахъ, а смертною казнью (Гамбургское право). Однимъ словомъ, въ отношеніяхъ мужа къ женѣ исчезаетъ идея полнаго произвольнаго распоряженія ея лицомъ. Поэтому же въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ правахъ сама явная невѣрность жены лишала мужа права убить ее вмѣстѣ съ любовникомъ.

Таковы были личныя отношенія между супругами по тѣмъ новымъ признакамъ, которые мы находимъ въ опредѣленіяхъ позднѣйшихъ средневѣковыхъ правъ. Само собою разумѣется, что приведенныя начала изъ различныхъ мѣстныхъ правъ имѣютъ лишь настолько значенія, насколько въ нихъ проявляются проблески новыхъ, чисто этическихъ, воззрѣній на личныя супружескія отношенія; но повторяю,—всѣ эти признаки выбраны изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ и поэтому не могутъ выдаваться за всеобще-признанныя начала въ средневѣковой германской жизни; они—только логически необходимыя послѣдствія распаденія родовой организаціи (половой опеки и т. п.) и вліянія нравственныхъ ученій; но, разумѣется, основныя воззрѣнія германскія на бракъ могли измѣняться только постепенно, замедляя вліяніе нравственныхъ идей. Поэтому, на ряду съ указанными признаками личныхъ супружескихъ отношеній, мы находимъ въ различныхъ мѣстныхъ правахъ и жизненныхъ явленіяхъ совершенно имъ противное. Такъ, часто высказывается требованіе, чтобы жена была вѣрна мужу, и умалчивается о вѣрности мужа. Иногда отголоскъ служебнаго положенія жены къ мужу выражается въ суровыхъ наказаніяхъ невѣрной жены: ее предоставляется мужу убить, въ иныхъ мѣстностяхъ ее осуждаютъ на погребеніе живьемъ, а самое малое наказаніе состояло въ пожизненномъ заточеніи въ монастырѣ. За-

тѣмъ, обращеніе мужа съ женой далеко не отличалось любовью. Такъ, рыцарь,—этотъ представитель романтизма,—служа дамѣ сердца, обращался обыкновенно съ женою, какъ съ служанкой, не останавливаясь даже передъ побоями. Стоитъ прочесть похожденія какого-нибудь Ульриха фонъ-Лихтенштейна, чтобы понять, насколько жена не вышла еще изъ роли простаго служебнаго предмета. Рыцарь, посвящая всю свою дѣятельность на достиженіе благосклонности (далеко не платонической) своей дамы сердца, только наѣздами посѣщаетъ жену. Соотвѣтственно своему назначенію опредѣлялись и идеальныя качества германской женщины въ средніе вѣка. Отъ нея требовались качества хорошей домоправительницы. Она предназначалась сидѣть дома, часто даже въ особыхъ помѣщеніяхъ (женской половинѣ, genicium или screona) и собственноручно заниматься работой: ткать, прясть, кроить одежду мужьямъ и дѣтямъ, наблюдать за кухней и погребами. На поясѣ такой хозяйки висѣли: связка ключей, ножницы и веретено. Разводъ выражался формально между прочимъ въ томъ, что отъ жены отбирались ключи. Замкнутость ея въ домѣ доходила до того, что даже во время обѣда не было ей сообщенія съ мужчинами, а получала она пищу на женской половинѣ. Но не всегда и не во всѣхъ слояхъ средневѣковаго общества были одинаковы послѣдствія служебнаго положенія женщинъ. Описанныя качества и образъ жизни женщинъ предполагаютъ еще сравнительную чистоту нравовъ; но разъ начинаетъ развиваться чувственность мужчинъ, не сдерживаемая никакимъ нравственнымъ семейнымъ началомъ,—то женщина получаетъ преимущественное назначеніе служить простымъ предметомъ мужскаго сластолюбія и тѣмъ подготовляется ея полная деморализація. Въ числѣ такихъ жизненныхъ благъ, какъ хорошія лошади, платье, пища, Ульрихъ фонъ-Лихтейнштейнъ помѣщаетъ и прекрасныхъ женщинъ. Составляется опредѣленный идеалъ красоты женскаго тѣла. Женщины, разумѣется, начинаютъ стремиться увеличить обаяніе своихъ прелестей: появляются румяна, открываются плечи, спина, грудь. Прежнія занятія оставляются для музыки, пѣнія, танцевъ и искуства остроумной болтовни. Женская половина покидается: женщины начинаютъ раздѣлять съ мужчинами пиры при самой безнравственной обстановкѣ. И т. д.

Спрашиваемъ еще разъ: чѣмъ же обусловливаются эти явленія? Преобладаніемъ физическаго элемента въ сношеніяхъ половъ,—того элемента, на которомъ единственно былъ построенъ древнѣйшій германскій бракъ, не поддавшійся еще въ средніе вѣка значительному и всеобщему вліянію нравственныхъ воззрѣній на этическій характеръ брачной связи и такимъ образомъ назначеніе брака не сводили еще къ самому общенію супружескому, а по прежнему въ служебномъ признаніи жены, далеко еще не уравненной мужу съ личной стороны, видѣли весь его смыслъ. Но уже проявляются признаки все болѣе самостоятельнаго положенія жены въ мужнемъ домѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе этическихъ отношеній къ ней. Правильное развитіе этихъ признаковъ рано или поздно должно было подготовить къ господству этическаго взгляда на бракъ.

До сихъ поръ мы разсматривали только личныя отношенія въ бракѣ; теперь обращаемся къ имущественнымъ отношеніямъ, чтобы посмотрѣть, насколько позднѣйшая форма ихъ способствовала развитію новыхъ признаковъ брачнаго общенія.

Прежде всего мы замѣчаемъ, что прежнія обычныя одаренія дочери, невѣсты и жены, первоначально незначительныя по объему, съ распаденіемъ родовой организаціи могли уже пріобрѣсти извѣстное значеніе, не подлежа ограниченію въ интересѣ рода, семьи. Кромѣ того, при новой формѣ соціальнаго быта расширяется наслѣдственное право женщинъ, такъ-что женщина, наслѣдуя отъ отца, матери и другихъ родственниковъ уже во время замужества могла значительно увеличивать семейное имущество въ силу своихъ родственныхъ связей. Однимъ словомъ, теперь могла идти рѣчь объ особомъ комплексѣ имущества, приписаннаго за женой. Остановимся на отдѣльныхъ видахъ этого имущества.

Что касается прежде всего обыкновенія прилично снаряжать невѣсту отцемъ или вообще ея родственниками, то хотя по прежнему оно не выродилось въ обязательство дотировать выходящихъ замужъ, какъ это было въ римскомъ правѣ (обыкновенно это объясняютъ отголоскомъ родоваго

начала, ограничивавшаго наслѣдственное право для лицъ женскаго пола),—но обычное снаряженіе современемъ пріобрѣло уже такое важное значеніе, что нерѣдко, особенно въ королевскихъ семьяхъ, оно играло большую роль при брачныхъ переговорахъ.—Далѣе, объемъ утренняго дара по обычаю долженъ былъ соотвѣтствовать состоянію мужа. И вотъ мы встрѣчаемся съ такими примѣрами уже отъ шестаго вѣка, когда короли (наприм. Хильперикъ) преподносятъ своей женѣ въ качествѣ утренняго дара цѣлые города. Да и вообще чрезмѣрныя даренія этого рода доказываются тѣмъ, напримѣръ, что въ Зерцалахъ поставляется максимумъ, свыше котораго мужъ не имѣетъ права одарять жену,—явное ограниченіе въ интересѣ мужней семьи.—Наконецъ, по прежнему остается обычай назначенія мужемъ женѣ ея вдовьей части. Объемъ этого имущества уже по старому обычаю долженъ былъ соотвѣтствовать происхожденію невѣсты (secundum genealogiam suam); а позднѣе у отдѣльныхъ германскихъ племенъ была даже установлена для вдовьей части такса, иногда весьма значительная (у Салическихъ Франковъ—$62\frac{1}{2}$ solid. у Рипуарскихъ—50 sol., у Аллемановъ—40 sol., у Саксонцевъ—300 solid. и т. д.); а еще позднѣе (у Франковъ уже въ шестомъ вѣкѣ) вдовья часть весьма нерѣдко выражалась въ недвижимостяхъ (Саксонское Зерцало), или даже во всемъ настоящемъ и будущемъ имуществѣ мужа.

По всему перечисленному имуществу, принесенному женою въ бракъ, мужу по прежнему во имя семейнаго главенства (Vogtei) предоставлялось общимъ началомъ право исключительнаго завѣдыванія (Саксонское и Швабское Зерцалы), такъ-что жена безъ согласія или соучастія мужа не могла ни обязываться, ни отчуждать ничего изъ этого имущества. Одинъ актъ восьмаго вѣка, говоря о присутствіи мужа при дареніи, совершаемомъ женою, выражаетъ его участіе словами: «онъ далъ согласіе» (qui consensit). По нѣкоторымъ мѣстнымъ правамъ отъ даннаго періода мы находимъ слѣды самаго полнаго права распоряженія мужемъ имуществомъ жены. Такъ, иногда читаемъ (наприм. въ правѣ Любека), что мужу предоставлялось право отчуждать движимое имущество жены безъ всякаго ея согласія, а въ другихъ случаяхъ

(наприм. болѣе ранній Люнебургскій Статутъ) это право отчужденія признавалось за мужемъ общимъ началомъ, безъ всякихъ ограниченій. Но рядомъ съ общимъ правомъ мужа завѣдывать имуществомъ, полученнымъ за женой,—правомъ, въ отдѣльныхъ мѣстныхъ законахъ неограниченнымъ,—должны были рано или поздно проявиться въ жизни такія явленія, которыя лишили бы имущественныя отношенія супруговъ односторонняго характера, а именно должны были выдвинуться права жены на принесенное ею имущество и во имя этихъ правъ проявиться ея прямое участіе въ распоряженіи имъ.

Внѣ родоваго быта, какъ мы уже сказали выше, женщина вообще становится самостоятельнымъ субъектомъ имущественныхъ правъ. Дѣйствительно, по нѣкоторымъ мѣстнымъ законамъ, предоставлялось незамужнимъ совершеннолѣтнимъ женщинамъ право отчуждать свое имущество (Пургольдтъ), проводить лично иски въ судѣ (Дитмарское право); тогда какъ еще по всѣмъ другимъ мѣстнымъ правамъ требовалось для совершенія этихъ актовъ формальное участіе третьяго лица, замѣнявшаго собою прежняго опекуна. Поэтому-же приписанное за женою имущество разсматривается уже не только формально—ея собственностью. Въ Зерцалахъ, выходящая замужъ одарялась родственниками лично и затѣмъ она уже сама приносила мужу приданое. Соотвѣтственно тому въ Саксонскомъ Зерцалѣ встрѣчаются часто выраженія: «женино имущество, женина собственность» и т. п. Разъ за женой было признано право собственности на извѣстное имущество, то право распоряженія имъ должно было подлежать для мужа ограниченію. Уже по Лонгобардскимъ и Аллеманскимъ правамъ, позднѣе по Зерцаламъ, мужъ не смѣлъ ничего отчуждать изъ имущества жены безъ ея согласія; иначе она могла всегда вытребовать отчужденное у всякаго третьяго владѣльца. Мало того, если распоряженія мужа были явно во вредъ женѣ, то ей должно было предоставить право противодѣйствовать имъ. Въ Швабскомъ Зерцалѣ женѣ предоставляется право требовать судебнымъ порядкомъ, чтобы мужъ лишенъ былъ завѣдыванія принесеннымъ ею приданымъ, въ случаѣ худаго управленія. Далѣе, въ позднѣйшія времена

среднихъ вѣковъ мы встрѣчаемся съ такимъ видомъ женина имущества, на который вовсе не распространяется мужнее господство; это — такъ называемое обособленное имущество жены (Sondergut), полученное ею по дару или отказу съ тѣмъ условіемъ, чтобы мужъ не имѣлъ къ нему никакого отношенія. Кромѣ того выше мы уже намекнули, что за женой признано было право участія и въ имуществѣ пріобрѣтенномъ впродолженіи брачнаго сожитія (collaboratio, conquisita). Такъ, въ сводѣ рипуарскихъ франковъ и многихъ источникахъ по исторіи и праву салическихъ франковъ говорится о правѣ жены на третью часть (tertia) изъ этого имущества. По другимъ правамъ рѣчь идетъ уже о половинѣ (наприм. въ Саксонскомъ правѣ). Во имя этого права жена могла вмѣшиваться въ распоряженія мужа этимъ имуществомъ, напримѣръ путемъ даренія, какъ это упомянуто уже въ древнѣйшихъ хартіяхъ.

Послѣ всего сказаннаго объ имущественныхъ отношеніяхъ въ германскомъ бракѣ отъ средины и конца среднихъ вѣковъ мы получаемъ такого рода представленіе. Первоначальный мундіумъ, выродившійся въ семейное главенство, сложилъ имущественныя отношенія супруговъ въ такую форму: съ одной стороны мужъ былъ единымъ распорядителемъ всего семейнаго имущества, съ другой же стороны за женой признается уже не только формальное право на него, но въ извѣстной степени и право участія въ пользованіи и распоряженіи имъ. Такое отношеніе супруговъ къ семейному имуществу дало основаніе сказать Саксонскому Зерцалу, что «мужъ и жена не имѣютъ при жизни отдѣльнаго имущества». Въ положеніи этомъ мы едва-ли можемъ, послѣ только-что описаннаго права участія жены, признать начало полной внутренней имущественной общности; но въ отдѣльныхъ городскихъ статутахъ конца среднихъ вѣковъ, расширившихъ взаимныя права супруговъ на имущество, мы не можемъ уже отрицать ясно выразившуюся систему имущественной общности. Въ основу этой системы легла та форма имущественныхъ отношеній, которая обусловливалась древней мужней властью. По этой системѣ мужу впродолженіи брака принадлежало владѣніе, пользованіе и управленіе всѣмъ иму-

ществомъ, но съ расширеніемъ правъ жены она признается соучастницей мужу.

Итакъ мы видимъ, что германское право избѣгло тѣхъ послѣдствій, которыя проявились въ Римѣ съ распаденіемъ родового быта. Германское право избѣгло полной личной и имущественной раздѣльности.

Послѣ всего изложеннаго нельзя не замѣтить и въ исторіи германскаго брака наличность трехъ поставленныхъ въ началѣ труда элементовъ и временное преобладаніе каждаго изъ нихъ; хотя въ германскомъ бракѣ мы уже не можемъ отличить періода исключительнаго господства второго изъ двухъ позднѣйшихъ элементовъ, какъ въ римскомъ бракѣ, такъ-какъ, по указаннымъ выше причинамъ, переходъ ко вліянію христіанскаго ученія наступилъ непосредственно за періодомъ полнаго господства физическаго элемента. Но медленное и постепенное закрѣпленіе этическихъ началъ даетъ возможность и при этомъ смѣшеніи элементовъ различить жизненныя явленія брачнаго союза, вызванныя преобладаніемъ того или другаго элемента и заключить объ одномъ и томъ-же ихъ значеніи что и въ римскомъ бракѣ.

Итакъ мы видѣли, что въ древнѣйшемъ германскомъ бракѣ исключительно господствуетъ физическій элементъ. Супружескія отношенія въ этотъ періодъ основываются на полномъ подчиненіи (лично и имущественно) жены мужу. Этимъ полнымъ подчиненіемъ жены семейной власти объясняемъ мы себѣ, какъ это указали и въ древнемъ римскомъ бракѣ, крѣпость, устойчивость брачнаго союза при господствѣ въ немъ лишь физическаго начала. Родъ охранялъ чистоту этого союза страшными карательными мѣрами въ случаяхъ измѣны мужу. Позднѣе съ развитіемъ государственности слабѣетъ значеніе родовой организаціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ выдвигается новый элементъ брачный—согласіе волей. Современное этому явленію исповѣданіе христіанской вѣры не въ состояніи было замѣнить немедленно основныя воззрѣ-

нія германцевъ на бракъ этическимъ ученіемъ о немъ. Поэтому бракъ, основанный теперь лишь на соглашеніи волей, начинаетъ шибко распадаться: всеобще развивается наложничество, безнравственность проникаетъ во всѣ слои общества, однимъ словомъ физическій элементъ ничѣмъ не сдерживается. Но прежній принципъ мужней власти оказалъ свое дѣйствіе: распущенность исходитъ главнымъ образомъ отъ мужской половины, которая, пользуясь чувственной стороной своихъ отношеній къ женщинамъ, держитъ въ служебномъ къ себѣ положеніи женъ. Никогда въ Германіи женщина не достигла, какъ въ Римѣ, почти полнаго самостоятельнаго положенія предъ мужчинами, а потому и не содѣйствовала такъ много съ своей стороны распаденію семейнаго союза въ періодъ переходныхъ вліяній отъ господства физическаго элемента брака къ господству этическаго начала. Но вотъ мало-по-малу на борьбу съ этими явленіями выступаетъ Церковь и послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ достигаетъ съ XIII-го вѣка общаго сознанія христіанскихъ воззрѣній на бракъ. На Тридентскомъ соборѣ они получаютъ свое полное выраженіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнившійся характеръ мужней власти долженъ былъ какъ нельзя болѣе способствовать вліянію этого ученія. Мужъ и жена были уже прикрѣплены другъ къ другу лично и имущественно, ихъ не приходилось уже скрѣплять, перекидывать между ними связи, какъ между позднѣйшими римскими супругами, лично и имущественно раздѣльными. Тутъ оставалось для господства этическаго начала полнаго внутренняго общенія между супругами работать съ другой стороны, а именно: возвысить жену въ глазахъ мужа, признавъ за нею самостоятельную правоспособность предъ его лицомъ, обезсилить обезличивающій ее авторитетъ. Мы указали что было сдѣлано въ этомъ отношеніи впродолженіи среднихъ вѣковъ. Въ приведенныхъ признакахъ измѣнившихся личныхъ и имущественныхъ отношеній между супругами уже несомнѣнно сказался этическій взглядъ на брачный союзъ.

Каковы были дальнѣйшіе шаги вліянія христіанскихъ брачныхъ началъ и насколько онѣ проявились въ жизни,—

не входитъ въ нашу задачу. Мы хотѣли только разъяснить на исторіи брака смыслъ каждаго изъ извѣстныхъ намъ теперь элементовъ его. Мы видимъ, что только господство этическихъ воззрѣній на бракъ способно скрѣпить брачный союзъ и облагородить отношенія въ немъ. Общественное сознаніе христіанскихъ народовъ донынѣ живетъ подъ господствомъ этихъ воззрѣній. Это особенно замѣтно на современномъ бракѣ тѣхъ народовъ, у которыхъ признакъ соглашенія волей выступилъ внѣшне на первый планъ и далъ такимъ образомъ опредѣленіе брака какъ гражданскаго договора, въ каковомъ положеніи нѣкоторые ученые (наприм. Demolombe) видѣли одинъ изъ признаковъ отдѣленія гражданскаго порядка отъ вліянія церкви. Но если ближе вникнуть въ характеръ этого положенія, то мы замѣтимъ, что брачный договоръ отличается въ существенныхъ признакахъ отъ прочихъ гражданскихъ договоровъ, а именно — вездѣ въ принципѣ признано общимъ правиломъ начало нерасторжимости этого договора, тогда какъ въ гражданскомъ правѣ господствуетъ правило, что все, установленное соглашеніемъ, расторгается обратною волею (quae consensu contrahuntur, contrario consensu dissolvuntur). Мало того, попытки во Франціи уподобить брачный договоръ всѣмъ остальнымъ гражданскимъ договорамъ (Const. 1791 tit. art. 7) по его расторжимости (законы 20 сентября 1792, 8 нивоза 11-го года, 4 флореала и др.) разбились о вліяніе церковныхъ началъ нерасторжимости (законъ 8-го мая 1816 г.). Въ чемъ же заключается основа такой особенности брачнаго договора новѣйшихъ временъ въ отличіе отъ римскаго, послѣдовательно распространявшаго и на бракъ общія положенія о расторженіи соглашеній? Западные клерикальные писатели (наприм. Béchamp) объясняютъ это тѣмъ, что за бракомъ всѣми признается значеніе союза, установленнаго рукою Божьею, что въ соглашеніи сторонъ признано вмѣшательство Божье, возводящее бракъ въ таинство, въ союзъ нерасторжимый и такимъ образомъ самъ договоръ брачный сводится къ простому causa matrimonii. Таково объясненіе церковныхъ писателей тѣхъ аномалій, которыя замѣчаются въ гражданской формѣ брака. Для насъ неважно — насколько богословско-церковное ученіе вліяло на удержаніе за бракомъ признака нерасторжимости, но мы не можемъ отвергнуть

того, что вѣковое вліяніе христіанскихъ идей сложило въ числѣ прочихъ нравственныхъ началъ, характеризующихъ новѣйшую мораль, и то ученіе о высокомъ этическомъ смыслѣ супружескаго союза, подъ вліяніемъ котораго нынѣ мы живемъ и отъ котораго не думаемъ освобождаться.

2007059696